

Зоя Евгеньевна Журавлева

Кувырок через голову

Зоя Евгеньевна Журавлева

Кувырок через голову

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=160973

Аннотация

Герои этого произведения – пес Фингал, кошка Мария-Антуанетта, две птички, уж Константин, десятилетняя девочка Ася, ее мама и папа, а также хозяин крысы и многие другие... В Асиной семье хватает места и для веселых игр и общения с родителями и конечно же для животных, которых мама и папа сами с восторгом тащат в дом.

Содержание

Вечернее разложение	4
Пускай она все равно Лариса!	15
Сено для Дездемоны	31
Снимок для афиши	48
Ответ истинного джентльмена	66
Сколько перенес этот пудель!	84
Трепетная лань	103
Фонарик под одеялом	123
Ласковый друг для души	145
Творческий кризис	161
Родство душ	182
Точка «В»	206

Зоя Журавлева

Кувырок через голову

Вечернее разложение

На батарее спит кошка Мария-Антуанетта, обняв ее лапами.

Фингала не видно, он под столом, только кожаный нос чернеет и блестят глаза. На нем, распластавшись, спит белая крыса Нюра (но она все равно – Лариса), и длинный хвост ее чуть подрагивает.

В кухонное окно видно немножко крыши, и эта крыша сейчас гудит. Будто кто-то, неловкий, большой бродит по ней сейчас, невидимый в сумерках. Это ветер бродит. Но в кухне тепло.

Мама лежит на диване. Лицом вверх, руки закинута за голову, острые локти торчат. Смотрит куда-то вверх, в пустой потолок. Когда мама так смотрит, папа, если он дома, сразу хватается газету и начинает у нее перед глазами махать: «Ты где? Ты где?»

Мама лежала-лежала. Вдруг говорит:

– Аська, а если нам козу завести, а?...

Ася увидела. Жухлый газон перед домом. Снегу еще нет, но трава уже мерклая, жестко шуршит под ногой. Коза идет

по газону, как королева, и мохнатые бока ее важно колышутся. Из рта торчит астра. Нет, георгин, он пышный. Троллейбус остановился возле газона, скинул уши в траву, пассажиры тычут пальцами и смеются. А из подворотни уже бежит, переваливаясь, толстая дворничиха и кричит толстым голосом: «С ума посходили! Козы посередь города!»

– Где? Прямо в городе?

– А при чем тут город? – удивилась мама. – Здесь, в квартире. Утром откроешь глаза, а из кухни по коридору уже цок-цок-цок. И такая лукавая бородатая морда, а?!

– Бородатый – это козел, – поправила Ася.

– Все ты знаешь, – обиделась мама. – Коза тоже бывает, я помню.

Она уже не лежит. Вскочила. Глаза теперь хитрые, без всякой потусторонности. Это папа ей говорит: «Пожалуйста, не смотри на нас такими потусторонними глазами!» Мама не понимает, что папа выдумал. «Я не на вас вовсе смотрю, я – мимо вас». – «Тем более – мимо», – обижается папа. Ася хочет тоже вмешаться, заступиться, что ли, за папу. Но папа тихонько толкает ее, уже тащит из комнаты: «Не мешай маме. Пошли!» Ася еще упирается в коридоре: «Она все равно ничего не делает». Папа хватает ее на руки, тащит, смеется:

«Делает. Да не твоего ума дело». – «А чьего?» – «А не твоего!» Папа смеется, подкидывает Асю. Но она вырывается: «Нет, правда, – скажи?!» Вдруг папа поставил Асю на пол и говорит: «Она думает». Ой, Ася чуть не упала со смеху.

Ничего себе: дело! «Я тоже думаю!» – «Вот за это я тебя уважаю. Думай дальше». И папа серьезно так на Асю взглянул...

Это Ася раньше не понимала, маленькая была. Теперь-то она понимает. Мама пишет повесть. Раньше у нее получалось, это же ее работа. Но сейчас вряд ли получится, она сама говорит...

– Может, коза бы меня стимулировала, – размечталась мама.

Непонятно, что бы ей эта коза. Но не хочется спрашивать. Мама сама нипочем не скажет, а пошлет Асю за словарем. Придется тащиться в большую комнату, приставлять стул, лезть на стеллаж. Словари стоят тесно, и один обязательно упадет.

– И чего мы будем с ней делать? – уклончиво уточняет Ася.

– Поставим в сервант, – смеется мама. – У меня была знакомая коза, она всегда стояла в серванте и блестела.

– А как она туда залезала?

– Кто ее знает. Залезала – и все.

– У нас и серванта нет, – напомнила Ася.

– Вот видишь, – вздохнула мама. – Даже серванта нет. В него чашки надо. Чашек, признаться, тоже негусто. Ты мою кружку случайно не видела?

– Видела. Она в помойном ведре. Ее Туся ночью с буфета скинула, но я все осколки потом собрала.

– Ну, Туська! – грозно сказала мама.

Кошка Мария-Антуанетта сразу подняла голову от батареи, открыла глаза и сказала: «Гррн!» Но не спрыгнула. Мария-Антуанетта ужасно отзывчивая, всегда сразу ответит.

– Опять она хозяйничает, – сказала мама.

Фингал под столом завозился и на всякий случай виновато шаркнул хвостом, печальные глаза его подобострастно взблеснули.

– А ты при чем? – удивилась мама. – Набезобразничал и молчи!

Днем, пока Ася в школе, Фингал опять на диване валялся. Мама вошла, а ему даже спрыгнуть лень – лежит и моргает. Весь диван теперь в шерсти, снова надо чистить...

А Мария-Антуанетта, будто ее не касается, опять уже спит. Обняла горячую батарею. Лапы у нее черные, а сама Мария-Антуанетта кофейная, цвета «кофе натуральный со сгущенкой без сахара», как папа всем объясняет. Этот цвет ей полагается по породе, ведь она чистокровно сиамская, не какая-нибудь.

Ночью в кухне Мария-Антуанетта одна. И, конечно, хозяйничает. Гремит кастрюлями на плите, Асе в комнате слышно. Открывает буфет и выбрасывает оттуда, что может. Тарелки она, например, не может. Тарелок поэтому пока много. А рюмок почти что нет. Рюмки Мария-Антуанетта с грохотом гоняет по кухне. Их утром в разных углах находят. Иногда они утром целые, но редко. Печенье тоже находят на полу, Мария-Антуанетта его любит погрызть. Мама

предполагает, что она и по столу ходит. Но этого никто не видел. Печенье она, может быть, тоже в буфете берет, из пакета, а вовсе не обязательно со стола. Папа утром сердится и грозит Марии-Антуанетте облезлым веником, а мама его останавливает: «Брось! Должен же кто-то в дому жить полной жизнью?!» Но свою кружку ей сейчас жалко.

– Хоть стакан бы какой-нибудь недобитый...

Нашла, наконец, и шагнула к раковине. Холодную воду опять будет пить прямо из-под крана. Асе, кстати, не разрешает.

– И этот тут, здрасьте! – сказала мама.

Увидела ужа Константина. Ася забыла предупредить: Константин ведь нежится в раковине! Ася сама воду ему пустила. Заметил маму, булькнул и ушел с головой под воду. Но сразу вынырнул, потому что мелко. Если было бы глубоко, Константин все равно сразу бы вынырнул, потому что он любопытный.

– А этот почему здесь? – удивилась мама.

Вытащила затычку. Вода забулькала. Константин нехотя вылез из раковины, спустился на пол по стиральной машине, которая рядом, и построился через кухню к буфету. Мария-Антуанетта соскочила с батареи, понюхала мокрого Константина, чихнула и вспрыгнула на батарею обратно.

– Эта раковина для мытья посуды, Настасья, – сказала мама противным воспитательным голосом. – На то ванная есть.

– Там лохматый сохнет, – объяснила Ася.

– Не в самой же ванне!

– В самой ванне он мокнет. Его знаешь там сколько!

– Могу себе представить, – вздохнула мама. Она вздохнула, что опять папа своими фотографиями захламляет квартиру. Куда ни сунешься – всюду карточки, сохнут, мокнут, глянцеются или лежат под прессом. – Это какой – лохматый?

– Такой... – Ася показала.

Всеми пальцами себе в волосы влезла и как следует там прошлась. Сразу хорошо встали: дыбом. У Аси волосы жесткие, черные, когда на улице сыро – чуть завиваются на концах, а вообще-то – прямые. Глаза чуть-чуть раскосые, желтые. Скулы тоже есть, и на них румянец, просто такая кожа – тугая. «Чингисхан какой-то», – говорит мама. А папа смеется: «Она никогда не была красивой, но всегда была чертовски мила». Это одна знаменитая актриса про себя говорила, папа читал. Может, даже слышал. Он в театре работает, фотографом, вполне мог и слышать.

– А, – мама сразу поняла. – Это поэт.

Может, и поэт. Папа их иногда снимает, для книжки. Потом книжка выйдет, а впереди, сразу как откроешь, – фотография: портрет автора. Это папа делал. «Я вам книжку обязательно подарю, – говорит папе каждый автор, улыбаясь потом в коридоре. – Обязательно!» И долго жмет папе руку, извиняется за беспокойство, что вот он причинил папе столько хлопот, у него немножко такое лицо, он сам знает. Но папа так его замечательно снял! Схватил самую суть! Папа – на-

оборот – говорит, что лицо хорошее, есть с чем повозиться, с таким лицом, но папа на этот раз не очень, честно говоря, схватил, свет не совсем был тот...

А потом они забывают дарить. Папа придет: «Книжка-то уже в продаже была!» – «Ну и что?» – невнимательно удивится мама. «Опять забыл подарить». – «Юрка, ну до того ль человеку, когда книжка вышла? – смеется мама. – Ему долги раздать надо!» – «Все-таки хотелось иметь, – вздыхает папа. – Я, может, старался». – «Вот и будь доволен», – смеется мама.

Но сейчас она не смеется. Ходит по кухне и старается наступить Фингалу на хвост. Дался ей этот хвост! Вот, опять попала. Фингал осторожно втягивает свой хвост под стол, но молчит. Знает, что никто его пока не прощал. Ага, снова попала.

– Ему же больно, – сказала Ася.

– Что? – мама будто не слышала, но наступать перестала.

Вдруг говорит. – Хоть б

кто-нибудь позвонил! Возможно, это бы меня стимулировало. Да, не исключено...

– Ты телефон выдернула, – напомнила Ася.

– Это не имеет значения...

Ничего себе: не имеет! Мама часто телефон отключает. Он ей мешает думать. Но сейчас она все равно не думает! Бродит по кухне, держит себя руками за локти. Папа, если он дома, сразу говорит: «Не горбись!» А мама только отма-

живается: «Мне так удобней». Она всегда по-своему делает, как ей удобней. Но ведь сейчас все равно – думай, не думай, если не получается?!

– Включить? – предложила Ася.

– Не надо, – мама даже не обернулась.

Легла опять на диван, лицом вниз, и глядит неизвестно куда.

– Давай карту посмотрим, – предложила Ася.

– Это, пожалуй, мысль...

Сразу повеселела. Все-таки Ася свою маму знает, чем ее возьмешь. Развернула карту. И сама рядом с мамой легла.

– Ух, какая страна огромная, Чингисхан!

Ася ткнула пальцем подальше, к самому краю. Она свою маму знает: чем дальше, тем лучше.

– Владивосток, – торжественно сообщила мама, будто Ася неграмотная. – Ты прекрасное место выбрала. Я там трижды была.

Она всюду была, куда ни ткни. А Ася пока нигде не была: близко – не считается. Папа тоже почти нигде не был, если с мамой, конечно, сравнивать.

– У нас там кто-нибудь есть?

Это вопрос хитрый. Знает все-таки Ася маму. Сразу глаза заблестели, как у Фингала. Давно известно, что у мамы в каждом городе кто-то есть. Но мама любит, чтобы Ася с папой спросили. А потом удивились. А мама бы удивилась, чему они удивляются. В каждом городе, куда пальцем ни

ткнешь, есть у мамы друзья. И поэтому Асе иногда кажется, что она была всюду.

– О, там много! Володя Звягинцев там у нас есть. Океанолог. Такой, Чингисхан, человек! С аквалангом меня учил нырять. А ущелье под водой красное, бородатое, скалы. И прямо на меня вышел морской бычок. Губой так, пых-пых. Глазища на меня вытаращил. Я тоже вытаращила. Вдруг он дернул хвостом и обратно ушел в ущелье, как его и не было. Только бородатые водоросли качнулись...

– Большой? – Ася представила, и даже страшно.

– Морской. Метра четыре...

– Врешь, – сказала Ася, хоть она, конечно, поверила. Она даже больше представила, такой, бычище.

– Ну, вру, – легко согласилась мама. – У меня ж глазомера нету, ты знаешь. И вообще я его не мерила. Здоровенный! Постоял так передо мной и пошел себе. Я за ним как рванусь! А акваланг был слабо привязан – как мне даст по шее! Едва вынырнула. Как думаешь, почему я этому морскому бычку так быстро надоела? Он бы мне никогда не надоел!

– Ты почему всегда выдумываешь? – обиделась Ася.

– Никогда я не выдумываю. Видела б ты, с какой великолепно-презрительной мордой он от меня ушел! Тогда бы ты меня поняла! Никогда этому бычку не прощу!

Теперь ее и не остановишь.

– Ха-тан-га... – по слогам прочитала Ася.

– Ооо! – мама сразу обрадовалась, хоть эта Хатанга Асе

впервые попала. – Там Маша Ступичева у нас! Охотовед. Мы с ней по речке сплавливались. Тундра кругом, голубой лед из берегов торчит, песцы бегают по песку и на нас кашляют. Лай у них такой, будто хриплый кашель. И сразу четыре солнца...

Ася не успела спросить, почему – четыре. Опять, наверно, выдумала. Но тут в коридоре истошно завизжала морская свинья Дездемона. Залаял Фингал. Белая крыса Нюра (она все равно – Лариса) скатилась с Фингала, где дрыхла, встряхнулась, деловито пошевелила усами и с ходу вцепилась Асе в джинсы. Хлопнула дверь.

– Папа пришел! – закричала Ася.

Бросилась в коридор. Но Фингал, как всегда, опередил: уже скакал там. Нюра (она все равно – Лариса) ловко вскарабкалась Асе на плечо и теперь лезла в волосы. Мария-Антуанетта вышла, потягиваясь грациозно. Уж Константин, воспользовавшись суматохой, тоже юркнул в коридор и спрятался за тумбу для обуви.

– Что, Дези, рада?

Папа сквозь клетку щекотал Дездемоне толстое пузо. Дездемона присела, отчаянно взвизгнула от счастья и дрыгнула всеми лапами сразу. Черное пятно на белом Дездемоновом горле – печать Отелло, потому она и Дездемона – густо запорошилось опилками. Опилки из клетки так и летели! Еще бы, она папина любимица. Всегда первая знает, что папа идет.

Фингал ткнулся папе под мышку. Ася тоже ткнулась, но Фингал достал выше. Оттолкнула Фингала. Мария-Антуанетта заходила вокруг сдержанными кругами, и внутри у нее уже загудело, словно в Марии-Антуанетте вдруг заработал моторчик. Это она запела.

– Как вы тут без меня живете? – сказал папа весело. – Что вы без меня делаете?

– Ничего не делаем! – закричала Ася. – Плохо живем!

– Приятно слышать, – засмеялся папа.

– Так, вечернее разложение, – сказала мама.

– И где у вас разложение?

– В кухне! – закричала Ася. – На диване! Мы карту смотрим!

– Ну, разве это разложение?!

Вдруг крикнул папа. Подхватил Асю вместе с белой крысой Нюрой (она все равно – Лариса!), которая уже прочно вцепилась ей в волосы, высоко поднял и как швырнет на диван. Потом маму как схватит! И как на Асю швырнет! Так мягко! Потом Марию-Антуанетту поймал и ее как на маму бросит! Уже Фингала схватил и хочет его втащить на диван. Фингал упирается, он же на диване уже валялся и теперь наказан. Бойся лезть! А папа его силой тащит. Еле-еле втащил. И сам еще плюхнулся.

– Вот теперь, – кричит, – настоящее вечернее разложение!

Пускай она все равно Лариса!

Утром Ася встала рано. По будильнику. А папа опять проспал. Ася не стала будить, пускай. Ночью снова печатал, а на работу ему не скоро еще. В театре все долго спят, хорошо выспятся – тогда репетируют, с одиннадцати часов. Маму будить вообще нельзя. Ночью она работает, хоть у нее и не получается. Все собирается утром с Асей встать. «Хорошо бы завтра рано подняться, – все мечтает, – и посмотреть в чистые глаза ребенка». Ей кажется, что утром у Аси какие-то будут особенные глаза. Ерунда, Ася уже поглядела. Все равно мама не поднялась: спит, и подушка на голове, чтобы папин будильник случайно не разбудил.

Мария-Антуанетта давно уже встала. Ночью разбила блюдо. Теперь за Асей бегает и орет. Она рыбы требует! А Фингал ее хватает за лапы. Тогда Мария-Антуанетта шипит. Но все равно орет. Подавай ей рыбы! Ася дала, но Фингал отнял. Мария-Антуанетта еще сильнее орет. Дездемона свистит и бросает на пол опилки. Ей морковки надо! Нюра (она все равно – Лариса) залезла Асе на шею и теперь щекочется. Тоже просит! Один уж Константин ничего не просит. Он в шкаф залез, на белье, когда Ася одевалась, и теперь доволен.

Себе Ася сварила овсянку. Овсяную кашу каждое утро ест английская королева. Это папина загадка: «Какая разница между английской королевой и нашей Аськой?» Никто не

может догадаться. «Английская королева любит овсянку на воде, а наша Аська – на молоке, вот какая», – смеется папа. Интересно, как королеве не надоест? Если бы Ася была королевой, она бы утром ела яйцо. Даже два яйца.

Сегодня можно бы, раз папа проспал. Но это уже вопрос принципа, как он любит говорить. Что мы, хуже королевы? Ну уж – нет! И Ася все равно сварила овсяную кашу, пусть английская королева чувствует.

Овсянка слегка подгорела и слегка убежала.

Это пустяки. Фингал вылизал остатки в кастрюле, а Мария-Антуанетта потом подберет с плиты своим шершавым языком. Они неизбалованные, все едят, что плохо лежит. У Аси сейчас на столе кусок сыра плохо лежит: с краю. И Мария-Антуанетта сразу стащила. На полу она зазевалась, и сыр украла Нюра. Уселась посреди кухни и хрумкает.

Держит перед собой обеими лапами. И быстро-быстро слева направо грызет. Ровно! И голова у нее быстро-быстро поворачивается за сыром, слева направо. Догрызла. Резко тряхнула головой, что конец. И опять с левого края пошла зубами точить. Будто другая строчка! Это папа догадался однажды: «Лариска газету читает, глядите!» Так теперь и осталось: «Дайте Ларе газетку, пусть просвещается». Но сейчас ей никто не давал...

Мария-Антуанетта только ногу себе почесала – уже эта нахалка Лариса (по паспорту-то она – Нюра!) сидит и ее добычу жуёт.

Сразу возникла драка.

В другое время Ася бы не стала их разнимать. Пускай себе дерутся! «В хорошей драке есть тонус», – папа находит. Тем более что Нюра с Марией-Антуанеттой дерутся нестрашно. У них отношения давно сложились, можно не беспокоиться.

Они так сложились. Нюра щерит красные зубы, очень красивые, и наскакивает на Туську. Но так нарочно наскакивает, чтобы своими красивыми зубами ее не задеть. Только клац-клац возле Туськиного носа! А Мария-Антуанетта ворчит, как труба под раковиной, хмуро щурит глаза, приседает и быстро-быстро молотит лапами у Нюры над головой. Но так, чтоб случайно ее не задеть когтями за морду.

Сыр давно уже съел Фингал и теперь облизывается.

– Хватит! – кричит им Ася. – Кому сказала!?

Она не стала бы останавливать, потому что Нюра и Мария-Антуанетта уважают друг друга. Но – при всем своем уважении – драться они как раз любят долго. Ася в школу из-за них опоздает!

Не слышат. Дерутся.

Пришлось схватить Нюру и засунуть в портфель. Вот уж Ася не думала ее в школу сегодня брать! Но придется. Мария-Антуанетта сразу же успокоилась. Села себе и вылизывается. А Нюра еще шебуршит в портфеле, тетрадки, небось, грызет.

Своя клетка у нее есть, конечно. Лариса иногда там сидит. Если сама захочет. Спит в клетке иногда, чаще-то – у Аси под

одеялом. Сало у себя в клетке прячет, на черный день. Или колбасу. Но попробуй ее там запри! Сразу как скакнет! И изнутри на клетке повиснет. Лапами будет ее трясти, зубами стучать – клетка прямо подпрыгивает. Однажды упала с окна на Фингала, он чуть зайкой не сделался. Еще бы! Ты спишь на своем законном месте, а тебе на загрибок вдруг валится железная клетка с разъяренной Ларисой, которая сквозь решетку норовит тебе вцепиться зубами в бок.

Ничего не поделаешь!

«Воспитана в порочных условиях абсолютной свободы личности», как папа про Ларису говорит. Нет уж, спокойнее ее в школу взять. А Фингал зря запрыгал. Подумал, что Ася его тоже берет. Карликового пинчера еще можно бы иногда взять, но уж никак не восточно-европейскую овчарку.

Ася ловко толкнула Фингала и выскочила за дверь.

А Фингал изнутри завыл.

На улице возле телефона-автомата стоял Богданов и колотил новым портфелем по будке. Увидев Асю, стал еще сильнее колотить.

Волосы у Богданова белые, лицо круглое, один глаз коричневый, а другой – синий. Из-за этого многим взрослым кажется, что лицо у Богданова хитрое, себе на уме, будто он нашкодил и сейчас соврет. Но Ася знает, что Богданов врать как раз совсем не умеет. Он, наоборот, честный простак, этот Богданов.

– Чего на будку накинулся? – сказала Ася.

Богданов сразу перестал колотить и пошел рядом.

Им только до угла вместе, а потом в разные стороны.

Вот в детском саду они были в одной группе и ходили всегда в паре. Однажды Ася разбила зеркало в спальне и заведующая на нее накричала. Она вообще была громкая, но невредная. А вечером, когда родители в раздевалке разбирали своих детей, к этой заведующей вдруг подошел Богданов в одном валенке. Вдруг тронул заведующую за рукав, показал на Асю и говорит: «Вы на эту девочку голос никогда не повышайте». -»Почему?» – громогласно удивилась заведующая. «Потому, что я ее люблю», – разъяснил серьезно Богданов.

«Мне весь свой педагогический опыт пришлось собрать, чтоб ему ответить», – рассказывала маме заведующая. Она собрала и ответила: «Если любишь человека, Богданов, надо помогать ему становиться лучше». А Богданов ей уже не успел ответить. Потому что в этот момент из-за самого дальнего шкафчика с трудом вылезла его очень красная мама со вторым богдановским валенком и набросилась на него: «Ты чего тут болтаешь, ирод?!» Она зовет своего Богданова «ирод».

Сама Ася этого не помнит. Богданов тоже, конечно, не помнит. Глупые тогда были! Богданов учится теперь в английской спецшколе, а Ася ходит в обычную, которая близко.

Мама тоже сначала хотела отдать Асю в ту школу. Соб-

ственно, Асю уже зачислили, хотя и другой микрорайон. Она прочитала по книжке что-то про осень и наизусть «Усатый-полосатый». До конца даже не дали дочитать. Потом нужно было определить, какой предмет – лишний, если есть такие предметы: молоток, стакан, гвозди и клещи. Вообще-то лишние, безусловно, клещи. Молотком, например, забиваешь гвозди, а из стакана прихлебываешь, чтоб веселее было. Или, наоборот, клещами гвозди выдираешь из стенки. Устал – попьешь из стакана. Тогда лишний – молоток. Но мама всю дорогу ей повторяла: «Только, пожалуйста, не мудри! Отвечай просто». Так что Ася ответила правильно: лишний – стакан. Потому что это скучнее, а самое скучное для взрослых как раз самое правильное.

И ее сразу приняли.

Если бы мама, уже уходя, не увидела в коридоре «Правила для первоклассников», Ася бы сейчас сидела с Богдановым на одной парте и ездила в школу две остановки на автобусе. А Нину Максимовну, свою учительницу, даже бы и не знала!

Но мама, к счастью, увидела.

Стала читать. Вдруг как засмеется. Громко! Другие родители, которые тихо сидели в коридоре, зашикали на нее. Возмутились, что кто-то может в такую минуту смеяться. Когда решается будущее их детей! Тут директор вышел из кабинета. Мама сразу к нему: «Вот написано, что на ребенке должны быть белые носки с голубой полоской. Это что, обязательно?» У директора даже брови наверх полезли. «Для нашей

школы – обязательно», – говорит. «А если у него колготки?» – спрашивает мама. «Колготки нельзя», – говорит директор. «А почему?» – «Так в нашей школе принято», – терпеливо объясняет директор. И ждет, какую глупость мама у него еще спросит. «А если носки, например, с красной полоской?» – спросила мама. «В другой школе – пожалуйста, – объяснил директор. – Но в нашей – белые носки с голубой полоской. Обязательно. Тут написано». Дальше хотел идти. Но мама его опять задержала. «А где можно документы забрать? – говорит. – Мы с дочерью передумали у вас учиться».

А Богданова-мама своего сына все равно в ту школу устроила. Она так папе и говорила: «Вы как хотите, а я своего сына туда все равно устрою и тогда буду за него спокойна». Так что теперь она за Богданова, наверно, спокойна...

У автобусной остановки скамейка стоит. Тут старик всегда сидит с палкой. Но сейчас его нет. Богданов на скамейку вскочил и по ней идет, портфелем волочит по спинке. Дошел до конца. Спрыгнул. Ася и ждать не стала, все равно это его остановка. А ей дальше идти.

Богданов тоже зачем-то идет.

– Ты куда? – удивилась Ася.

Богданов ничего не ответил. Сопит. И дальше за ней через дорогу идет. Вдруг говорит:

– Я больше туда не пойду...

Ася даже остановилась.

– Она сказала, я им марку порчу. Сказала, дощечку из-за

меня им снимут...

– Какую дощечку? – Ася, правда, не поняла.

– Какую! – рассердился Богданов. – Что класс примерной учебы, вот какую!

Они посредине улицы стали, и машины их объезжают. Одна гудит. Шофер дверцу открыл, машет рукой и кричит. Но уже проехал. Теперь автобус гудит.

– А что же ты будешь делать?

– Ничего не буду! – рассердился Богданов.

– Пошли со мной, – вдруг решила Ася.

И они сразу перебежали через дорогу.

В сквере около школы малышни еще не было. Куда им! Еще сидят в своем детском саду, завтрак размазывают по тарелкам. Один Гоша катался с детской горки, черный терьер. По ступенькам влезет. Примерится. И на лапах съедет.

Гоша сластена. Ему дворничиха каждое утро сахар дает. А позавчера эта дворничиха заболела и вместо нее вышла другая. Она дорожки метет. Вдруг видит – на нее такое несется! Косматое! Черное! С пастью! Гоша просто не разобрался со спины, что это другая дворничиха. «Медведь!» – закричала новая дворничиха. И запрыгнула прямо в мусорный бак. Гоша оторопел, что она запрыгнула. Ему бы ни за что не запрыгнуть! Эту дворничиху потом еле-еле достали. Она там, в баке, застряла. Ася помогала ее доставать, чуть в школу не опоздала из-за этой дворничихи.

Ася тоже съехала с горки. Потом Богданов съехал, на но-

вом портфеле. Потом Ася обхватила Гошу за мохнатую шею и они лежа съехали. А Богданов сзади цеплялся. Еще раз все вместе съехали, кучей малой.

– Эй! – кто-то кричит. Это Гошина хозяйка, она на скамейке книгу читает. – Звонок давно был!

Тут звонок слышно. Как же Ася не слышала?

Раздевалка была еще открыта. И дверь на лестницу тоже открыта. Но около двери стояла завуч. Она, конечно, стояла на двух ногах, но все равно почему-то была похожа на таксу из двадцать шестой квартиры. Ася даже хотела спросить Богданова – заметил он или нет. Но не успела.

– Вот еще голубчики! Какой класс?

Завучу, наверное, скучно тут было одной стоять, поэтому она так обрадовалась.

– Третий «А», – сказала Ася. Богданов пока не знает даже, что «А».

– Уже четверо опоздавших из третьего «А»! – еще больше обрадовалась завуч. – Что же вас задержало?

– Дела, – сказала Ася, хотя надо было молчать. Это папа всегда говорит, если опаздывает.

– Интересно – какие?

Тут уж Ася смолчала. А Богданов вообще только сопел.

– Важные, безусловно, – сама себе ответила завуч.

И пошла по коридору в свой кабинет. Когда она шла, то еще больше была похожа на таксу из двадцать шестой квартиры, хотя шла, конечно, на двух ногах. Асе с Богдановым

тоже велела идти.

В кабинете завуч села за стол и сразу вдруг перестала быть похожа. Просто сидела теперь очень суровая завуч. Ася только сейчас испугалась, что они, кажется, по-настоящему опоздали и теперь неизвестно что будет.

– Придется вам выложить свои дневники, – сказала завуч.

Ася поскорее поставила портфель на стол и стала расстегивать...

– Ой! – вдруг вскрикнула завуч и подпрыгнула вверх, как новая дворничиха. И от стола отскочила.

Ася же забыла совсем!

А крыса Нюра уже сидит на столе. Она в этом кабинете еще не была. На задние лапки встала, и усы у ней дергаются, так много кругом чужого.

– Кто это? – закричала завуч, отпрыгивая дальше к окну.

– Это Лариса! – закричал Богданов.

– Это Нюра! – закричала Ася.

Они сразу вдвоем закричали. Завуч, конечно, не поняла. Ей уже некуда дальше отпрыгивать. Если только на подоконник...

– Так кто же это? – кричит. – Нюра или Лариса?

И сама не то плачет, не то смеется.

А Лариса бегает по столу, бумажки нюхает и трясет ушами. Не нравятся ей бумажки. Ей тут вообще не нравится, это видно.

– Вообще-то Лариса, а по паспорту Нюра, – объяснила

Ася.

– Ах, у нее и паспорт? Откуда это чудовище?

– Мы ее по объявлению взяли, – объяснила Ася.

– Еще и по объявлению?!

Нет, завуч все-таки смеется. У нее уже слезы.

Папа прошлой зимой вдруг увидел объявление на заборе: «В связи с отъездом в длительную командировку отдается в интеллигентную семью белая крыса, получившая хорошее воспитание». Папа поскорей сорвал, чтобы его не опередили, и побежал домой. «У нас, – с порога кричит, – достаточно интеллигентная семья?» – «Да как тебе сказать, – сразу засомневалась мама. Вечно она сомневается! – Смотря для чего – достаточно?» – «Для крысы, получившей хорошее воспитание» – «Нет, воспитанием мы как раз не блещем, – сразу сказала мама. – А где она его получила? В Оксфорде?» – «Где – не написано, но адрес есть».

И они скорее, чтобы другие не опередили, поехали на такси.

Папа переживал, что черный костюм не надел. Как бы без черного костюма не произвести невыгодное впечатление! Но он зря беспокоился, потому что дверь открыл вообще мужчина в шлепках и цветастом переднике. Папа показал объявление: «Ваше?» – «Мое, – признал мужчина. – А вы претендент?» Тут мама вошла. И Ася. «Простите, что так запросто принимаю, – извинился мужчина. – Сборы, то-се». Но все-таки набросил пиджак поверх передника.

Все сразу сели на чемоданы, и папа стал объяснять, что за семья. Жена (мама то есть) закончила университет. Вот он, диплом. Даже с отличием. Папа, оказывается, диплом с собой захватил! А с мужем (это он про себя) немножко сложнее. Он в трех институтах учился и ни одного не закончил. Его, правда, не выгоняли. Он сам уходил. Папа по глупости уходил. И, во-вторых, он искал себя. «А нашел?» – вдруг заинтересовалась мама. Будто она не знает! Но папа все равно не сбился. Дочь (Ася то есть) тоже умеет читать и писать, вот ее табель за первое полугодие. Надо же, даже табель взял! Все документы в полном порядке, пусть крысин хозяин теперь решает.

«Наши тоже в порядке», – захохотал мужчина. И вынес Нюрин паспорт. Аккуратно так разлиновано, и печать сбоку. Фотографии не было, папа потом приклеил. «Только пусть она все равно будет Лариса», – попросила Ася, не в силах отойти от литературного прототипа. «Пускай – Лариса, – разрешил бывший хозяин. – Но всегда помни, что все-таки по паспорту она Нюра, а паспорт – это статус». Вот как он сказал!

И с тех пор, называя Нюру «Ларисой», «Ларочкой» или даже «Ларкой», Ася никогда не могла забыть, что по паспорту она – Нюра.

– Убери свое чудовище с моего стола, – попросила завуч.

Она уже осмелела, но подойти боится. Так у окна и стоит. А голос опять строгий.

– Ты в школу шла или в зоопарк?

Кстати, такса из двадцать шестой квартиры тоже никак не может привыкнуть к Ларисе...

– Как, интересно, твоя фамилия?

– Богданов, – быстро сказал Богданов, хоть не его спросили.

Это он ее защищает, поняла Ася. И вдруг представила. Вот Богданов подходит к завучу, трогает ее за рукав: «На эту девочку вы никогда голос не повышайте!» Интересно, что завуч тогда ответит, собрав весь свой педагогический опыт?

– Жукова, – сказала Ася.

Завуч почему-то вздохнула:

– Придется, Богданов-Жукова, вызвать ваших родителей...

Будто она как раз не хочет, но почему-то придется.

Но тут в кабинет вдруг вошла Нина Максимовна, Асина учительница, и все вокруг озарилось. Это Ася где-то читала: «Она вошла, и все вокруг озарилось». Но это была правда.

– Вот, полюбуйтесь, Нина Максимовна, на своих учеников, – противным голосом сказала завуч. – Мало того, что опаздывают. Еще и всякую гадость за собой тащат.

Лариса на столе фыркнула.

– Ты принесла Ларису? – всплеснула руками Нина Максимовна. – Умница! А я хотела тебя за ней посылать.

– Так это вы велели принести? – удивилась завуч.

Нина Максимовна отдышалась, наверное быстро сбежала

по лестнице. Она была полновата, но все равно прекрасна, как ночная фиалка. Это Ася где-то читала:

«Она была прекрасна, как ночная фиалка». Так что мама зря говорила папе: «По-моему, у нашей дочери исключительно собачьи ассоциации». Ассоциации у Аси как раз бывали всякие. Но какие родители знают своего ребенка?!

– Зачем? – удивилась завуч.

– Мы, Тамара Петровна, решили с детьми организовать «Уголок живой природы», – объяснила Нина Максимовна, отдышавшись.

Вот как они, оказывается, решили. А Ася не знала! Завуч даже растерялась, что они так решили. Хотела что-то еще сказать. Но Нина Максимовна уже повернулась к Богданову:

– А ты, мальчик, из какого класса?

– Разве это не ваш?

– Он в нашем классе хочет учиться, – сказала Ася.

– Подожди, Ася, – остановила Нина Максимовна. – Он сам скажет.

Богданов переступил с ноги на ногу. Вдруг говорит:

– Я с ней вот буду учиться...

И на Асю кивнул.

– А сейчас ты где учишься?

– В двести первой школе...

– Это прекрасная школа. Она английская, – объяснила завуч, будто кто-то не знает. – Вот там и учишься. А как ты, кстати, вообще учишься?

– Плохо, – сказал Богданов.

– Вот что, мальчик, – строго сказала завуч. – Ты сейчас оденешься, я сама тебе раздевалку открою, оденешься и пойдешь в свою школу на занятия. Ты меня понял?

– Он туда все равно не пойдет, – объяснила Ася. – Он им марку портит.

– Подожди, Ася, – остановила Нина Максимовна. – Значит, учишься ты неважно, да?

– Плохо, – упрямо сказал Богданов.

– Ну, какое это имеет значение, Нина Максимовна? О чем тут разговаривать? Вас ученики ждут. Сорок три человека сидят и ждут.

– Сорок два, – сказала Нина Максимовна. – Алик Чернышев переехал, они квартиру наконец получили.

– Пусть сорок два. Не вижу принципиальной разницы. Не будем же мы с вами всех с улицы подбирать, на это все равно нас не хватит.

– Но если человек к нам пришел?...

– Да он просто так пришел! За компанию! Прогуляться!...

Вдруг разговорились, будто Аси с Богдановым тут и нет. Даже про Ларису забыли. Ася ее давно уже потихоньку сгребла со стола и посадила в карман.

– А вы почему еще здесь? – вдруг вспомнила завуч. – Вам здесь совершенно нечего делать, когда взрослые между собой разговаривают.

Будто они сами в этот кабинет напросились.

И Нина Максимовна тоже сказала:

– Верно. Бегите в класс. Я сейчас приду.

Но она еще не скоро пришла...

Сено для Дездемоны

В кухне сидела тетя Неля Чукреева в новой шляпе и говорила по телефону. Если у нее что-то новое, тетя Неля никогда не снимет, так и будет в своей шляпе сидеть. Потом еще спросит: «Анастасия, ты заметила, какая на мне роскошная вещь?» Мама все равно не заметит, тетя Неля ее даже не спрашивает. А папа сам всегда говорит: «Ого! Наша Нелли снова прибрахлаилась!»

Но сейчас тетя Неля даже на свою шляпу не обращала внимания. Она набирала номер, делала большие глаза и кричала в трубку:

– Папа? Папочка, это я. Сеня не приходил? Нет? Да, опять. Нет, у дяди Олега нет, я звонила. Откуда я знаю? Нет, Зинуля еще на даче. Да не был он у нее на даче, как он туда поедет?!

– Не ори, – лениво сказала мама. Она тут же сидела за столом и чертила карандашом по клеенке, за что Асю всегда, например, ругает. Опять небось рисовала рожи. Все рожи у мамы на одно лицо: курносый нос в профиль, губы толстые, чубчик и огромный глаз.

«Ты бы хоть поэстетичнее чего-нибудь изобразила», – посоветовал как-то папа. «А это мой идеал красоты», – строптиво сказала мама. Полюбовалась на свой идеал и сама засмеялась. «Ничего идеал! – оценил тогда папа – На улице

такой встретишь, сразу снимай часы и кольцо». – «Я уж найду что делать, если встречу», – пообещала мама. Но идеала своего все равно не изменила.

– Я не ору, я волнуюсь, – объяснила тетя Неля и опять закричала в трубку: – Нет, это я не тебе. К Ткаченко он не поедет. Там кот белый. Ну и что? Я не говорю – злой, я говорю – белый. Сеня его не выносит. Ничего я ему не сделала! Себе ванну напустила, а он вообразил, что ему. Скажешь тоже – ударила! Куда он денется? Ясное дело, сразу же позвоню...

Тетя Неля положила трубку, сняла новую шляпу и кинула на диван, вот до чего разволновалась.

– Ну, дрянь какая! – сказала с чувством.

В шляпу сразу залезла Мария-Антуанетта и стала в ней устраиваться. Ужасно любит новые вещи! Фингал понюхал и отошел. Он новых вещей не любит. Фингал любит только детскую клизму, желтую, как спелая груша. Ее удобно бросать и выгребать потом лапами из-под батареи. Когда Фингал жамкает свою клизму, она чавкает, ворчит и фуфыркает. Мария-Антуанетта тогда бросает все свои дела и глядит на Фингала, не мигая, как в телевизор.

– Ну, дрянь! – не может успокоиться тетя Неля.

Тут и спрашивать нечего. И так ясно. Опять у Чукреевых сбежал из дома Сенатор, которого они зовут Сеня. Это их пес. Он вообще-то метис, но кто-то у него в роду был эрдель. Сенатор похож на эрделя. Шерсть коричневая, жестко-курчавая и пружинит, если погладишь. Но Сенатор не лю-

бит, когда его гладят. «В этом есть элемент снисходительности», – так объясняет папа. А у Сенатора исключительно развито чувство собственного достоинства. Если он у тебя из рук берет бутерброд с ветчиной, ты должен быть ему благодарен. Не из каждой рук он еще возьмет!

– Ударила! – все никак не успокоится тетя Неля. – Его ударишь, как же. Сроду пальцем никто не тронул. Ему уж слова нельзя сказать. По-французски, что ли, с ним изъясняться?!

– Французского ты все равно не знаешь, – утешила мама.

– Не знаю, – легко согласилась тетя Неля.

– Я тоже не знаю, – вздохнула мама.

– Значит, другое что-нибудь знаешь, – легко отмахнулась тетя Неля.

У нее легкий характер, мама считает. Тетя Неля как-то умеет сама с собой примириться и при этом оставаться сама собой. Ну, не знает она французского – ну и что? Английский она тоже давно забыла, который они с мамой в университете сдавали. А что из этого?

А мама, когда впервые за границу попала по туристской путевке, она вообще онемела. Вообще рот там не могла открыть. Во все только пальцем тыкала, как слабоумная. В дворцы, в бульон, в картины великих мастеров. А между прочим, если бы тетя Неля туда попала, в Англию, например, она бы сразу заговорила, и англичане бы ее сразу поняли – мама просто уверена. Потому что в тете Неле есть заразительная легкость.

Мама уже прилетела обратно: едет в автобусе из аэропорта. Кругом все давным-давно по-русски болтают, а она все молчит, как слабоумная. Ей кажется, что никто уже больше ее никогда не поймет, если она и заговорит. Хорошо, контролер подвернулся: «Ваш билет?» Мама молча по карманам зашарила. Только глаза таращит. Тут до нее дошло – она ж поняла, что этот чудесный контролер ей сказал! «Вот билет! – закричала. – Вот!» И никак потом не могла остановиться: «Спасибо! Нет, вы меня нисколько не толкнули! Проходите, пожалуйста!» Как угодно была готова, чтобы ее толкали, – только чтобы на русском языке.

Мама без русского языка жизни себе не представляет. Но если бы она еще какой-нибудь язык знала, она бы еще больше не представляла, а жизнь ее была бы богаче...

Но тете Неле совершенно сейчас не до этого.

– Нет, на что он обиделся?! – все повторяет. – Вы меня просто из интереса спросите, что я такого ему сказала?!

– Ну, сообщи нам, – улыбается мама. – Облегчи душу.

– Вот именно, – обрадовалась тетя Неля. – А то зачем бы я через весь город сюда тащилась?

Тетя Неля всегда ездит к маме облегчить душу. Долго вдвоем на кухне сидят и никого больше не пускают.

Папа потом удивляется: «И не надоело тебе?» А мама отвечает: «Мне никогда не надоест, потому что Нелька – человек верный». – «Больно уж говорлива», – осторожно замечает папа. Но мама сердится: «Это, как известно, не самый

большой у людей недостаток».

Никак не дает тетю Нелю в обиду, даже папе.

Они с мамой вместе в университете учились. Но тетя Неля тогда пела в хоре, а мама моталась по экспедициям, им и поговорить было некогда. Они тогда не очень дружили, только здоровались. Потом мама на Север уехала. А тетя Неля осталась в Ленинграде, чтобы петь в своем хоре. Голос у нее уже позже пропал, когда у тети Нели родилась Даша. И тут мама вернулась с Севера. Она совсем другая вернулась. Ей вдруг показалось, что она видала такое, чего другие никто не видят. И надо срочно об этом написать.

Как там, на Севере, где она была, прекрасно! Какие люди и какой этот Север! Посреди лета снег летит прямо на цветущие маки, а они только встряхиваются и опять цветут. Дикая нерпа танцует в морской воде рядом с лодкой, и можно близко ей заглянуть в глаза, где только чистота и наивность. Вольные олени бегут через тундру, и рога над ними взблескивают, как дворцовые вешалки. Или, наоборот, мороз – плюнешь и слюна на лету замерзает. А люди все равно живут, строят дома, ловят рыбу, учатся заочно, дарят друг другу подарки, летят на вертолете к больному, смеются, даже заводят себе грудных детей, и эти дети тоже смеются в своих колясках на таком морозе...

Мама села и написала повесть. Послала повесть в журнал. Потом – в другой журнал. И еще в третий. И из всех журналов маме ответили. Ей ответили, что надо не так писать.

Совсем не так! А надо писать, как Тургенев. Или надо, например, как Лев Толстой. Или как Антон Павлович Чехов. Если мама напишет, как Шолохов, они с удовольствием напечатают. А пока пусть мама читает классиков и займется каким-нибудь делом. Не знали, конечно, что никаким другим делом мама заниматься не может, потому что она увидела что-то такое, чего другие не видят, и ей нужно теперь об этом написать.

Мама еще одну повесть написала.

Потом еще одну.

Но ей хотелось, чтобы их обязательно напечатали.

Она даже пала духом, сама папе рассказывала. Папа сперва не верил. Потом говорит: «Это потому, что нас с Аськой не было рядом». А мама с папой, между прочим, тогда еще даже не познакомились. Ну, неважно. Мама все равно согласилась: «Вот именно поэтому».

Одна тетя Неля тогда в маму верила, говорила: «Пиши, Танька, – и все!» Этого мама забыть не может...

– Так что же ты сказала своему Сенатору?

– Глаза бы мои на тебя не глядели, – объявила тетя Неля.

– И все? – засмеялась мама.

– Ему, как видишь, хватило, – гордо объявила тетя Неля,

Хоть Чукреевы своего Сеню проклинаят, когда приходится за ним по всему городу рыскать, но все же они гордятся благородной его обидчивостью. Таким редким достоинством! Даже гордыней. Фингалу скажи, например, он и ухом

не поведет.

– Это уж, извини, какая-то блажь, – осудила мама.

– Капризы... – поддержала Ася.

Мама быстро взглянула на нее. И Ася поняла, что насчет блажи мама тоже сказала из зависти. Сразу не так обидно! Но тетя Неля ничего не заметила.

– Вы представить себе не можете, насколько он эмоционален, – гордится дальше. – Мы между собой теперь шепотом только ругаемся. Честное слово! Чуть голос повысишь, Сенька отказывается от еды. На табуретку в кухне залезет, отвернется, как идол, и в окно смотрит. Всю ночь может так сидеть!

– А вы бы занавеску задернули, – из зависти посоветовала Ася.

– А он носом отодвинет, – гордо вздохнула тетя Неля. – Такое отличное настроение вчера было! Новую шляпу купила. Отоспалась. В ванне, думаю, полежу спокойно. Полежала, как же. Только воды напустила, а Сенька прямо в ванну со своей мордой. И спокойно же ему так сказала: «Глаза бы мои, – говорю, – на тебя не глядели». Ну, моргнул и вышел. Я ничего и не подумала. Вдруг входная дверь вроде хлопнула. «Даша?» – кричу. Молчит. Выскочила из ванной. Туда-сюда, никого. Тут уж сообразила. В халате прямо на улицу, волосы мокрые, бегаю вокруг дома. А соседка из крайнего подъезда говорит – видела вашего Сенатора, как же, только что у метро мол столкнулись...

– В метро, значит, поехал, – хмыкнула мама. Это она тоже нарочно сказала, из зависти. Всем известно, что собак в метро не пускают. Даже с людьми.

– Там рядом автобусная остановка, – объяснила тетя Неля серьезно. – Может, к моему двоюродному брату подался? Мы недавно были, и Сеньке вроде понравилось...

– А откуда он знает, на каком автобусе ехать? – спросила Ася. Она уже заразилась тети Нелиной гордостью, ну и что же – что не Фингал, все равно. – Он номера понимает?

– Черт его знает, Анастасия. Может, и понимает, не удивлюсь.

– Вы его учили?

– Никто его не учил...

– Самородок, – вставила мама.

– Не веришь, да? – засмеялась тетя Неля. – Я бы тоже не верила, если б не свой.

– Почему же? – мама вздохнула. – Я во все иррациональное как раз верю. Вот папа у нас не верит, ему надо, чтоб можно пощупать и разложить.

– Сеня твоего Юрия уважает, – сообщила тетя Неля.

– Это лестно, – улыбнулась мама. – Я ему обязательно передам.

– А что такое «иррациональное»? – спросила Ася, чтоб не забыть.

– Тайна, не поддающаяся разумению, абракадабра, ерунда, чепуха, реникса, – небрежно пояснила мама. – А иногда

– как раз главное, пыльца на крыльях бабочки.

– Ну, напустила туману, – сказала тетя Неля.

– Без туману нет обману, – усмехнулась мама.

– А что такое «реникса»? – спросила Ася.

– Не знаешь? – мама удивилась. – Чехова читать надо.

Кстати, как Даша?

– Ой, забыла совсем, – всполошилась тетя Неля. – Я новое привезла. Погляди, там немного. Поглядишь?

– А как же?!

Забрала у тети Нели тетрадь и уже читает. Там читать-то нечего – один листик исписан, Ася через мамино плечо видела. А она все читает...

Значит, Дашка опять написала!

Раньше Ася ее любила. Дружила с этой Дашей, хоть Дашка почти на два года старше, сейчас уже в пятом классе. Опекала ее на даче. Даша дачу не любит. Она бы лучше всегда жила в городе, сама говорила. Ходила бы в парк, сидела бы там на лавочке. Сквозь деревья видно, как рядом по улице бежит, раскачиваясь, трамвай и красиво дребезжит на бегу. По аллеям тихо прогуливаются старушки, и листья шелестят под легкими их шагами. Толстые голуби отряхиваются в теплой пыли. А солнце такое же, как в деревне! Даже ярче. Зато можно в любое время уйти домой, влезть на диван с ногами и сидеть сколько влезет. Вот что Дашке нравится!

Но тетя Неля обязательно свою Дашу вывозит на дачу. А там Дашка всего боится – гусей, коров, лягушек, громких

мальчишек, черной темноты без фонарей. Исключительно боязливая! Ну, корова, положим, на всю деревню была одна и сама всех боялась. К ней дачники со всех сторон несутся с бидонами! Ее хозяйка кричит: «Вы мне запугали корову! У ней молоко пропадет!» А гусей было много. Один даже дрался с Марией-Антуанеттой, такой отчаянный. Этот гусак от своей отчаянности всегда ходил по самой грязи и лапами шлепал, будто галошами. Через заборы заглядывал, с кем бы еще подраться. Шипел! Но почему-то он страшно полюбил морскую свинью Дездемону и подолгу стоял, молча вытягивая шею, если Дези гуляла в траве. Ася его не боялась, она была с Дездемоной.

И вдруг Дашка написала рассказ про этого гусака. Как она его боится. Никогда не писала и вдруг – пожалуйста! Потом еще один написала. Как она не умеет искать в лесу грибы. Нашла чем хвалиться!

Ася не читала, чего она там пишет. На даче вообще читать некогда. Но тетя Неля сразу всем доложила, что ее Даша стала писать. Будто она до этого неграмотная была! Тетя Неля пристала к маме: «Посмотри, Тань! По-моему, тут что-то есть». Мама сперва не хотела. Что ей, делать нечего? Только вундеркиндов еще не хватает! Она тете Неле прямо сказала: «Не терпится стать матерью вундеркинда? Выкинь из головы». Но тетя Неля не выкинула, так и ходила за мамой следом. Маме пришлось в конце концов согласиться.

Вечером, поздно, села читать...

Вдруг как захохочет! Папа подскочил: «Ты чего?» Мама все хохочет. Ну и глупость Дашка, наверное, написала! Вдруг мама говорит: «Здорово!» – «Да ну?» – удивился папа. Тоже стал читать. Маму иной раз пустяком можно рассмешить. Или, например, растрогать. А папу ерундой не растрогаешь, у него нервы крепкие. Вдруг тоже смеется. «Недурно», – говорит. Мама все удивляется: «Как ловко она схватила!» Что там Дашка могла схватить? Всего боится. «А язык? – никак не успокоится мама. Впечатлительная какая! – Ты обратил внимание? Прямо Марина Цветаева – да и только!»

Ася отвернулась к стене.

Все равно слышно. Какая еще Марина, когда она Дашка? Папа, правда, не соглашается. Но мама от языка в восторге. Сил нет уже это слушать! «Я пить хочу...» – сказала Ася из-под одеяла. Мама даже не обернулась: «Сама возьми, если хочешь. Видишь, мы заняты». Чем, интересно, заняты? Сидят за столом и смеются. Ася даже на крайнюю меру пошла. «У меня голова болит», – даже на эту меру. Сейчас мама вскочит, начнет совать градусник, щупать лоб. Ладно, и градусник можно потерпеть. А мама не шевельнулась. «На солнце перегрелась, наверное, – невнимательно так. – Спи». Даже не подошла.

Ася крепко глаза закрыла. Режет что-то в глазах! Тронула пальцем – мокро. Так жалко под одеялом себя, так одиноко, темно. «Талантливая какая девчонка», – все никак не угомонится мама...

Час, наверное, про свою Дашеньку говорили. Ася, правда, уже начала засыпать. Тут мама подходит наконец. Наклонилась, глаза блестят: «Спишь, Чингисхан?» Ася и не думала отвечать. «Можете вообще забрать себе свою талантливую Дашу! – вдруг сказала Ася дрожащим шепотом. – А меня отдать!» – «Как это – отдать? – удивилась мама. – Куда?» – «Куда-нибудь!» – «Ой, Аська, – засмеялась мама, – ты ревнуешь, да?» – «Ничего не ревную», – сказала Ася. И вдруг сразу заснула.

Но с тех пор Даша взяла такую моду. Сходит, например, в театр. И про это напишет. Или поссорится со своей подружкой. Сразу напишет, как она ссорилась. А тетя Неля маме несет читать. Иногда мама говорит: «Ну, это упражнение в пределах возрастной группы». А иногда: «Занятно. Хоть бери и печатай». ->«Правда?» – расцветает тетя Неля. Но мама ее останавливает: «Еще чего выдумала? Даже не думай». ->«А может, это бы укрепило ее веру в себя?» – сомневается тетя Неля. Мама сердится: «Хочешь жизнь девчонке испортить? Ее веру никто еще не подтачивал. Нечего укреплять. Пускай человек работает».

Ишь, Дашка уже работает! «А может, надо как-то помочь?» – пристает тетя Неля. «Тут никто не поможет. Само пройдет». ->«Или не пройдет», – говорит тетя Неля. «Или не пройдет, – мама кивает. – Но для своей дочери я бы этого не хотела». Может не беспокоиться, Ася сама не хочет. «Почему?» – тарашит глаза тетя Неля. «Литература но своей бес-

пощадности – чисто мужское дело», – объясняет мама. Но тете Неле разве втолкуешь! «Ты же занимаешься», – опять пристает. «Занимаюсь, – вздыхает мама. – Но лучше бы я водила трамвай. Наверняка была бы счастливей...» Тетя Неля смеется так, что щеки дрожат, и Мария-Антуанетта смотрит на нее не мигая, как в телевизор. «Не понимаешь ты, Танька, своего счастья!» – «Где уж мне», – соглашается мама. И опять читает, что Дашка придумала...

Вот, значит, она опять написала.

– Анастасия, – говорит тетя Неля медовым голосом, – ты свободна в воскресенье? Тебя Дарья в цирк приглашает.

– Я не пойду, – отвечает Ася.

– Почему? – изумляется тетя Неля, голос так и растекается медом. – Там новая программа.

– Я не люблю цирк, – говорит Ася.

– Да что ты? Как можно не любить цирк?

– Так, – говорит Ася.

Мама уже перестала читать и на Асю смотрит.

– Таня, уговори ее, – просит тетя Неля. – Билеты с огромным трудом достали. Я в лепешку расшиблась!

– Не буду и уговаривать, – усмехнулась мама. – Она не пойдет.

– Почему? – удивляется тетя Неля.

– Значит, есть причина, – говорит мама. – Фингал, кстати, гулял?

Понятно. Хочет их выпроводить с Фингалом, чтобы об

своей талантливой Даше поговорить без помех.

– Он уже нагулялся...

Мама нахмурилась. Что-то хотела сказать, но все-таки промолчала. Пока! Когда тетя Неля уйдет, будет опять с Асей серьезно разговаривать. Что надо быть доброй. Что надо уметь держать себя в руках.

Будто Ася не держит!

– Ну, с Лариской пройдишь, а, Чингисхан?!

Обычно Асю просить не надо, чтоб она шла на улицу. Наоборот, оттуда надо затаскивать. Но не сейчас.

– Я с ней уже в булочную ходила. Очередь так орала, нас с ней чуть в милицию не забрали...

– А ты не ходи с крысой в булочную, – назидательно сказала мама. – Я тебе, по-моему, уже сто раз объясняла, там хлеб.

– Она чистая, – упрямо сказала Ася.

– Разве в этом дело? – мама уже рассердилась. Ну и пусть! – Вот что, дружок! Забирай тогда Дездемону и выметывайся. Ей нужно сено на зиму заготовить, пока тепло.

Вот это придумала – сено для Дездемоны! Ася невольно улыбнулась. Но все-таки сказала:

– Будет она его есть!

– Заставим, – засмеялась мама.

Но все равно Ася долго еще возилась. Искала пальто. Никак не могла поймать Дездемону в клетке. А сама ей щеко-тала пузо, и Дездемона визжала, как резаная. Потом еще Ася

искала варежки, которые никогда не носит. И еще зашла напоследок в кухню и будто только сейчас увидела:

– Ой, тетя Неля, Туська в вашей шляпе спит!

Тетя Неля взвизгнула не хуже Дездемоны и бросилась изгонять Марию-Антуанетту из своей шляпы. А это не так просто сделать. Ася уже была на лестнице, но все еще слышно, как она изгоняет.

Во дворе у подъезда стоял Богданов и делал вид, что он стоит просто так. Колотил палкой по водосточной трубе. Труба старая, звука почти что не было – как по шубе колотишь. Но малолетние близнецы из первой квартиры, Коля и Оля, все равно смотрели на Богданова с восхищением. Пальцы у них навечно вставлены были в рот, у Коли с одной стороны, у Оли – с другой. Впрочем, различать их никто не умел, тем более – на них были сейчас одинаковые коричневые шаровары. Один Богданов их различал. К Богданову даже их бабушка иногда обращалась, чтобы он различил ее внуков...

Ася пустила Дездемону в траву. Близнецы сразу стали ее пасти, толкаясь и приседая вокруг Дездемоны на корточки.

– Ты чего у нашего подъезда торчишь? – спросила Ася Богданова. – Двора мало?

Другой бы человек огрызнулся, когда его так спросили. Главное – ни за что. Но не Богданов.

– А где мне стоять? – удивился он. – Я же тебя жду.

– А если бы я не вышла? – поинтересовалась Ася.

– Тогда бы домой вернулся, – объяснил Богданов.

Хорошо все-таки, когда тебя ждет во дворе верный человек – необидчивый, белобрысый, крепкий, немножко без чувства юмора, немножко разноглазый, с крепкой палкой в руке, которая больше и не нужна, она ж не для драки. Ася что-то такое почувствовала внутри – хорошее, вдруг. Но, конечно, не поняла, что это от Богданова. Это позже понимаешь.

Она просто пошла через двор, не оглядываясь. А он пошел за ней. Потом она обернулась и спросила:

– Что такое «реникса»?

Богданов тоже не знал.

– Эх ты! Чехова читать надо, – небрежно сказала Ася.

Богданов засопел сзади. Он вообще ничего не читал и терпеть не мог таких разговоров. Но на Асю он все равно не обиделся.

Неожиданно вышло солнце. Узкий городской двор вдруг засиял пронзительным осенним светом. Зашевелились деревья. Желтая трава заблестела. Серая глухая стена, без единого окошка, вдруг сделалась голубой и будто возносилась куда-то. Воробьи взлетели, как искры. И скрылись за искрящейся крышей. Арка, где был выход на улицу, вдруг стала таинственно-черной, и в бархатной ее глубине явственно проступила тайна. Туда, к этой тайне, по светлому асфальту бежал сейчас большой черный кот, заноса вбок упругий, как руль, хвост.

Так вдруг красиво!

Ася что-то такое почувствовала. Даже приостановилась. Но, конечно, она не знала, что теперь этот двор, вдруг пронзенный мгновенным светом, останется в ней на всю жизнь. И эта замшевость арки. И лиловая чернота астры на маленькой клумбе. И кот на белом, словно морской песок, асфальте. И певучий голос где-то далеко позади: «Коля! Оля!» И сопенье Богданова за спиной. И что потом она будет все это помнить как счастье.

Это ведь только потом понимаешь.

А сейчас это знала за Асю мама, которая стояла на третьем этаже у окна, смотрела напряженно-прищуренными глазами, может – во двор, может – куда-то дальше, и улыбалась каким-то своим мыслям.

Снимок для афиши

Ася выскочила из школы и сразу увидела папу. Он стоял, как всегда, под старой липой, где было их место. Эта липа очень могучая, под ней даже в дождь сухо, поэтому ее и выбрали. И еще потому, что у этой липы есть дупло. Его папа как-то случайно обнаружил, когда Асю задержали после уроков, а он все равно ждал. Теперь папа иногда кладет записку в дупло. Просто так. Например: «Я по тебе соскучился!» Или: «Ты забыла ключ в дверях, но я нашел!» Или: «Фингал опять сделал лужу в коридоре!» Ну, это раньше. Иной раз Ася находит записку: «После уроков едем снимать!» Это самая приятная записка.

Как раз сегодня Ася выбегала к липе на большой перемене и вынула такую записку.

Папа уже с фотосумкой через плечо. Он зовет свою сумку «кофр». Мама считает, что это какое-то кошачье слово, но она не знает, что оно означает. Поэтому боится употреблять. Может, что-нибудь неприличное? Она даже пыталась научить Марию-Антуанетту произносить «ко!фр!».

Но хитрая Туська только шурилась, терлась маме об ноги и пела отвратительно звонким голосом, который у нее выражает самую крайнюю нежность. Это она была счастлива, что мама с ней занимается.

– Прямо сейчас поедем? – спросила Ася.

– Прямо. Не будем маме мешать. Пускай работает...

– Ну, получается у нее? – буднично справилась Ася.

Между собой они с папой говорят прямо и просто. Обо всем. В конце концов, мамина работа их с Асей слишком близко касается, чтобы об этом умалчивать, так папа считает.

– Да как тебе сказать, – папа слегка замялся. – Не очень, по-моему. Но она старается.

– Ну, пусть старается, – сказала Ася. – А портфель куда?

– Гм, – папа тоже задумался. – А портфель мы вон Вадима попросим временно взять к себе домой. Если ему нетрудно.

Богданов, который стоял, оказывается, не далеко и не близко, а как раз там, где все слышно и никому не мешаешь, переступил с ноги на ногу, нахмурился и сказал:

– Чего мне трудно? Я два портфеля донесу.

– Спасибо, – обрадовался папа.

Богданов взял у Аси портфель, свой – молодецки перекинул через плечо, засвистел, как добрый молодец из былины, которую сегодня читала на уроке Нина Максимовна, и пошел, загребая ногами листья на тротуаре. Спина у него сутулилась, как всегда бывает, если тебе пристально смотрят в спину.

Папа как раз смотрел.

– Одинокий какой-то человек... – задумчиво сказал папа.

Ася тоже посмотрела. Ничего не увидела особенного. Богданов шел медленными шагами, листья под ним шуршали, и

он свистел. Вот свернул в сквер, и его не стало видно.

– Он сегодня Калюжного из третьего «Б» поборол, а Калюжный у них самый сильный в классе.

– Одиночество от физической силы не зависит...

Когда-то папа занимался борьбой, занимал призовые места, ему даже букеты дарили и писали письма поклонницы его таланта. Но он был тогда абсолютно одинок, сам маме рассказывал. А теперь у папы язва, но зато у него есть Ася и мама, так что от физической силы это не зависит, конечно.

– Надо бы его с собой тоже взять, – задумчиво сказал папа. – И вдвоем вроде хочется побыть, так?

Ася кивнула и ухватилась сбоку за кофр. Но, даже хватаясь, она все равно помнила, что это кошачье слово, неизвестно – что значит и раскрыть истинный его смысл могла бы только Мария-Антуанетта, которая не хочет из вредности.

– Ладно, – решил папа. – В следующий раз обязательно возьмем.

И они сразу пошли на автобус.

– А кого будем снимать? – деловито спросила Ася.

Она тоже в этом участвует – держит папе свет, поэтому может говорить вполне равноправно.

– Попугая, – сказал папа.

Если бы это была рядовая съемка, он бы Асю не стал утруждать. Но тут как раз интересная работа. К ним в театр поступил новый артист, и у этого артиста есть попугай. Артист с ним готовит концертный номер. Им нужна афиша.

Чтобы эту афишу повесили на забор и всем издалека было видно: вот – артист, а вот – его попугай. Чтобы зрители сразу валом повалили на этот концерт!

Ася с папой должны сделать снимок для афиши.

– А он говорящий? – спросила Ася.

– Нет, по-моему, – засомневался папа. – Он у нас сейчас занят в одном спектакле. Просто сидит в клетке. Нет, неговорящий, не буду тебя обнадеживать. Но очень яркий.

– А как его зовут?

– Там познакомишься, – улыбнулся папа. – Я, честно, забыл.

Ася бы никогда не забыла. Как это можно – имя забыть, тут весь папа. Ему важен предмет сам по себе, какой он есть. А мама всегда говорит: «Первый творческий акт – дать предмету имя». Если бы Асю она, например, называла просто «девочка»? Разве Асе было бы приятно? Хотя по существу – верно. Но скучно, как вареные бобы. У Аси была в детсаду знакомая Катя. Она всех своих кукол одинаково называла: «Лена». И розовый пупс – Лена, и с закрывающимися глазами – Лена, и клоун – все равно Лена. А если у нее был медведь, то Катя его звала «Миша», если заяц – то «Зая». Скучно, как вареные бобы! Ася недавно встретила эту Катю на улице. Она шла со своей кошкой. Ася спросила, как она свою кошку зовет, и Катя сразу сказала: «Киса. Как ее еще звать?»

Когда у Марии-Антуанетты прошлой осенью родились вдруг котята, их первым делом нарекли. Их так нарекли: Пи-

фагор, Пафнутий, Фемистоклос и Кристофер-Робин. В эти имена каждый в доме привнес свое, как мама друзьям объясняла. Ася, например, привнесла Кристофера-Робина. Он был Асин любимчик, самый маленький и самый шустрый.

Когда их называли, то надеялись, что они коты. А они все четверо оказались кошки. Это на их судьбах не отразилось, папа считает. Их все равно расхватали! Обижались, если кому не досталось. Даром, между прочим, нельзя отдавать, старая примета. Будущий хозяин платил пятак, чтоб котенку было счастье на новом месте. Но имена, к сожалению, поменялись. Пафнутия на новом месте назвали, например, Чика. Хоть это имя скорее птичье, такое – на тонких ножках, скак-скачок. А Пафнутий как раз мордун, у него самые толстые были щеки.

Зато Кристофер-Робин все равно так и остался Кристей...

– Как же ты имя забыл, – укорила Ася.

– Дырявая голова, – огорчился папа. – Хоть артиста помню, скажи спасибо.

– А артиста как?

– Алексей Николаевич Стурис, – сказал без запинки папа. – Можно «Леша», он еще молодой, но тебе, пожалуй, все-таки неловко.

– Я и не собираюсь его Лешей звать, – обиделась Ася.

– Ему бы как раз понравилось, – засмеялся папа. – В театре не любят по отчеству.

– Почему? – удивилась Ася.

Мама, например, запрещает всех подряд именовать «дядя-тетя». Так можно звать только очень близких людей. Немногих. Еще когда Ася была совсем маленькой, мама искренне изумлялась: «Разве ты всехняя племянница?» У взрослого человека всегда есть отчество, которое взрослому человеку лишний раз приятно услышать, потому что это имя его отца, а твоя элементарная вежливость – это отчество сразу запомнить. Что еще за младенческое сюсюканье – «дядя-тетя»!

– Чтоб была иллюзия вечной молодости, – непонятно объяснил папа. – Искусство, дружище, любит молодых, дерзких, вихрастых. А сытых оно отбрасывает со своего пути.

Будто с отчеством нельзя быть голодным!

– Вот, кажется, этот дом, – вдруг сказал папа.

Уже пришли. Ася и не заметила.

Артист Алексей Николаевич Стурис открыл дверь, шумно обрадовался папе, потом разглядел за ним Асю и как-то смутился:

– Ааа, вы с ребенком...

– Знакомьтесь, это мой ассистент, – сразу сказал папа.

Артист Стурис как-то смущенно пожал Асе руку и представился:

– Очень рад. Леша.

– Вот видишь! Я же тебе говорил, – засмеялся папа.

Ася поняла, а артист Стурис ничего не понял. Он снимал с Аси пальто и как-то все оглядывался на дверь в комнату.

Но дверь была закрыта.

– Кто-нибудь спит? – испугался папа.

– Нет, нет, я один, – быстро сказал артист Стурис.

Лицо у него было подвижное, быстрое, кожа гладкая, как на фикусе, даже хотелось потрогать – такая гладкая. А улыбка какая-то виноватая. Он был щуплый, узкий. Никаких морщин на артисте Стурисе еще не было. В своем ТЮЗе, откуда он только что перешел во взрослый театр, он играл мальчишек младшего школьного возраста. Но Асе Стурис не показался, конечно, мальчишкой или там сильно юным. Во-все даже нет! Все-таки артисту Стурису было уже почти двадцать шесть лет, а это возраст, между нами, почтенный.

– А где же птичка? – сказал папа, он, наверное, почувствовал Асино нетерпение. – Надеюсь, она здорова?

– О, вполне, – как-то смущенно улыбнулся артист Стурис.

Наконец распахнул дверь и пригласил их входить.

Ася только еще шагнула...

Не успела еще ничего увидеть...

Как вдруг ей навстречу раздался резкий, картавый и отчетливый голос:

– Дура в ботах пришла!

Артист Стурис ойкнул, забежал вперед, загородил от Аси кого-то и стал его уговаривать виноватой скороговоркой:

– Ну, зачем же так, Гарик? Разве так встречают гостей?

Во-первых, она ни в каких не в ботах! Будь умницей!

– Иди к черту, Стурис! – сказал тот же голос картаво и

резко.

– А мы-то боялись, что он неговорящий, – засмеялся папа.

– Нет, он кое-что у нас говорит...

Тут только Ася поняла, что это говорит попугай. Но артист Стурис все еще суетился и загораживал его от Аси спиной.

– И кажется, довольно осмысленно, – хмыкнул папа.

– Иногда чрезмерно осмысленно. Иногда чрезмерно, да, Гарик?

Артист Стурис, наконец, отодвинулся.

И тут Ася увидела попугая Гарика. Это был заморский красавец! Из сказки. Из буйных тропических снов. Пышный. Гордый. Синий, зеленый, красный. Он восседал на спинке высокого кресла – царственно, как на троне. И взгляд у него был царский, стальной, а когти, наоборот, черные, так и вцепились в спинку.

– Какой!!! – восхищенно ахнула Ася.

Гарик повернул голову и царственно почесал у себя под мышкой.

А папа уже осматривался в квартире, как ему тут снимать. Какой тут естественный свет и где, например, розетки, чтобы подключать свои лампы? На новом месте надо сперва обжиться. Чтобы зря пленку не переводить! И попугай тоже должен к новым лицам привыкнуть, все же это зверь. Зверям и детям всегда требуется время, иначе их не снимешь.

А артист Стурис ходил за папой следом и как-то смущен-

но все говорил, что можно, пожалуй, уже снимать, ведь его попугай вообще привык к посторонним, он все же занят в спектакле и видит полный зал зрителей, так что совсем не обязательно папе из-за него терять столько времени. Тем более – раз он приехал с дочерью.

– Дочь теперь отсюда не вытащить, – засмеялся папа. – Вам куда-то нужно идти, Алексей Николаевич? Так прямо и скажите.

Нет, Стурису никуда не нужно. Он просто хочет, как лучше.

– Я тоже хочу, – успокоил папа.

Гарик пока молчал. И артист Стурис вроде немножко приободрился. Перестал бегать и сел. Потом говорит Асе:

– Ты не обращай на него внимания. Пусть себе глядит! Это он присматривается к тебе. А вообще его и погладить можно, верно, Гарик? Ася же наша гостья.

– Дура в ботах пришла! – вдруг снова сказал Гарик.

Ася и не думала обижаться. Что она, дура, что ли? Она засмеялась. А артист Стурис сразу стал красный, вскочил, начал почему-то оправдываться:

– Это он от одной старушки научился. Старая такая старушка, сидит у дома на лавочке. Она так свою гимназическую подругу всегда встречает. Но у нее это ласково. А Гарик вот подцепил!

– Да ничего страшного, – успокоил папа. – Ася же понимает.

– Конечно, ничего страшного, – все равно волновался артист Стурис. – Страшно, когда попрет подсознание. Но сейчас Гарик покушал, у него отличное настроение...

Тут уж Ася с папой не поняли ничего. Какое еще подсознание? Откуда оно попрет? Просто они еще не знали красавца Гарика. А артист Стурис знал, но стеснялся сказать. Поэтому он и волновался.

Чтобы как-то его успокоить, папа еще добродушно пошутил с этим Гариком.

– Ты, старик, повторяешься, – пошутил папа. – Это уже не так интересно. Сказал бы что-нибудь новенькое.

И тогда вдруг Гарик отчетливо сказал ужасную гадость.

Ася сначала даже не поняла. Но он так внятно сказал! Ася никогда не думала, что попугай может знать такие слова. И папа никогда не думал, такое у него вдруг стало лицо. А на артиста Стуриса страшно было даже взглянуть! Он весь как-то перекосялся и рухнул перед Гариком в кресло. А Гарик даже не шелохнулся. Сидит на спинке и смотрит прямо на Асю холодным стальным взглядом.

– Радио, что ли, включить, – первым очнулся папа.

И стал искать, где включить. Но он все равно не успел.

Вдруг Гарик опять картаво и внятно сказал кошмарную гадость.

Ася такой никогда не слыхала. Папа, наверное, тоже никогда не слыхал, такое у него стало лицо. А артист Стурис наверняка слышал это только от своего Гарика, больше такое

нигде и не услышишь.

– Вот оно... – застонал Стурис в кресле, – подсознание...

– Да, поперло, – насильственно-бодро подтвердил папа. И сразу же пояснил Асе, как будто она дефективная: – Он ведь не понимает, что произносит.

Тут Гарик вдруг грациозно повел крылами и произнес капризно:

– Гарик хочет сухарик!

Все немножко опешили. А потом артист Стурис, наконец, взорвался.

– Сухарик тебе, чудовище? В рифму заговорил? Не будет тебе никакого сухарика! – закричал он. – Опозорил перед людьми! Ты что себе позволяешь? Совсем распоясался, хулиган!

Гарик моргнул и опять сказал:

– Гарик хочет сухарик...

– В тюрьме получишь, – сухо сказал Стурис.

Но все-таки бросил ему сушку, не глядя. Гарик поймал и стал грызть.

– Я должен был, конечно, предупредить, – сказал артист Стурис папе. – Но я не думал, что вы с дочкой придете. Растерялся.

– А у вас детей нет? – спросил с интересом папа.

– Именно что есть, – вздохнул артист Стурис. – Сын. Два года. Говорить как раз только начал...

И он тяжело задумался. Ася с папой, кажется, поняли, о

чем он задумался. Маленькие дети ведь так легко повторяют всякие слова!

– И где же он сейчас? – опять спросил папа.

– Жена с ним к бабушке переехала... временно...

И артист Стурис Асе с папой все рассказал, чего не знают у них в театре и не нужно, чтобы узнали.

Леша Стурис еще мальчишкой мечтал иметь попугая. Не какого-нибудь волнистого, где один хвост, а настоящего – как-каду или ара, большого, сильного, чтобы жил сто лет и все помнил. Но такой попугай стоит бешеных денег! А бешеных денег у Лешиных родителей не было. А когда он сам стал работать в театре, у него их тем более не было. Что папе объяснять! Папа сам знает, сколько получают актеры.

– Знаю, – кивнул папа. – В аккурат на морскую свинку.

Так что Леша Стурис в свое удовольствие играл в своем ТЮЗе шестого гнома, зайку, Ивана-царевича, братца Иванушку, дятла большеносого и как-то почти забыл о своей мечте. Тем более – он женился, задумал переходить во взрослый театр, сделал свою программу для Ленконцерта и даже снялся в кино в эпизодической роли. А главное – у него сын родился!

Все из-за сына и вышло. Леша Стурис гулял днем с коляской. Вдруг слышит – кто-то его ужасно ругает. Такими словами! Так нагло! А никого кругом нет. Ни прохожих, ни магазина.

Леша чисто случайно глянул вверх. Он увидел во втором

этаже на подоконнике огромную клетку с красавцем попугаем. Это был Гарик. Лешу как в сердце что-то толкнуло! Он бросил на тротуаре сына, коляску, прямо взлетел по лестнице. Позвонил. Открыла старушка с твердым лицом и враждебными глазами. «У вас там на подоконнике...» – только начал Леша. «Господи! – вдруг испугалась старушка. – Окно забыла закрыть!» И унеслась опрометью. Сразу вернулась и стала благодарить Лешу. Он сперва не понял – за что. Ее, оказывается, уже дважды штрафовали по десять рублей за нарушение общественного порядка. «За Гарькин язык», – она объяснила.

Леша тогда набрался смелости: «Может, вы его продадите?» – «Ему сперва язык надо вырвать», – враждебно сказала старушка. Но Леша заверил, что его, например, это не смущает. Его может смутить только большая цена. Тут старушка упала Леше на грудь и разрыдалась. Рыдая, она говорила Леше, сколько она натерпелась от этого попугая. Как он над ней издевается. Как она три раза его дарила хорошим людям и как они его приносили обратно с проклятьями. И как все соседи пишут куда-то письма, что невозможно жить...

Леша едва-едва во всем разобрался.

Попугай был, оказывается, не старушкин. Она – человек тихий, обычный, работала всю жизнь в бухгалтерии. Но муж у нее был яркий! Его все соседи боготворили. Он плавал, был капитан, ходил на своем корабле в далекие рейсы по всему свету. И любил во всем свете, так она думает, только этого

Гарика: без него не выходил в рейс. Гарик мол самый стойкий из всей команды, не поддается морской болезни и даже в двенадцатибалльный шторм вдохновляет капитана правильно вести судно.

– Представляю, как он его вдохновлял! – засмеялся папа.

Но вдруг, видимо, испугался, что Ася тоже представит, и сразу сделал очень серьезное лицо.

А недавно старушкин муж умер. И тогда ей на голову свалился этот Гарик. У него ум не птичий! Он попугай-инквизитор. Как он над ней издевается! С раннего утра до поздней ночи летает за ней по комнате и кричит на разные голоса: «Мамашка, где наш папашка?», «Мамуля, где наш папуля?», «Маманька, где наш папанька?» А в клетке он так ругается, что соседи стучат шваброй в стенку. Если бы она верила в Бога, то считала бы, что Гарик послан ей за грехи. Не ее, а всего человечества. Но она в Бога давно не верит. Бог не может такого попугая создать, у него не хватило бы воображения!...

Так Леша Стурис получил своего Гарика.

Гарик сперва был тихий, сидел и хохлился. Сиял своей красотой. Очень понравился Лешиной жене. И все на него приходили любоваться. Но теперь уже давно не приходят. А жена забрала сына к своей матери и сказала, чтобы Стурис выбирал: или она, или Гарик.

– Н-да, – глубокомысленно сказал папа. – Может, с ветеринарами посоветоваться? У меня там есть свои люди...

– Я уже со всеми советовался, – вздохнул артист Стурис. – И с ветеринарами, и с невропатологом. Ветеринары смеются. А невропатолог сказал, что со стороны нервов у Гарьки полный порядок. Нервы как канаты. И надо действовать только лаской. Чтобы он слышал вокруг себя только ласковые слова. Тогда попозже, лет через пятьдесят, он, может быть, все плохие забудет и будет всем подряд говорить: «Дорогие друзья!» А сразу тут даже психиатр ничего не сделает.

– И большой у него запас? – осторожно поинтересовался папа.

– Больше сотни, это уж точно, – сознался артист Стурис. Теперь уж чего скрывать! – Это таких, которые нельзя слушать.

– А новые он запоминает? – спросила Ася.

Гарик сидел с равнодушным видом, будто и не о нем говорили и будто сам он сроду ничего никогда не говорил.

– Запоминает, – кивнул артист Стурис. – Только он старых, к сожалению, не забывает. У них долгая память, говорят, у попугаев...

– Я только одного не понимаю, – задумчиво сказал папа. – Как можно вашего Гарика сажать в театре на сцену? Я даже и на галерку бы не рискнул.

– О, это как раз совершенно безопасно, – впервые улыбнулся артист Стурис. – Он только дома говорит, в этих стенах.

Был, правда, один случай, когда Гарик заговорил на ули-

це. Но это был исключительный случай! Он, вообще-то, произошел недавно с женой артиста Стуриса. Когда жена потребовала, чтобы Стурис убрал куда хочет своего попугая, Гарик сразу понял, что она – ему враг. Он все-таки недюжинного ума! И жену буквально возненавидел. А сам Леша как-то на целый день задержался в театре. Жена пожалела своим женским сердцем, что Гарик сидит такой грустный. И пошла с ним гулять. Они ушли от дома довольно далеко. Гарик смиренно сидел у жены на плече. А когда они вошли в садик, где никого поблизости не было, он вдруг долбанул ее в ухо. В самую мочку! Кровь так и брызнула. Это самое кровавое место – мочка. Жена закричала на Гарика. Вот тогда-то и он на нее закричал.

Так они и бежали по людной улице. Жена артиста Стуриса, вся в крови. И у нее на плече – орущий попугай. Жена забежала в «Скорую помощь». А ей никакой помощи оказывать не хотят. Стали ее стыдить, что такая молодая женщина! И такие слова! Как не стыдно!...

После этого случая жена окончательно сказала: или я, или он.

- Но раз такой случай все-таки был... – стоял на своем папа. – Я бы на вашем месте, Алексей Николаевич, все же поостерегся. Ляпнет что-нибудь в публику. Или режиссеру.
- Режиссер дурак, – вдруг отчетливо сказал Гарик.
- Вот видите? Он все знает.

– Ага, слышит в театре, – признал артист Стурис. – Уши ему не заткнешь. А дома потом выдает.

У артиста Стуриса вдруг сделалось на мгновение такое озорное, лобастое, откровенно мальчишеское лицо, что папа вдруг всем своим уже тяжелеющим телом ощутил, как он еще блистательно молод, этот Алексей Николаевич Стурис. Как ему невозможно расстаться с детской своей мечтой, которая сама опустилась ему на ладонь. Как он верит, что все само собой образуется в его жизни. И на всех заборах засияют огромные афиши с его именем. А жена и сын будут счастливо смеяться и обнимать его за хрупкую шею...

Но Ася только увидела, как у папы вдруг стало грустное и мягкое лицо, какое бывает у него, когда он провожает маму на вокзале, если мама не видит, что папа на нее смотрит.

– А какой же концертный номер вы, Леша, с ним приготовили? – спросил папа мягко...

Тут артист Стурис вдруг покраснел.

Он никакого номера с Гариком даже и не готовил. Ему просто ужасно хочется иметь хорошую фотографию своего Гарика. Тем более, что ему почему-то кажется, что он не в силах будет расстаться с женой и сыном. Поэтому он, можно сказать, обманом заманил папу к себе домой. И хотел ему тут открыться наедине. Он никак не ожидал, что папа может приехать с дочерью...

Ася слегка даже обиделась, что ему все время мешает дочь.

Но папа, наоборот, расцвел.

– Вот и прекрасно! – весело сказал папа. – Мы с Асей вас сейчас великолепно отснимем. Аська, давай ставить свет!

И пока они устанавливали аппаратуру, нужную для работы, артист Стурис задумчиво сидел в кресле, а над ним, молчаливый и гордый, будто сидя парил красавец попугай. Красный, зеленый, синий.

Потом Стурис вздохнул и сказал:

– Может, его Мурманскому траловому флоту подарить, как вам кажется, Юрий Георгиевич?

Папа от неожиданности чуть не уронил аппарат.

– Почему – именно Мурманскому траловому?

– Ну, не знаю. На какой-нибудь сейнер. Море. Стихия. Они ко всему привыкли.

– Может, вы и правы, – засмеялся папа.

Тут у Аси в руках ярко вспыхнула лампа, и папа сделал первый снимок.

Ответ истинного джентльмена

Ася убиралась у себя в комнате.

На диване Богданов что-то строил из кубиков. Впал сегодня в детство. Лариса (ну, по паспорту она – Нюра) спала на подушке, свернувшись клубком. Хвост у Ларисы вздрагивал, значит, что-то ей снилось. Этот хвост особенно всем не нравится, что он голый. Но он никакой не голый, а наоборот – бархатистый, надо только взглядеться. Никто не желает взглядываться, сразу: «Фу, какой хвост!»

Ася влажной тряпкой протерла подоконник. Ткнула этой тряпкой Фингалу в нос, чтобы он чувствовал. Это чьи, интересно, лапы на подоконнике? Их теперь оттирай! Фингал ничего не понял. Решил, что Ася играет. Выхватил тряпку и носится с ней по комнате.

Глупый еще! Ася пока занялась столом.

Чтобы был порядок. Ни одной ненужной бумажки нигде не валялось. Ненужных у Аси вообще нет, но это долго объяснять. Ася просто сгребла их в ящик и сверху аккуратно прикрыла тетрадками. Теперь порядок! Мама иногда заглядывает. Но, конечно, не роется. Рыться в чужом столе – это не деликатно, все равно как прочесть чужое письмо. Мало ли что у человека в столе? Может, личная тайна, каждый имеет право на свои тайны. У Аси особенно интересного ничего нет, чтоб такая уж тайна. А вдруг? Например, в самом ниж-

нем ящичке лежат записки, которые прошлой весной ей ребята писали в больницу. Богданова, например, записка: «Даргая Ася! Как чуствуишь? Я учусь плохо. Жилаю счастья. Богданов». Но эти записки мама читала, Ася сама давала...

Теперь фломастеры надо собрать в коробку. Вдруг уже не пишут? Ася взяла и попробовала на зеркале. Ух, здорово как на зеркале! Увлеклась и во все зеркало нарисовала красную лошадь, которая танцует на задних ногах и еще в синей шляпе.

– Посмотри! – сказала Богданову.

Богданов поднял голову от своих кубиков:

– Ну, лошадь...

– А чего она делает?

– Служит, – сказал Богданов и снова уткнулся в кубики.

– Она собака, что ли? – засмеялась Ася. – Ты что строишь?

Построй ей конюшню!

– Ладно, – вяло кивнул Богданов. – Сейчас построю.

Надо пол еще подмести. Ася взялась за веник. Фингал тоже сразу взялся. Стали этот веник трясти. Тут вошла мама:

– Ну, Лапин, заканчиваешь?

Кроме Чингисхана, мама зовет Асю «Лапин» и еще много как зовет, всего сразу не вспомнишь. Ей одни и те же слова быстро надоедают, вот она новые и придумывает. Придумает и Асю зовет.

– Почти, – Ася вырвала у Фингала веник, вернее – что от него осталось. – Догадайся, кто у нас в комнате?

– Сейчас догадаюсь, – сказала мама. – Ты, я, Вадик Богданов, Фингал, чечетки в клетке, Лариса, она же – Нюра, и танцующая кобылица Суспензия, вроде – все?...

– Все, – засмеялась Ася. – А куда она идет?

– Ну, во-первых, на улице очень жарко. Дома даже белые, такое солнце. Даже тени от домов белые, они выгорели. А у нее шляпа с большими полями, и ей прохладно, будто наелась мороженого. Идет она, безусловно, к своей дальней родственнице, ослице по фамилии Валаамова, которая торгует на углу Конюшенной площади мятными пряниками и пять раз на дню чистит зубы жесткой щеткой...

– А почему – пять раз?

– Чтобы не так было мятно во рту.

– А почему – жесткой?

– Чтоб зубы блестели, – объяснила мама. – Даю тебе еще десять минут, чтоб навела шик-блеск. Хватит?

– Хватит, – сказала Ася. – А можно, я ее не буду стирать?

– Зачем же стирать? – удивилась мама. – Мы ее папе подарим на день рождения следующей осенью девятнадцатого сентября.

– До следующей осени она сама слезет, – сказал с дивана Богданов.

– При живости ее нрава – пожалуй, – легко согласилась мама. – Но мы посмотрим, чтобы она далеко не ушла.

Улыбнулась Богданову, и уже ее в комнате нет.

– Неправда все, – мрачно сказал с дивана Богданов.

Он был сегодня мрачный. Все собирался домой, но не ушел. Ужинать тоже не стал. Папа предлагал его проводить, потому что уже темно. Но Богданов сказал, что он не боится, просто ему еще рано.

Пол теперь блестел, как зубы ослицы по фамилии Валамова.

Осталось только у чечеток убрать. Ася открыла клетку. Мадам сразу выпорхнула, напрямик полетела на люстру, села и стала качаться. Толстый Паскаль глупо метался в открытой клетке. Как всегда, не мог найти выход. Мадам нежно позвала его с люстры. Паскаль, как последний идиот, верещал и бился об прутья. Мадам терпеливо звала. Привыкла, что муж у нее такой идиот. Все же не выдержала. Быстро порхнула обратно в клетку и выскочила назад. Показала, как надо! Пуговица от старого пальто, кажется, поняла бы! Но Паскаль не понял. Забился опять в истерике.

Ася наклонила клетку и вытолкнула его.

Думаете, он полетел на люстру, где тепло, светло и призывно поет Мадам? Нет, он спикировал прямо Фингалу на голову. Уселся между ушей и начал орать. Лариса сразу проснулась, как пружина. Раздула усы и побежала к Фингалу. Ася махнула веником. Паскаль бездарно взлетел, покрутился в воздухе и с размаху бухнулся куда-то на книжную полку. Никаких ниток там сроду не было. Но Паскаль нашел! Запутался в нитках ногами и задергался, как дергунчик.

Пришлось опять его сунуть в клетку.

В клетке он жадно набросился на еду, точно его всю жизнь морили голодом, а тут он набрел на скатерть-самобранку, которая вот-вот исчезнет. Налопался. Заорал. И опять забился об стенки.

Нет, чем дальше Ася смотрела на этого идиота Паскаля, тем больше она соглашалась с папой – чечеток срочно надо дарить хорошему человеку, у которого, кроме них, никого в квартире не будет. Сначала-то она была против. За Мадам все были спокойны. С ее умом! Но беднягой Паскалем сильно интересовалась Лариса. А Мария-Антуанетта глядела на него, не мигая, и нехорошо облизывалась. Как известно, воробьями она иногда закусывает на крыше. Паскаль же, как нарочно, норовил гулять по полу, исследовал своим глупым носом паркет...

«Птицы не приживаются почему-то...» – вздохнула про себя Ася. И с удовольствием подумала про Бориса Аркадьича Бельмондо, который умел за себя постоять и вполне бы прижился, если бы они все – мама, папа и Ася – могли поставлять ему к каждому обеду ведро свежих дождевых червей, успевали бы соскребать после него с паркета и могли предоставить Борису Аркадьичу потребное для его полноценного физического развития количество хрустальных ваз, которые бы он, развиваясь, скидывал крыльями на пол. Но в доме была только одна ваза – папе с мамой подарили на свадьбу, – и с этой вазой Борис Аркадьич легко разделался в первый же вечер.

Вообще он оставил по себе хорошую долгу, как у попугаев, память, хоть пробыл в доме только одиннадцать дней. За эти дни Борис Аркадьич окреп, научился летать и улетел на кинотеатр «Спартак», прямо на букву «С». Папа хотел снять его с этой буквы. Полез, как акробат. Но Борис Аркадьич сразу перескочил на «Р». Тут к нему налетели его ровесники, юные вороны. Обсели все буквы и подняли такой галдеж! Папе пришлось прыгать обратно на тротуар, а то бы эти ровесники его задолбали.

Обрадовались, что Борис Аркадьич Бельмондо к ним вернулся!

А потом, уже вместе с ними, Борис Аркадьич улетел на крышу кинотеатра «Спартак». И еще дальше – в большую жизнь, уже не видно – куда. Ася с папой долго искали его в бинокль, но разве найдешь! Всюду летели молодые вороны, и со всех сторон над городом, с неба и отовсюду, раздавался их ликующий крик; «Крра! Крра!» Асе даже грустно стало.

Вот тогда папа и толкнул ее локтем: «Гляди веселее – он улетел в большую жизнь».

Борис Аркадьич был самый настоящий Бельмондо. У него на глаза иногда падало третье веко, такая бельмастая пленка. А потом убиралась сама собой. Борис Аркадьич тарашил глаза, громко топал по полу, широко растопыривал черные крылья, во всю ширь разевал свой клюв и орал. Требовал червей! Этих бедных червей ему нужно было забрасывать в пасть, как поленья в топку. Он сам знал, когда хватит. Вдруг

захлопнет клюв и сразу сделает кучу. Постоит над ней молча. Опять разверзнет клюв и орет: «Кррр!» Значит – снова ему давай. Все ходили в гости только с дождевыми червями, в коробках их носили – как торты, чтоб не стыдно нести.

Ася с Богдановым руки сбили – копать этих червей нена сытному Борису Аркадьичу. Впрочем, он брал и фарш, и мясо, котлету он тоже брал...

А Борисом Аркадьичем его потому прозвали, что у мамы, когда она еще училась в университете, был такой лектор. Ходил всегда в черном пиджаке и так же оттопыривал руки, будто у него крылья. Этот лектор так читал свои лекции, что мухи дохли! Мухи к нему слетались буквально со всего университета. Слушали и дохли. Однажды все студенты в зале заснули, так этого лектора прямо с головой всего завалило дохлыми мухами. Он чуть не задохнулся. Хорошо, что один студент случайно проснулся от тишины и его откопал. Но даже после такого знака свыше он не стал читать свои лекции лучше.

Из всего дома Борису Аркадьичу почему-то больше всех нравилась Мария-Антуанетта. Он ее принимал за какую-то родственницу, может – за тетку. Хотя Туся ему не давала повода. А, наоборот, рвалась удрать под буфет. Но Борис Аркадьич ее все равно ловил, прижимал в угол, растопыривал крылья, шелкал клювом и орал прямо Марии-Антуанетте в лицо. Требовал, чтобы именно она его кормила. Мария-Антуанетта отбивалась от него лапами, но Борис Аркадьич все

равно лез.

Ася не помнит, чтобы Туська кого-нибудь боялась. Она бесстрашная. А при виде Бориса Аркадьича она буквально менялась в лице. У нее на морде за эти дни даже седые волосы появились, вот как она боялась. И сейчас, стоит только нарочно крикнуть «Борис Аркадьич!», как Мария-Антуанетта, где бы она ни была, – уже под буфетом. Нехорошо, конечно, пользоваться слабостью ближних, но Ася этим иногда пользуется, если Туська очень уж надоела. Бывает, что ближние, хоть какие, тоже надоедают...

А ведь сперва Бориса Аркадьича именно кошка чуть и не слопала.

Папа его в Летнем саду подобрал. Он упал из гнезда. Родители, видимо, зазевались. Сидел в молодой траве и кричал. Трава еще низкая, далеко все просматривается. Папа сразу заметил, что там что-то творится! Вороны мечутся как-то странно. А к Борису Аркадьичу уже подбиралась кошка, большая, как тигр. Откормилась в Летнем саду на голубях! Родители мечутся, а поднять своего Бориса Аркадьича обратно в гнездо у них нету сил. Папа отогнал кошку.

Так эти родители на него же и набросились!

Папе пришлось от них закрываться собственной курткой, чтобы хоть голову уберечь. А когда он все-таки Бориса Аркадьича поднял, его мамаша вдруг страшно закричала. И так срамила папу на весь Летний сад, что он просто бежал, прижимая Бориса Аркадьича к сердцу. Он потом рассказывал.

«Я, – рассказывал, – позорно бежал с поля брани!». А отец Бориса Аркадьича в бессильной злобе бросал в папу ветками. Перекусывал ветки своим мощным клювом и швырял в папу. Папа никогда такого не видел! Такого могучего родительского инстинкта! Такой любви! Это папино счастье, что отец Бориса Аркадьича мог перекусывать только мелкие ветки! Он бы папу прямо убил!...

Ася так задумалась, даже звонка не слыхала. А кто-то пришел. Лариса насторожила уши. Фингал поставил шерсть дыбом, зарычал, как закашлялся. Но не залаял. Значит, кто-то свой.

Богданов смешал свои кубики и сказал мрачно:

– Пришла... Теперь будет...

Но что будет – не объяснил. И с дивана не встал.

Пришла, действительно, Богданова-мама.

– Мой ирод тут? – громко спросила она с порога.

– Ребята у себя, – уклончиво сказал папа.

И сразу повел Богданову-маму в кухню, подальше от Асиной комнаты. Ему почему-то показалось, что хотя Богданова-мама всегда немножко нервная, но сейчас она как-то чересчур взвинчена. Папа скорее позвал маму. Он, между прочим, не ошибся.

– Подумайте – школу бросил! – нервно сказала Богданова-мама.

Мама с папой все знали, поэтому промолчали.

– В гроб хочет меня свести! – крикнула Богданова-мама.

– Ну, не совсем чтобы бросил, – дипломатично уточнил папа. – Скажем так – перешел в другую школу. Это будет верно.

– Никуда он не перешел! – крикнула Богданова-мама.

Она рано пришла с работы. Отпросилась, чтоб с сыном вечер побыть. У нее работа сейчас сверхурочная! Надо сдавать проект! Но она специально отпросилась. Его нет дома! Она сидит, нервничает. Вдруг приходит какая-то женщина. С печеным лицом. Абсолютно неинтеллигентная. «Можно с вами поговорить?» Пожалуйста! Опять небось этот ирод стекло у кого-то разбил. Вечно по всем дворам носится с палкой. А мать плати, объясняйся. Так хорошо бы – стекло! Богданова-мама просто подпрыгнула бы до потолка от счастья, если бы ее дорогой Богданов разбил очередное стекло!

Так – нет. Вдруг эта женщина заявляет: «Я думаю, будет лучше, если ваш Вадик будет учиться в моем классе». Она, видите ли, думает! Да с какой стати? Она, видите ли, учительница! По душам пришла поговорить!

– Это Нина Максимовна, Асина учительница, – сказала мама. – Она, кстати, чудесный, даже необыкновенный человек.

Богданова-мама не запомнила, как ее звать. Ее это не интересовало! И не интересуется! Она вся трясется. С таким трудом устроила его в английскую школу, и он будет в этой школе учиться, вот и весь разговор. Она с него шкуру спустит, но он будет туда ходить!

Мария-Антуанетта вдруг соскочила с батареи, подошла к Богдановой-маме, легонько ухватила ее зубами за щиколотку. И сразу же отпустила.

– Что это? – испугалась Богданова-мама.

– Она не любит, когда кричат, – объяснила мама.

– Сиамские кошки вообще загрызть могут, – нервно сказала Богданова-мама и убрала свои ноги подальше. – Как вы не боитесь?!

– Она у нас, наоборот, самая добрая в семье, – объяснила мама.

– Не знаю, не знаю, – засомневалась Богданова-мама.

Но дальше уже говорила тише и все время оглядывалась на Марию-Антуанетту, что она делает.

– По-моему, вы не правы, – осторожно сказал папа. – Я тоже думаю, что у Нины Максимовны в классе Вадим будет счастливее...

– Он нигде не будет счастливее, – отрезала Богданова-мама.

Она со своим Богдановым целое лето сидела, чтобы он перешел в третий класс. Уже нанимала ему педагогов! Извела кучу денег! Теперь сама с ним сидит каждый вечер. Вот в это время она с ним как раз сидит, с семи до девяти. Поэтому он и прячется! Она его в это время тычет носом в книгу. Где он будет счастливый? Он ничего не читает! Ни одной книжки сам не прочел. Он не умеет читать! Не любит! Но она его заставит любить.

Мама вдруг засмеялась. Она всегда не вовремя смеется. Папа и Мария-Антуанетта посмотрели на нее с осуждением.

– Что вы смеетесь? – насторожилась Богданова-мама.

– Да так, – сказала мама. – Просто вспомнилось ни к селу ни к городу. У меня есть подруга, ей семьдесят один год. Ее отец до двенадцати лет колотил головой об унитаз за чтение русских книг, представляете?

– Как? – удивилась Богданова-мама. – А какие же книги она читала?

– На разных других языках, – пожала плечами мама. – На французском. На немецком. Она много языков знает. Она переводчица.

– Ну и что же? – нервно спросила Богданова-мама.

Она не совсем поняла – может, мама ее оскорбила? Или, может, – нет? Может, мама – наоборот – ей подсказывает какой-то новый педагогический путь?

– Это я к тому, – объяснила мама, – что есть разные методы. И у вас, по-моему, не самый лучший.

– А какой с ним лучший? – вздохнула Богданова-мама. – Я одна за него отвечаю, у меня помощников нет.

Когда она вздохнула, лицо у нее вдруг сделалось доброе. Только лицо Богдановой-мамы было какое-то расплывчатое в чертах, будто ее недодержали в проявителе. Это папа сейчас подумал. Свойство таких лиц – обретать четкость именно в состоянии аффекта. Но тогда они делаются почти уродливыми.

Вслух же папа сказал совсем другое:

– Мне кажется, вам не нужно сейчас забирать Вадима домой...

– Как это? – не поняла Богданова-мама.

– Пусть он бы у нас несколько дней пожил. Он успокоится. Вы немножко успокоитесь. Потом можно будет что-то решать...

– И уроки им вдвоем веселее делать, – поддержала мама. – В школу – вместе и домой – вместе.

Это она зря сказала. Напомнила Богдановой-маме про школу, наступила на большую мозоль. Папа с Марией-Антуанеттой посмотрели на маму с осуждением.

Нет, своего Богданова она нигде не оставит. С какой стати он будет тут жить? У него есть дом. А завтра утром она сама его поведет в английскую школу. За ручку! Она уже своему начальнику позвонила, чтобы дали отгул. И на это идти приходится! Сказала, что у нее высокая температура. Хорошо, что эта учительница явилась сегодня. Хоть так, но Богданова-мама узнала правду. Она сразу же побежала в спецшколу. А там уже документы собирались пересылать, затребовало роно. На коленях пришлось валяться, чтоб этого ирода оставили в школе! Они бы рады, конечно, избавиться! Но Богданова-мама им такого удовольствия не доставит...

– Жаль... – задумчиво сказал папа.

И сразу пошел к Асе в комнату.

– Вадик, – объявил папа, будто он был добрый вестник из

греческой мифологии, которую они с Асей читали. – Тебя мама ждет.

– Слышу, – сказал Богданов.

И неохотно поднялся с дивана.

Богданова-мама шла одеваться в коридор. Но тут, прямо у нее под ногами, прошмыгнул уж Константин и спрятался за тумбу для обуви.

– Кто это? – вскрикнула Богданова-мама.

– Константин, – объяснила мама. – Мне его на день рождения подарили.

– Странные вам дарят подарки, – поежилась Богданова-мама. – Я бы со страху с ума сошла.

– Дареному коню в зубы не смотрят, – это мама такую поговорку ей напостила, народную мудрость.

– Коню – конечно. Но это же змей!

– Очень покладистый господин, – успокоила ее мама. – Немножко холонокровный, но это в доме даже приятно как исключение.

Но Богданова-мама не могла успокоиться и пугливо оглядывалась. Когда еще Дези свистнула, она вздрогнула. И как-то уже торопливо и даже радостно она увела своего Богданова за руку. Наверное, она рада была, наконец, с ним остаться наедине после этой квартиры и даже не так уже, кажется, на него сердилась...

Между прочим, после их ухода мама с папой почему-то не погнала Асю спать, как она справедливо опасалась, ибо вре-

мя для нее было критическое. Она уже готовилась поканючить, что только дочитает страничку. А сама за эти минуты хотела вычесать Фингала. Сегодня некогда было его чесать, столько было уборки!

Но мама сама предложила:

– Давайте, что ли, грузить пароход?

– Чур, на букву «эл»! – закричала Ася, поскольку на букву «эл» слов, как известно, множество и грузить можно долго.

Но этот номер у Аси не прошел.

– Будем грузить на «ща», – решил папа, для которого в алфавите нет трудных букв.

Грузить пароход, сидя в теплой кухне у себя дома, – упительное занятие, так как можно сваливать в его бездонный трюм решительно что угодно: пространство, подштанники, помаду, призраков, паранджу, петухов, подноготную и просто пустоту, полную пыли. И пароход все это выдержит, не давая ни крена, ни течи.

– Щенятами! – начала Ася.

– Щеками, – сказала мама.

– Щастьем, – попытался смошенничать хитрый папа. Но был тут же пойман своей образованной дочерью. И поправился. – Ладно. Щедростью.

– Щеглами, – сказала Ася.

– Жаль все-таки, что отпустили человека, – невпопад сказал папа.

– Щекоткой, – это мамина очередь.

– Щилотами, – сказал папа.

– Это что еще за «щилоты»? – удивилась мама. – Есть щи.

И, кажется, есть пилоты?

– Нет никакого щилота! – закричала Ася.

– Не знаете? – возмутился папа. – Медицинский термин!

Это специальный такой зажим – щилот. Применяется в хирургии при операциях на тонком кишечнике.

Никто никогда не слышал. Но папе поверили. Он, между прочим, три года в медицинском институте учился, пока из него ушел. Папа вообще знает невероятное количество слов, о которых Ася и мама слыхом не слышали. У него же такая память! На даты. На термины. На все на свете. Проверять его по Большой Советской Энциклопедии – это даром терять драгоценное время.

– Щепетильностью, – гордо сказала Ася, она все боялась забыть.

– Ого, хорошее слово, – отметил папа.

Со своим «щилотом» он, кстати, наврал. Нету такого слова! Потом он, конечно, признается. Но не сейчас! Сейчас папа был ужасно доволен, потому что самое пленительное в игре – это надуть партнеров. Особенно таких прожженных, как мама и Ася.

Телефон давно уж звонил. Маме пришлось наконец взять трубку.

Игра сразу провисла. Ася с папой лихорадочно шевелили губами, стараясь набрать слов на «ща» в запас, изображая

при этом на своих лицах полную безмятежность, будто они и не думают думать, у них, у каждого, этих слов на «ща» прямо пруд пруди, просто не знают, куда девать. От таких титанических усилий проклятые слова, вдруг счастливо мелькнувшие, куда-то проваливались из памяти.

Что там мама говорила по телефону – никто и не слышал.

Наконец положила трубку...

– Твоя очередь! – закричали Ася с папой.

Но мама улыбнулась загадочно, подошла к дивану, где сидела Мария-Антуанетта, отвесила Туське, словно английской королеве, церемонный поклон и попросила учтиво:

– Позвольте вашу ручку...

Туся не позволила, так как не привыкла к дворцовому этикету.

Мама сама взяла ее лапу и церемонно пожала:

– Поздравляю – вы стали бабушкой!

– Как? – закричали в один голос Ася и папа.

У старшей дочери Марии-Антуанетты, у Пенелопы, которая сперва была Пифагор, оказывается, только что родились котята. Это ее хозяин звонил. Они у него в пододеяльнике родились! Он диссертацию пишет. Сидит безвылазно дома. Ночью тоже пишет, даже не спал. А тут вечером прилег, просто – полежать. И вдруг ему сразу снится, будто у его Пенелопы народились котята! Он еще подумал во сне: «Заработался! Всякая чертовня уже снится!» Открыл глаза. А котята уже пищат у него в пододеяльнике.

Целых три штуки! Неизвестно, как быть теперь с диссертацией? Она сразу померкла в его глазах. Ему котят надо теперь доводить до ума...

– Коты или кошки? – все же спросил практичный папа.

– Я тоже спросила, – засмеялась мама. – А он знаешь мне что ответил?! «Это не имеет значения, – говорит. – У нас родились дети, и мы с Пенелопой очень довольны».

– Ответ истинного джентльмена, – захохотал папа.

А Мария-Антуанетта вдруг прыгнула и повисла на шторе. Хоть и не сразу, но до нее дошло!

Сколько перенес этот пудель!

Ася сидела в школе на уроке. Место с ней рядом было пустое. Богданов не пришел почему-то. Ася опаздывала, не успела к нему зайти. Думала, он уже в школе, просто – думала – не дождался. Плохо знала еще Богданова, если так подумала. Он бы дождался!

Был последний урок – «любимого чтения». Нина Максимовна вслух читала «Алису в стране чудес». Она была красива, как Бог, – в новой голубой кофточке и волосы высокие, будто корона на голове. С распущенными, когда волосы словно льются на плечи, Нина Максимовна тоже была красива, как Бог. Это Ася где-то читала: «красив, как Бог». Мужской род – красив, женский – красива, все правильно...

«Алису в стране чудес» Ася знала почти наизусть. Пока Нина Максимовна читала какую-нибудь фразу, Ася слышала внутри себя уже дальше. Если она слышала правильно, чтоб – до слова, то улыбалась сама себе, а если неточно помнила, то огорчалась и опускала глаза. Лицо ее поэтому было в непрерывном – живом – волнении. И Нина Максимовна, о чем Ася, конечно, и не догадывалась, читая и постоянно стараясь держать в поле зрения все лица в классе до одного, все время как-то особенно остро видела перед собой это Асино живое лицо. И оно очень помогало Нине Максимовне читать.

Вдруг дверь немножко приоткрылась со скрипом. И сразу опять тихонько прихлопнулась...

Нина Максимовна переглянулась со своим классом, чтоб они пока не очень шумели, и вышла в коридор. Но быстро вернулась.

– Ася Жукова, ты можешь идти, – вдруг сказала Нина Максимовна. – За тобой пришел папа.

Папа не просто пришел. Он заехал за Асей на машине «Скорая ветеринарная помощь». Машина их ждала возле самой школы, и многие из параллельного третьего «Б», у которого было три урока, но они еще не успели уйти домой, видели, как Ася со своим папой запросто садилась в эту машину.

Дорогой папа все объяснил. Они едут в ветеринарную поликлинику, где работает главным врачом папина сестра тетя Вера. Ну, это Ася знает! Первый раз, что ли? Тетя Вера позвонила папе в театр. У нее все врачи болеют. Один вообще ушел в отпуск. Она по глупости сама отпустила. Тоже, нашел время! Тетя Вера – одна на приеме, а народу столько, что вот-вот кабинет проломают. Санитарку она уволила. Она все равно ничего не делала. Только мазала себе губы. Но без нее еще хуже! Даже стол некому протереть после больного животного. Тетя Вера голову потеряла. Если папа с Асей ее не выручат, то она пропала. Она бросит свою поликлинику и уйдет в Ветеринарный отдел подшивать бумажки. С нее хватит!

Но этого они с Асей никогда не допустят.

– Надо выручать, – сказала Ася.

Папа не зря три года в медицинском институте учился, пока ушел. Он все умеет. Уколы, банки, горчичники, рану собаке зашить – тоже может. Он фельдшером потом на «скорой» работал, было время. Кое-что еще помнит! У Аси тоже руки. Стол она вполне может протереть специальным раствором, чтоб зараза там сдохла. Подержать кота, пока его колют. Пациентов в журнал записать, как фамилия, где живет, на что жалуется. Это хозяин все скажет. Пациенты только визжат и лают. Ася не хуже папы знает. Нервы у нее крепкие. Уж во всяком случае в обморок Ася не грохнется, если, например, кровь...

– Вот еще! – засмеялась Ася. – Я тете Вере на операции помогала.

Папа помнит, это он – просто так, к примеру. Он и Богданова хотел взять. Нина Максимовна отпустила бы, папа спросил. Но Богданов, оказывается, не пришел в школу. Интересно, Ася его утром видела или нет?

– Нет, – сказала Ася. – Проспал наверно.

– Хорошо, если так, – вздохнул почему-то папа.

Надо вечером обязательно к Богдановым заглянуть, проведать, как они там, все ли у них в порядке...

Тут шофер отчаянно засигналил.

Толстый щенок сидел и чесался на самой дороге. И не думает уходить! Шофер снова гуднул. Из-за угла, как безум-

ная, выбежала толстая женщина в лохматом пальто и бросилась прямо под машину. Но машина уже остановилась. А щенок все чесался. Это, выходит, была его хозяйка. Она схватила своего щенка, как безумная, толкнула машину и убежала.

Шофер хотел уже тронуться. Но тут прямо на машину из-за угла выскочили огромный боксер, мраморный дог, две кудлатые болонки, которые исходили визгливым лаем, московская сторожевая, фокстерьер, японский хин и кто-то еще. Истошно закричали хозяева дога, болонок, московской сторожевой, фокстерьера, хина и всяких других. Воробьи с перепугу прыгнули с тротуара в небо и, наверно, поубивались бы, попадись на их пути провода, потому что с перепугу они взлетели хвостами вперед. Такой вдруг переполох!

– Все, – объявил шофер. – Ближе не подъехать: убьют.

За углом была ветеринарная поликлиника. Честно говоря, почему-то это сразу чувствовалось.

К кабинету, в котором принимала тетя Вера, еще надо было пробиться сквозь коридор. В коридоре тесно стояли люди, собаки, кошки в корзинках и белый гусь в эмалированном тазу. Терпко пахло просыхающей в тепле шерстью, карболкой, щенячьим визгом и человеческим нетерпением.

Папа отважно ринулся во все это, таща Асю за руку.

– Куда? Без очереди? – заволновался коридор, напирая на папу со всех сторон. А белый гусь в эмалированном тазу внезапно ущипнул Асю за палец. Но небольно.

– Вы же видите, что мы без животных, – отбивался папа.

– Знаем, как без животных! – волновался коридор. – А у самого, небось, за пазухой!

– У меня за пазухой крокодил, – отбивался папа.

Но все-таки расстегнул свой плащ и показал, что никого нет.

– Ой, товарищи, это доктор, – вдруг догадался кто-то.

У папы был белый халат под плащом. Предусмотрительный все-таки! Но папа ведь знал, куда он идет. Он все же думал еще пожить на этом веселом свете, а не обязательно быть сейчас растерзанным на глазах у собственной дочери.

Как только прозвучал этот возглас, настроение вокруг папы и Аси мгновенно переменилось. Теперь на них со всех сторон смотрели умоляющие, заискивающие глаза. Хозяйка гуся обхватила свой таз и передвинула его подальше от Асиной ноги, чтобы он случайно не задел девочку. Так она объяснила папе, глядя на него снизу, из-за гусяной шеи. А шикарная молодая дама с маленьким мальчиком осторожно тронула папу за руку и сказала воркующим голосом, каким говорят сытые голуби на весенних теплых карнизах в ранний утренний час, когда их никто из людей не слышит:

– Доктор, миленький, можно ли держать белую крысу в доме? Это не опасно для мальчика?...

– Абсолютно не опасно, – любезно ответил папа. – Ни для мальчика, ни для девочки. Но крыса должна иметь полноценное питание, чистоту в клетке и прогулки на свежем воздухе.

– А что она кушает, доктор, миленький?

– Она ест все, – веско сказал папа. Взглянул на мальчика, который так не похож был на шикарную молодую даму хмурой своей и худосочной серьезностью, и еще прибавил. – Кроме конфет, конфеты для крысы – гибель...

– Доктор! Доктор! – теребили папу со всех сторон.

– Простите, в таких условиях отказываюсь вести прием, – нахально возвестил папа.

И совсем было собрался шмыгнуть в кабинет, таща Асю за руку. Но внезапно его осенило.

– Срочные консультации, не требующие хирургического вмешательства, – объявил папа громко, – могу дать в зале ожидания. Кто хочет, пожалуйста за мной...

Гусь в эмалированном тазу одобрительно вскрикнул.

Коридор вздохнул, расступился и пропустил Асю с папой вперед. А за ними, как за тем крысоловом, о котором папа недавно Асе читал, в пустой прохладный и гулкий зал ожидания, где все сделано, чтоб удобно ждать приема, но никто ждать почему-то не хочет, повалили собаки, люди, кошки и запахи. Гусь шел сам. А эмалированный таз тащила его хозяйка, и этот таз гремел.

В коридоре сразу никого не осталось.

– Кстати, вы обратили внимание на потолок в коридоре? – небрежно сказал папа. – Он в аварийном состоянии. Два раза обваливался.

И незаметно подмигнул Асе. Ася сразу поняла, что папа

наврал. Просто в кабинете, где принимают врачи, все слышно из коридора, а нужно, чтоб было тихо.

– Доктор... Доктор...

Тучный дядька в кожаной куртке как-то незаметно оттеснил папу ото всех. Он и его боксер окружили папу. Асе боксеры вообще нравились. Но у этого, который сейчас окружил папу, было какое-то неприятное лицо, нахальное и брюзгливое, будто он слизняков наелся.

– Доктор, у нас лапа... – почему-то шепотом сообщил папе дядька в кожаной куртке.

– У вас лапа, – громко повторил папа, стараясь высвободиться от дядьки и его слюнявого боксера. – Лапу нужно смотреть на столе. Придется вам обождать.

– Я не могу ждать... – почему-то шепотом объяснял дядька. – Сами понимаете, доктор, я отблагодарю...

– Помощь у нас бесплатная, – громко сказал папа, решительно отодвигая боксера в сторону. – В порядке очереди.

И что-то еще он хотел сказать, такое у папы вдруг стало лицо. Ася один раз такое лицо у папы на даче видала, когда ему в суп залезла гусеница.

– Больше никого нет на прием? – раздался из коридора знакомый голос. И вошла тетя Вера, в белом халате и в белой шапочке. Очень похожая на папу, только, конечно, без лысины, но под шапочкой все равно не видно. – Звоню. Приглашаю. – Тут она заметила Асю с папой. – Наконец-то! А я

для вас интересного пациента держу. Идемте быстрее!

И увела их к себе в кабинет.

– Я с вами, – бросился за ними дядька с боксером.

И стал папе делать какие-то знаки, руками, лицом. Боксер тоже сморщился всем лицом. Но потом просто чихнул.

– Нет, мы без вас, – грубо сказал папа.

И дядька со своим боксером остался в зале ожидания.

В кабинете у тети Веры сидела худенькая пожилая женщина и держала в шерстяном платке кошку простецкого вида. Обычную. Серую. Такие в каждом доме живут на лестнице.

Больше никого не было. Где же интересный пациент?

– Вот, пожалуйста, Асин, обрати внимание на эту кошку, – сказала тетя Вера. – Запомни ее получше.

Как ее запомнишь? Никаких даже пятен нет. Простая. Серая.

– А у нее что? – спросила Ася.

Врачи любят редкие болезни. Наверное, у этой кошки болит что-нибудь исключительно редкое. Но ведь Ася не врач.

– Неважно, что у нее, – засмеялась тетя Вера. – Прихворнула немножко, съела что-то не то.

– Соседка, наверно, дала, – сообщила женщина. – У нас только свежее ест. А соседка завидует, от зависти спать не может.

– Ничего, – успокоила тетя Вера. – Попоите ромашкой. Молока пока не давать, рыбу – тоже. Это, Аська, говорящая кошка!

– А разве бывают? – ахнула Ася.

Даже папа удивился. Присел перед этой кошкой на корточки. Гладить ее сразу стал.

– Ты сказок разве не читаешь? – сказала тетя Вера.

– А по правде – бывают?

– Вот она – по правде, – сказала тетя Вера.

– Много говорит? – спросил уважительно папа.

Нет, папа не удивился. Просто сразу зауважал эту кошку, вон как он на нее смотрит. Снизу вверх!

– Она у нас одно слово пока что говорит, – скромно сказала женщина. – Но она у нас еще молоденькая.

– И какое же слово она выбрала? – уважительно спросил папа.

– Она выбрала слово «Уфа», – скромно сказала женщина. – А соседка завидует, ночи не спит...

Эта кошка – ее зовут Яночка – сперва была как будто обычная кошка. Они ее с дачи котенком привезли. Такая воспитанная! Все аккуратно, в кюветку. Играла, как все, со своим хвостом. Ласковая! Так за тобой следом и ходит. Купали ее два раза, она не боялась...

– Купать вообще-то не надо, – вставила тетя Вера.

– Больше они не будут, если не надо. Яночка чистая. Они с мужем живут вдвоем, детей нету. Муж работает на заводе. Он сидит утром, завтракает, а Яночка всегда тут же. Муж шутя и брякни: «Чего глядишь? Скажи что-нибудь!» А Яночка вдруг: «Уфа». Чисто. Как детский голос. Муж в кух-

ню влетел: «Хозяйка, у нас кошка заговорила!» Она сперва испугалась. «Да ты сама послушай. Яна, иди сюда!» Яночка прибежала. «Яна, ну?!» Яночка возле ног у него потерялась. «Уфа», – говорит...

– А мне она скажет? – спросила Ася.

Она хотела прямо Яночку попросить. Но не решилась к ней обратиться.

– Наверяд, – засомневалась женщина. – Мы уж с доктором как просили. Молчит. Яночка, скажи, детка!

Кошка заворчалась в шерстяном платке и как-то вздохнула.

– Не хочет, – сказала женщина. – Против воли не говорит.

– Было бы нереально, если бы она здесь заговорила, – объяснила тетя Вера. – Непривычная обстановка, собачьи запахи, чужие люди – это же понятно.

– Дома-то она не стесняется, – улыбнулась женщина.

Раньше муж только в дом войдет, сразу – на всю мощь телевизор. А теперь ничего не надо, ни футбол, ни ужин, а пусть только Яночка скажет «Уфа». От гостей – так отбою нет. Всем послушать хочется – с работы, родственники, которые знают, знакомые. Весь вечер в комнате смех. Соседка от зависти с лица спала...

– Можно, мы придем? – робко попросила Ася.

– Отчего же нельзя, – кивнула женщина. – Приходите вот с папой. Дома-то она никогда сказать не откажет...

И долго Ася будет потом приставать: «Папа, когда пой-

дем к Яночке?» А папа все срочно занят. Долго будет ждать! Пока папа признается, наконец, что он потерял бумажку с адресом. «Как же мы теперь найдем?» – ужаснется Ася. И папа скажет, что как-нибудь обязательно найдем. Или вдруг встретим на улице эту женщину. Или она снова придет с Яночкой в поликлинику. А может, адрес еще не совсем пропал, а где-нибудь завалился среди бумаг. Вон их сколько в доме!

Но потом, постепенно, эти разговоры заглохнут.

Только навсегда останется с Асей говорящая кошка Яночка, которая не сказала ни слова. Даже взрослой на всех серых кошек будет она смотреть с непонятным, смешным уже для нее и все-таки неодолимым никаким взрослым опытом, тревожно волнующим ожиданием. Потому что в жизни, как и в искусстве, намек порою сильнее факта. И это хорошо понимал Асин папа, когда потерял адрес на бумажке, который он, вообще-то говоря, и не думал терять.

Неизвестно, что бы сказала Яночка, когда Ася приехала бы к ней в гости. Хотя вообще-то она говорила «Уфа», это факт...

Тетя Вера, меж тем, уже вызвала следующего пациента.

Это был черный пудель и с ним – две женщины. Одна внесла пуделя на руках и аккуратно поставила на стол. А другая поминутно сморкалась, искала носовой платок, теряла сумочку, хваталась за бок и чуть не села мимо стула, куда папа ее пригласил, чтобы записать в журнал.

– Фамилия? – спросил папа.

– Его? – испугалась женщина. И взглянула на своего пуделя.

– У вас разве разные? – удивился папа. – Ну, хоть чью-нибудь.

– Его фамилия Спиридонов, – сказала женщина.

Пудель Спиридонов услышал свою фамилию и сразу зала-ял на столе. Какой умный! Тетя Вера хочет уши ему посмотре-ть, а он крутится, никак не дает.

– Держите! – приказала тетя Вера.

Ася схватила Спиридонова за задние ноги, а вторая жен-щина, про которую хозяйка пуделя объяснила, что это – ее подруга детства и без нее она бы ни за что не дошла, вцепи-лась Спиридонову в передние ноги. Но он их всех отшвыр-нул! Лает на тетю Веру и трясет ушами.

– Родненький, как он плачет! – вскрикнула хозяйка. – Доктор, мне, кажется, плохо. Почему он плачет?

Схватила за бок и на стуле качнулась. Папа ей пузырек какой-то сует под нос, а она отпихивается.

– Прекратите! – кричит тетя Вера.

– Доктор, родненький, он не умрет?! – кричит хозяйка на стуле. – Я не переживу!

Пудель на столе скачет и трясет ушами.

– Спиридонов! – вдруг гаркнул папа, Ася даже вздрогну-ла. – А ну, стоять смирно, как на параде!

Пудель сразу встал. Ася и подруга хозяйкиного детства

так на нем и повисли, а тетя Вера быстро залезла ему в ухо.

Хозяйка выпрямилась на стуле и тоже застыла.

– Уши грязные, – сказала тетя Вера. – Что же вы уши так запустили? У него ушной клещ.

– Как клещ? – ахнула хозяйка. – Откуда клещ, доктор? Бедненький, как он страдает! Я не переживу!...

– Подцепил где-то, – сказала тетя Вера. – Придется вам пережить. Сейчас покажу, как чистить.

– Разве я смогу? – бессильно сказала хозяйка, оседая на стуле. – Доктор, миленькая, я столько перенесла. У меня сердце, холецистит, гастрит, гайморит. Я насквозь больная! Если бы вы знали, доктор, родненькая, сколько перенес этот пудель. Его даже от шоколада тошнит. Он не умрет, правда?

– Умрет, – пообещала тетя Вера. – Лет через десять, не раньше. – Опять залезла Спиридонову в ухо. Ему теперь нравилось, он не дергался. – Вот так каждый день будете делать. Ася, чистую вату!

Ася ей подала.

– Нет, я не смогу, – испугалась хозяйка.

– А кто же, интересно, будет вашу собаку лечить?

– Наверно, я, – сказала подруга.

Тетя Вера обрадовалась, ей стала показывать. А хозяйка пуделя Спиридонова бочком встала и пошла в коридор. Она не могла больше на это смотреть! Как ее Спиридонова мучают. Тем более что он столько уже перенес в своей жизни.

Дверь за нею закрылась.

– Эх, не успел спросить, чего же он перенес, – даже расстроился папа. – Шрамов вроде не видно.

– У нее дочка с мужем расходилась... – стесненно объяснила подруга хозяйки.

– А пудель причем? – удивился папа.

– Ну, тоже переживал...

– У нас слушаешься, – сказала тетя Вера. Еще раз сменила вату, положила пинцет и выпрямилась. – Пока все. Молодец, Спиридонов! Освобождай место для других.

И спихнула Спиридонова со стола. Он тряхнул ушами и побежал за подругой к двери.

– А что? – засмеялся папа. – Может, и переживал!

Ася сразу представила...

Огромная комната. Дочь хозяйки и ее муж медленно расходятся в разные углы. А пудель Спиридонов лежит на полу в самом центре и стонет. Он не знает, за кем бежать. А они все расходятся, в темноту, уже даже не видно. Спиридонов стонет. Его хозяйка плачет, сует своему Спиридонову шоколад. А он, бедненький, даже не хочет брать и трясет ушами. И рядом, на чистом полу, сидит громадный ушной клещ и в упор смотрит на Спиридонова жадными блестящими глазами. Ищет, куда бы впиться...

Ася клеща видела на даче. Он ей впился в ногу. Но папа тогда его сразу вырвал...

– Ага, у нас обхохочешься, – тетя Вера все терла руки под краном. – Думаешь, от чего я так устаю?

От своих пациентов тетя Вера не устает. Они тихие, хоть и лают. Мужественные. Никогда ни на что не жалуются! Благодарные. Один пес – тетя Вера его в прошлом году спасла, когда у него кость застряла в горле, – сам недавно сюда пришел, на прием. Без всяких хозяев! Лапу стеклом поранил и сразу вспомнил – прибежал в поликлинику.

Он так целеустремленно шел, что очередь его в кабинет пропустила без звука. А тетя Вера его приняла безо всяких документов. Врачи устают исключительно от хозяев. Вот где терпение надо!

Вчера, например, звонят: «Это главный врач?» Главный, да. «Что нам делать? У нас кошка с балкона упала. Шестой этаж!» Тетя Вера разволновалась. Как их кошка упала? На асфальт? Нет, на газон. Встает она на ноги? Да, встает. Но не очень охотно. Это уже эмоции!

Нет ли у нее крови? Там испугались. Никакой крови нет! Повезло этой кошке. «Так чего ж вы звоните?» – удивилась тетя Вера. Они потому, оказывается, звонят, что их кошка теперь отчего-то скучная. А тетю Веру вытащили из операционной! У нее борзая там под наркозом! «А если бы вы с шестого этажа упали, вы бы были веселая?» – спрашивает тетя Вера. Сразу – обида: «Доктор, вы как-то не так разговариваете...»

– Как с ними разговаривать? – удивляется тетя Вера.

Ей бы такую работу, как у Асиной мамы. Сидишь себе дома за столом, грызешь карандаш, смотришь в окошко. Ника-

кого начальства над тобой, никаких хозяев...

– А ты попробуй, – посоветовал папа.

Нет, тетя Вера не может. Она привыкла служить. Приходить на работу к определенному часу. Уходить – тоже она привыкла. Ей статью заказали в журнале. Вряд ли она напишет. Некогда! График воскресных дежурств надо составить, разбираться с жалобами, в операционной нужен ремонт, инструментов нету, и все врачи болеют. Она считает, что мамина работа – прекрасная, ни от кого не зависишь, кроме самой себя. Это настоящая жизнь!

– Как раз самое трудное, когда – от самой себя, – объясняет папа.

Нет, тетя Вера не понимает.

– Хочешь – пиши, не хочешь – гуляй по Летнему саду, гляди, как лебеди в пруду плавают, как желтые листья летят на землю. Красота!

Папа уже сердится.

Он таких разговоров не любит. Чтобы так легко говорили про мамину работу. Болтали, как обыватель! Да еще его сестра. Он эту работу видит. Нагляделся за эти годы, что это за работа. Врагу своему не пожелает. А другие не видят. Болтают, как обыватель!

– Да я просто так, – успокаивает его тетя Вера.

– И нечего просто так болтать, – сердится папа. – Ты нас болтать звала?

– Работать, работать, – успокаивает тетя Вера.

И тут они с папой так стали работать! Сразу за двумя столами. Папа – за своим – смотрит воробья Цыпу. Он клюв как-то набок держит. У него неправильный прикус! Это не опасно для жизни, даже у артистов бывает. Пусть Цыпа держит свой клюв, как хочет. А тетя Вера – у себя на столе – принимает Тома Сойера. Его мужчина принес в желтом портфеле. Вдруг открыл небольшой портфель, и оттуда вылез громадный пушистый кот. «Это у нас Том Сойер», – солидно представил мужчина. У кота – блохи. Такие громадные! Ася даже отпрянула.

– Не бойся, – засмеялась тетя Вера. – Они на тебе жить не будут.

– А на мне, простите? – солидно спросил мужчина.

– На вас? – тетя Вера внимательно на него поглядела. – Нет, на вас тоже не будут.

– Фактура не та? – солидно поинтересовался мужчина. Он намекал на свою худосочность.

Но тетя Вера его разочаровала:

– Эти блохи на человеке вообще не живут. А с Томом Сойером – предупреждаю – вам придется повозиться.

Мужчина согласен, он очень к этому коту привязан. Этот кот философ, любит лежать на электрической грелке и думать о смысле жизни. Где он только блох подцепил?

– На улицу ходит? – спросила тетя Вера.

– Иногда, – подтвердил мужчина. – Но только вместе со мной.

– Вот вместе и подцепили, – улыбнулась тетя Вера.

Уже принимает болонку, которая кашляет. Асе дала послушать, как у болонки внутри хрипит. Может, воспаление легких? Надо ее колоть.

Папа взял шприц. Уже уколол! Болонка даже не пискнула, только зажмурилась. Она, оказывается, недавно исчезла из дому на два дня. Сбежала от своей хозяйки во время прогулки. И вот – пожалуйста, простудилась! Ее по объявлению только нашли. По приметам. Подобрали хорошие люди и, спасибо, – вернули...

– Повезло, – кивает тетя Вера.

– Кстати, – вспомнил папа, – у Чукуревых Сенька вроде всерьез пропал. Ты посматривай, Верочка, вдруг регистрировать приведут.

– Вряд ли, – говорит тетя Вера. – Если украли, на рынке надо ловить. На собачьем, знаешь?

– Кто же не знает, – кивает папа. – А вдруг?

Надо же, Сенатор всерьез пропал! Ася думала, он уже нашелся...

– За город запросто могли увезти, – говорит тетя Вера. – На дачу куда-нибудь. Такого красавца припрячут, будь покоен. Кто там следующий? Заходите!

Но никто почему-то не входит.

Папа выглянул.

– Ого! – говорит. – Уже пусто. Славно, однако, поработали.

– Не может быть?! – обрадовалась тетя Вера. – Вы с Аськой меня буквально спасли. Одна бы я до ночи сидела!

Трепетная лань

Ася давно уже сделала уроки. Папы все нет, а мама – у себя в комнате. Не выходит. Ей нельзя мешать. Папа предупредил: «Что бы ни случилось, к маме входить нельзя. Сама все решай. На свой риск! Не маленькая!» – «А если пожар?» – нарочно сказала Ася. Но папа остался непреклонным, даже не улыбнулся. «Выноси вещи, вызывай пожарную команду, а к маме – чтоб ни ногой».

Пожара нет никакого...

Зато пришла почтальон, принесла бандероль на папино имя.

– Кому можно вручить? – говорит.

– Мне можно, – решила на свой риск Ася.

Нет, ей почтальон не согласна. У Аси паспорта нет. Неизвестно, может ли она еще расписаться.

Ну, уж это просто смешно. За кого хочешь может расписаться! С крючком и с росчерком. Что Ася, маленькая?

– Все равно нельзя, – вздохнула почтальон.

Ей самой обидно, что она зря на третий этаж поднималась. У нее одышка. Ступеньки высокие, старый дом. Но бандероль заказная, нельзя рисковать. Вдруг она пропадет?

Тут в коридор вдруг выскочил Фингал. Ася ему строго-настрого приказала сидеть в комнате, что бы ни случилось. А он все равно выскочил! Придется с ним потом серьезно по-

говорить...

Фингал, – папа считает, – самый крупный в семье политик. Он со всеми разный. Маму он, например, не слушается совершенно. Когда мама одна, Фингал носится по квартире как ненормальный. Лаает, тапки грызет, может стащить у нее из-под рук колбасу. На диван завалиться с ногами. Не считает зазорным! «Я для него просто хорошая коммунальная соседка для игр», – вздыхает мама. «Сама распустила, – объясняет папа. – Никогда его не наказываешь!» – «Разве? – удивляется мама. – По-моему, я наказываю. Я его наказываю презрением. Или великолепным молчанием. Или внутренним неприятием. Просто он меня не ставит ни в грош. Не ремнем же его наказывать?»

Но папа считает, что иногда – именно ремнем. Он пару раз наказывал! И Фингал очень даже понял, больше не требуется. Во всяком случае, папу он высоко теперь ставит. Может, папа придумал насчет ремня? Ася не видела. Но Фингал, видно, чувствует, что – в принципе – папа может. Пойти на эту крайнюю меру. И слушается папу безукоризненно, с первого раза. При папе он к обеденному столу вообще не подходит, а из маминых рук даже не берет сахар. Делает вид, что он сахар терпеть не может. Ему тошно на этот сахар смотреть! Уберите скорей! А стоит папе на секунду выйти, Фингал мгновенно подскакивает к маме и тычется носом в руки: «Давай сахар! Быстрее! Копаешься!» Схватит, за щеку сунет и отойдет, как пуся. Будто и не просил. «Фу, какая

двойная душа», – стыдит его мама. Фингал смиренно лежит, где папа ему приказал, грызет свой сахар и на маму даже не смотрит.

Такой политик!

А Асю Фингал охраняет. Когда он с Асей наедине, Фингал, конечно, дурачится, скачет на равных, даже еще дурее. Но стоит кому-нибудь появиться, чужому, и он сразу меняется – Фингал как-то вдруг подбирает тогда в мощный комок свое длинное тело, ставит шерсть на загривке дыбом, белые клыки сдержанно и строго белеют из-под черной верхней губы, слышен сдавленный рык, и глаза вдруг твердеют повзрослому. Такой твердый, точный и пристальный взгляд! Будто Фингал каждого сразу предупреждает: «Вы на эту девочку голос никогда не повышайте, потому что я ее люблю...»

Почтальон говорила тихо. Но Фингалу все равно не понравилась. Может – зачем бандероль Асе не отдает?

Вышел и рядом с Асей встал. Рыком своим рокочет тихонько.

– Это твоя собачка? – сразу заинтересовалась почтальон. – Красивая какая собачка! Она не кусается?

– Без команды он никогда не кусается, – объяснила Ася.

Почтальон только что присела на тумбу для обуви, чтоб отдышаться. И рядом с ней заказная бандероль.

– Я, пожалуй, пойду, – вдруг заторопилась. – Уже отдохнула. Мне еще столько разносить!

И протянула руку – забрать бандероль.

Это Фингалу совсем не понравилось. Он рыкнул громче.

Почтальон отдернула руку и тихо положила себе на колени.

– Что, собачка? – говорит. – Понимаешь, нужно работать...

Уважительно так с Фингалом разговаривает. Рассказывает ему про свою работу, что нужно ходить по разным квартирам, кому – журналы, кому – перевод. Она бы, может, и не ходила, по возрасту. Но приходится, жизнь так сложилась. Времени совершенно нет, чтоб посидеть вот так без дела...

– Вы идите, пожалуйста, если некогда, – сказала Ася. Фингал до утра может слушать, а человеку действительно некогда. Прикрикнула на него, чтоб отошел с дороги. – Фу, Фингал! Расселся!

Усталая почтальон вдруг вскочила резво, как девочка, и выскочила за дверь. Быстро-быстро уже бежит по лестнице вниз. Даже не попрощалась.

Из-за тумбы для обуви высунулся любопытный уж Константин. Увидел, что почтальона нет, и спрятался обратно.

А заказная бандероль на папино имя так и лежит на тумбе. Забыла бандероль! Ася только сейчас заметила. А ведь она даже не расписалась. Фингал нюхает бандероль, и шерсть у него на загривке дрожит от чужого запаха.

– Дай сюда, – приказала Ася.

Фингал с отвращением взял зубами и подал бандероль

Асе. Все-таки он ее тоже с первого раза слушается, не только папу...

Папы все нет.

Ася подошла тихонько к маминой двери. Послушала. У мамы было тихо. Машинка, во всяком случае, не стучит. Ася цыкнула на Фингала, чтоб не вздумал лезть, тихонько нажала дверь и вошла.

Мама неподвижно сидела за своим столом, перед машинкой.

Такой у нее, честно говоря, был сейчас вид, будто маму силком затащили в эту комнату, набитую толстыми книгами до потолка, посадили на этот стул в тяжелом осеннем свете, тревожно текущем из медленных окон, и приказали сидеть так вечно. А зачем – объяснить забыли. Вот она и сидит, смотрит в стенку куда-то перед собой, даже позу переменить боится, сесть поудобней...

– Мам, – окликнула ее Ася. – Там папе бандероль.

– Сейчас получим, – не сразу отозвалась мама, все еще глядя куда-то в стенку, где ничего не было.

– Я уже получила, – сказала Ася.

– Молодец, – мама, наконец, обернулась. Хоть папа и запретил ее беспокоить, но было видно, что мама обрадовалась. И Ася ее поняла! Что за интерес, в самом деле, смотреть в стену, где ничего все равно нету? Надо хоть картинку нарисовать и туда повесить. – Положи куда-нибудь...

– Я не буду мешать, – сразу предупредила Ася. – Ты ра-

ботаешь?

– Как тебе сказать, – мама задумалась. Наверное, сперва хотела соврать. Но потом тряхнула головой и призналась. – Нет, по-моему, не работаю. По-моему, скоро пойду водить трамвай. Ты не против?

– Не знаю, – честно сказала Ася.

Мама давно собирается. Чуть что у нее не ладится, сразу: «Все. Пойду лучше водить трамвай». Сама, между прочим, не умеет. Даже ни разу не пробовала. Если там тоже не получится? «Научусь. Я способная. Кончу курсы». Ася видала в трамваях объявления: приглашают. Правда, что ли, пойдет? «Трамваи от страха с ума сойдут», – уверяет папа. Мама такая рассеянная! Она же не заметит, когда рельсы кончатся. Свой трамвай загонит куда-нибудь в капусту. «Где это ты капусту в городе видел?» – смеется мама. С ее-то рассеянностью?! Бегемот, например, будет сидеть на рельсах и на пианино играть. Мама все равно не заметит, если задумается. Запросто сделает этого бегемота уродом. «Не сделаю, – протестует мама. – Он меня заметит». – «Да, это на него произведет неизгладимое впечатление», – объясняет папа.

– Может, тебе не понравится, – осторожно говорит Ася.

Хуже нет маму напрямик отговаривать, Ася по себе знает. А вот если так, осторожно...

– Понравится, – уверяет мама. – Я скорость люблю.

Глаза заблестели, так она любит. Вскочила из-за своего стола и теперь по комнате бегает.

– Быстро буду мчаться! Без остановок. По прямым сверкающим рельсам через весь город наискосок...

Размечталась.

Ася представила, как она несется. Трамвай под уздцы схватила, будто он лошадь. Он вздыбился! На задних колесах уже несется. Ржет и красными боками поводит. Мама никак не может остановить. Тут Ася бросается с Фингалом наперерез...

Ух, даже дух захватило!

– А как же пассажиры будут садиться?

– Пусть вскакивают, если смогут, – бесшабашно машет мама рукой.

Ей не до пассажиров. Она несется без остановок.

– А как же выходить?

Ася не замечает, что она уже кричит. Увлеклась тоже!

– Пусть соскакивают! – бесшабашно машет мама рукой.

– Ну, хоть на нашей остановке остановись!

– Не остановлюсь, – заупрямилась мама. – Я уже разогналась.

– А зачем же тогда трамвай? – кричит Ася.

– Как зачем? – удивляется мама. – Для красоты! Для домовитости города! Для удивленья!

– А метро?

– Нора крота изнутри, – кричит мама, ликуя. – Разве можно сравнить с трамваем? В нем солнце! Воздух! Он же звенит!

Это Ася когда-то нарисовала. Все черное. Прямо чернушее. И черные ступеньки ведут в черноту. А в этой черноте лежат на черных полках черные припасы на черный день: черный хлеб, черный сыр, черные коробки с черной икрой. И кругом все исключительно черное. А сверху, над черной чернотой, зеленая трава и красное солнце. «Нора крота изнутри». Ася писать тогда не умела, но устно она объяснила...

– Погоди, а чего это мы с тобой орем? – удивилась мама.

– Разве мы орем?

Ася так удивилась, что заговорила шепотом.

– По-моему, орем, – тоже шепотом сообщила мама.

– Может, это не мы?

Ася с мамой уставились друг на друга и замолчали. Стало сразу очень тихо. Только Фингал скребется у двери, это слышно.

– Нет, никто не орет, – сказала мама обычным голосом. – Значит, показалось. Вдруг почему-то приличное настроение! У тебя как?

– Тоже, знаешь, приличное, – подтвердила Ася солидно.

– Может, нам что-нибудь придумать под настроение?

– Можно, – солидно кивнула Ася.

Они с мамой часто придумывают. Если мама, конечно, свободна. Ася никогда бы не стала мешать. Например, сама к маме лезть. Но если она все равно сейчас не работает и сама так хочет...

– Абракадабру какую-нибудь, – размечталась мама. – В

рифму, если не возражаешь. Пускай каждые две строчки у нас рифмуются. Нет, это скучно. Ну, потом усложним, в процессе.

– А про что?

– Предлагай, – прищурилась мама. – Может, лучше – про кого? Например, давай про лань? Доброе слово такое, располагающее.

– Давай, – согласилась Ася.

Она сразу поняла, почему мама выбрала это слово. И Асе стало приятно, что мама помнит. Хотя сама Ася как раз не помнит, а ей мама уже рассказывала. Удивительно это приятно, когда тебе про тебя же рассказывают, какая ты была маленькая. Ася очень любит. И требует всякий раз новых подробностей. Чтобы мама побольше вспомнила! И мама даже, кажется, понимает, почему она любит. Дело в том, что сколько сама о себе ни думай, все равно себя плохо знаешь. А когда тебе про тебя говорят, какой ты была и что делала, вдруг начинаешь что-то новое в себе понимать...

Слушаешь, слушаешь про себя и как будто сама себе учишься, какая ты есть...

Асе было лет пять, и они с мамой бродили по зоопарку, самое любимое Асино тогда было место. Пони кормили булкой, смотрели, как слон подбирает монетки и отдает своему служителю. Как мечется в клетке волк. А потом Ася застряла у клетки с ланями. Маму они никогда не волновали, лани и лани. Грация есть, а ума – не сильно заметно. А Ася сто-

ит и стоит. Вдруг оборачивается: «Я профессию себе выбрала». Мама как-то не была подготовлена, удивилась. «И какую же? – спрашивает осторожно. – Что же ты будешь делать?» – «Буду работать с ланями, – сообщила ей Ася. – У них глаза печальные. Видимо, с ними никто не работает».

И, решив свое будущее, сразу же пошла дальше, к змеям.

А мама, рассеянно попевая за ней, подумала тогда, что это совсем не плохая причина для выбора, достойная причина, – чьи-то печальные глаза. И что она с этой точки зрения не удосужилась посмотреть на ланей. А Аська посмотрела! И маме было за Асю радостно, а за себя чуточку грустно. Неужели она уже разучилась смотреть в глаза?...

– Первую строчку – ты, – попросила Ася.

– Ладно. Ну, например, – мама на секунду задумалась. – Например,»бежала трепетная лань...». Это пойдет?

– Она была такая дрянь, – легко подхватила Ася.

– Ну, что же ты ее сразу! – ужаснулась мама. – Нет, так нельзя. Это мы будем теперь с тобой разбираться, почему она дрянь. Нам же никогда не выпутаться!

– А если не разбираться? – предложила Ася.

Мама честно подумала.

– Нет, – решила она. – Это слишком серьезное обвинение. Давай что-нибудь другое, ага?

– А на плечах носила рвань? – предложила Ася.

Но мама снова отвергла, потому что ей жалко бедную лань, у которой, значит, нет даже приличного костюма.

– Может, она нарочно, – сказала Ася. Но как богатый художник, у которого за душой бессчетно всего, не стала настаивать. А еще сказала. – Тогда «А на весу несла герань».

Маме опять не понравилось. Привередливая все-таки!

– Не люблю я эту герань, – поморщилась. – Она всегда пыльная и в горшках.

– Может, ее полили? – слегка обиделась Ася. Но тут же придумала по-другому и развеселилась. – «А на весу несла лохань, в которой пыльная герань». Ну? Дальше?

– Ничего, – засмеялась мама. И тут же опять придралась. Вечно она придирается! – Нет, рифму надо менять. Больно ее много!

Ася – наоборот – считала, что нисколько не много. Рифму как раз не надо менять. Она к ней привыкла!

Мама уперлась, что привычка – вредная вещь. Именно она и губит искусство. Надо ее в себе рушить. Крушить всеми силами. И опять искать новую рифму, вообще – новое.

Так, препираясь и споря, Ася с мамой, наконец, придумали «Абракадабру». Мама записала ее на машинке, чтобы прочитать папе. «Абракадабра» вышла такая:

Бежала трепетная лань,
А на весу держала длань –
В ней был зажат «пятак».
Она бежала на метро,
А за щекой несла ситро.
Все это было так.

Потом она пекла пирог,
И в каждом был бараний рог,
И созвала гостей!
Все гости кушали траву.
И вышивали по канву.
И все дарили ей!
Ах, эта лань была мила –
В венке из алых роз!
На чердаке она спала,
А муж ей был матрос.

Ася с мамой еще ужасно поспорили насчет «из алых роз».

– Из!алых! из!алых! Это какой-то ишачиный крик, – возмущалась мама. – Так в Бухаре ишаки под окном кричат.

– Не знаю никакой Бухары! – кричала Ася в ответ. – А ты чего предлагаешь? Из! синих! из!синих! Иссиних каких-то! Это осины так плачут, когда их ветер треплет.

Маме и возразить больше нечего. Действительно – «иссиних»...

– Может – просто «из красных»? – спросила робко мама.

– Чересчур ярко, – отрезала Ася.

И маме пришлось согласиться. Так и осталось, как Ася придумала: «В венке из алых роз». Нужно четко произносить, и никакого не будет ишачинового крика. Между прочим, последнюю строчку, самую абракадабростую, как даже мама признала, тоже Ася придумала. Ну, насчет матроса...

Только успели закончить, и папа пришел.

Прямо влетел в комнату:

– Ты маме мешаешь! Я же тебя просил!...

Но быстро понял, что тут никто никому не мешает. И замолчал.

Мама ему прочитала «Абракадабру».

Папе, конечно, понравилось. Но не очень, это было видно. Он такого уж восторга не выразил, как Асе хотелось. Не понимает стихов, что поделать! Нужно мириться с недостатками близких. Зато папе очень понравилось, что мама с Асей веселые. Румянец такой на щеках! А некоторые строчки, честно говоря, папу немножко ставят в тупик. Почему, например, «вышивали по канву?» Он не понял.

– А как, по-твоему, надо? – закричали хором Ася и мама.

– По-моему, «по канве», – сказал папа, смутившись. Ему так раньше казалось. Он, правда, не специалист!

– Но «по канву» же лучше! – закричали хором Ася и мама.

– Ну, если вы так считаете, – нерешительно согласился папа.

Это он только для вида с ними согласился. Раз они такие веселые! Все равно как-то чувствовалось, что ему было бы лучше, например: «Все гости кушали желе и вышивали по канве». Но тогда папа бы сказал, что тут неточная рифма. Ему нравятся рифмы классические или как там они называются, чтобы «люблю» – «сгублю».

Тут Ася с мамой папу никогда не поймут. У них разный взгляд на вещи. Они, например, как раз довольны.

– Не шедевр, кто спорит, – сказала мама, – но как упражнение для начинающих вполне годится. . .

– Потомки нас рассудят, – сказала Ася.

Это она где-то читала. Просто сострила! Но папа не улыбнулся. Ему почему-то кажется, что мама устала. А им с Асей лучше всего сейчас сходить в хозяйственный магазин. Дома мыла нет.

Будто нельзя один вечер прожить без мыла!

– С чего я устала? – удивилась мама. – Опять ничего не сделала.

Но папа уперся, что она устала. Именно потому, что она ничего не сделала. От этого сильнее всего устаешь.

Асе совсем не хотелось сейчас идти. Пока папа ходит, они с мамой, может, еще что-нибудь выдумают. Что он, один мыло не донесет?

– Нет, я хочу с тобой, – заупрямился папа.

– Вот хорошо, – мама вдруг вспомнила. – Будете в магазине, заодно купите Туське бриллиантовое кольцо. Не забудете?

– Не забудем, – мигом вскочила Ася.

А папа опять чего-то не понимает.

– Ты думаешь. . . – это маме. Еще сомневается!

– Естественно, – объяснила мама. Все надо сегодня ему объяснять! – Мы же толком ее не поздравили. Все-таки стала бабушкой.

И Ася с папой сразу отправились.

Фингала не взяли. Будет там гавкать у магазина, пока они

колье выбирают. Это дело нешуточное!

– А у нас денег хватит? – беспокоится Ася.

Папа толкам не помнит, сколько стоит бриллиантовое кольцо. Давно как-то не покупал. Но ему кажется, что на мыло семейное и на бриллиантовое кольцо у них должно хватить. У папы еще мелочь в кармане.

Сначала к Богдановым еще заглянуть...

Ася сколько раз уж сегодня бегала. Снова никого нет, звонили-звонили. Папа записку сунул в почтовый ящик. Непонятно, куда Богданов девался. Ася утром за ним зашла. Уже закрыто. Подергала дверь. Вроде кто-то внутри сопит. Нет, показалось. А в школе Богданова опять не было, Нина Максимовна волновалась.

– Увезла она его, что ли? – размышляет папа. – Вряд ли.

Если бы Богданова-мама вдруг Богданова увезла, он бы Асе давно сказал. Ася так и Нине Максимовне объяснила. Все равно Богданов придет и ей первой все расскажет...

В магазине папа ужасно долго выбирал мыло. Ася все кольца успела пересмотреть, цепочки всякие, блестящие ремешки и пряжки, разные брошки. А он все выбирает! Купил, наконец. И вдруг Асю ищет глазами, вроде – им уже пора уходить. Уже забыл!

– Папа, а кольцо для Марии-Антуанетты? – ужасным шепотом закричала Ася. Продавщица вздрогнула за прилавком и на нее посмотрела.

Тогда вспомнил. Вернулся.

– Да, нам еще, пожалуйста, бриллиантовое кольцо...

Молоденькая продавщица глядела на папу, как лягушка на Ивана-царевича.

– Бриллиантовое? – говорит. Будто она не слыхала! Папа же ясно сказал. – На девочку?

– Предположим, – папа спорить не стал. – Предположим – на девочку. Такое, знаете, небольшое бриллиантовое кольцо маленького размера. Поскромнее, если вам не трудно,

Молоденькая продавщица вдруг фыркнула. Закричала в глубь магазина:

– Нина Степановна, тут бриллиантовое кольцо спрашивают!

Сразу прибежала еще продавщица. Постарше. Очень серьезная.

– Это вы, гражданин, интересуетесь бриллиантовым кольцом?

Какая у них это, значит, редкость, чтоб интересовались! Ася даже расстроилась. Значит, эти кольца никто не берет. Поэтому их и в витрине нету, Ася искала. Конечно, кому в наше время нужны бриллиантовые кольца?!

– Я, – не отступил папа. – Да, интересуюсь.

– К сожалению, должна вас огорчить, – сказала продавщица постарше. – К великому моему сожалению, у нас в магазине в настоящий момент бриллиантовых колец нету...

– Неужели все вышли? – не поверил папа.

– Абсолютно все, – серьезно объяснила продавщица по-

старше.

А молоденькая фыркнула рядом:

– Эту девочку знаешь как зовут? Мария-Антуанетта!

Значит – их раскупили, это другое дело...

– Очень звучное имя, – похвалила продавщица постарше. – Я где-то его уже слышала.

– Наверное, в пятом классе? – предположил папа. – Но, может быть, в конце месяца? У нас, знаете, настоящая нужда в этом колье.

– Понимаю, – серьезно кивнула продавщица постарше. – Но боюсь обнадежить. Боюсь, что и в конце месяца не завезут. У нас, если по правде, последнее время перебои с бриллиантовыми колье...

И так сочувственно смотрит на Асю с папой.

– Значит, не повезло, – вздохнул папа. – Спасибо.

Взял Асю за руку и пошел с нею из магазина.

– Вы заглядывайте! – кричали сзади. – Или хоть телефон оставьте! Вдруг поступят?

Мы сразу позвоним!

Но папа так и не обернулся. Чего уж!

– Может, другое что-нибудь ей купить? – робко сказала Ася, чтобы папа так уж сильно не переживал.

– Разве его чем-нибудь заменишь? – грустно вздохнул папа.

И Ася только сейчас по-настоящему пожалела, что она так и не узнала, как выглядит это бриллиантовое колье, которое

ничто заменить не может...

На лестнице возле их квартиры, прямо на грязных ступеньках, сидел Богданов. Почему-то – с портфелем и в школьной форме.

Папа так и рванулся к нему:

– Куда ж ты пропал, Вадик, дружище?!

– Никуда я не пропадал, – хмуро сказал Богданов. – Я дома сидел. Всё слышал, как вы звонили.

– А чего ж не открыл? – засмеялся папа.

– Ключа не было, – объяснил Богданов. – Мама меня закрыла. Будешь сидеть, говорит, покуда не передумаешь...

– Передумал? – спросил папа с живым интересом.

– Не, – мотнул головой Богданов.

– Ты к нам? – сразу заторопился папа.

– К вам, – кивнул Богданов. – У вас буду ночевать, она знает.

– Чур, я на раскладушке! – закричала Ася.

Раскладушка – это было то ложе, за которое в доме всегда боролись.

– Чур, я на диване! – сразу крикнул Богданов.

Как всегда, он сразу уступил Асе. Но все-таки тоже крикнул, чтобы она не подумала, что он уступает.

А когда Ася с Богдановым угомонились наконец в своей комнате, папа тихонько открыл входную дверь, чтоб Фингал не особенно лаял, если кто зайдет. И сразу же зашла Богданова-мама.

Она, оказывается, стояла на лестнице.

– Помогите, что делать! – сказала Богданова-мама. Она даже похудела за эти дни. – Я с ним измучилась. Он теперь вообще учиться не хочет. «Если ты, – грозит, – меня из этой школы не забереешь, нарочно останусь на второй год». Конюхом решил быть!

– Любопытно... – задумчиво протянула мама.

– Что? – испугалась Богданова-мама.

– Любопытно, что наши городские дети, которые знают только запах выхлопных газов, все равно почему-то хотят стать обязательно конюхами, коровьими докторами, погонщиками верблюдов, сидеть с орангутангами на секвойях и изучать их язык. И мы, взрослые, этого боимся панически, хотя этого как раз никогда не будет. Есть тут, наверное, какой-то тайный и важный смысл...

Так мама длинно высказалась и посмотрела на папу, понимает ли он то смутное, что мама сама не понимает. Или хоть чувствует?

Папа сразу почувствовал:

– А ведь раньше мечтали идти в учителя, в доктора...

– В инженеры, – кивнула мама.

– Он мечтает в конюхи, – вздохнула Богданова-мама. – Я как раз боюсь, что это, наоборот, будет. Читать не любит. Ему нравится, как лошади пахнут. Не знаю, где он их нюхал.

– Ничего не будет, – печально сказала мама. Совсем не попад! – Кончит школу без троек, поступит в институт связи

и будет всю жизнь мотать телефонные провода на локоть...

Неизвестно, кого она даже имела в виду. Богданова? Асю?

– Почему – на локоть? – обиделась Богданова-мама. Но этот прогноз чем-то был ей приятен. – Хоть бы что-нибудь кончил! Я бы тогда была за него спокойна.

– И никогда мы не будем за них спокойны, – гнула мама свое.

– Лишь бы кончил, – вздохнула Богданова-мама. Они, вообще-то, говорили о разном, как часто – взрослые. Но делали вид даже перед собой, что говорят об одном и том же. – Дерганный стал! Войду в комнату, его так и дернет. Глаза разные, морда хитрая, уж не знаю, чего от него и ждать.

– Хорошего будем ждать, – сказал папа бодро.

– Нет, пускай он где хочет учится, – вздохнула Богданова-мама. – Хоть где! В спецшколу больше и не пойду, стыдно в глаза смотреть. Пускай кто хочет документы оттуда берет.

– Я завтра возьму, – предложил папа.

– Он же вам тут мешает...

– Ничуть! – закричали хором папа и мама. – Даже напротив! Аська все одна. А тут они вдвоем. Им веселее и нам легче.

– Неловко как-то... – сомневалась Богданова-мама.

Но ее все-таки уговорили. Богданова-мама выпила чаю и ушла ночевать к себе домой. А Богданов остался у Аси на диване. Тем более что он давно уже спал и ничего даже не слышал.

Фонарик под одеялом

Ася, Фингал и Богданов носятся где-то в кустах. Слышен снизу их визг. А папа стоит высоко, на ступеньках Инженерного замка.

Осень, трава уже жухнет. Даже кирпичный тон замка, который так нравится папе, сейчас уже будто вянет, теряя летнюю яркость. Тяжела и слоиста вода в речке Мойке, которая сливается тут с Фонтанкой. Горбатенькие мосты тоже вроде отяжелели и давят сейчас на воду. Тускло блестят стекла огромной светелки над Мухинским училищем, где папа никогда не учился. Но он бы хотел! В Летнем саду закрывают статуи, и скоро уже вместо них будут всю зиму торчать вдоль дорожек деревянные их футляры. Как будки.

Папе хочется рассказать кому-то, как кругом прекрасно. Эта низкая туча над замком. И грязные воробьи в мутных лужах, которые распушают крылья и закатывают глаза. Но некому рассказать.

Ася, Фингал и Богданов носятся вниз по дорожкам. За ними, задевая брюхом дорожку, летит длинная, как скамейка, такса. Летит могучий доberman Буля, супермен среди доbermanов. Катится круглая болонка, папа имя забыл. Пружинистыми прыжками несется овчар Буран, черный, как бурная ночь. И много еще – там, внизу, – катится, летит и несется, лает, рычит и взвизгивает.

Здесь, возле Инженерного замка, гуляют сейчас собачники, хоть иногда их штрафуют. Тут по закону собакам гулять нельзя. Но больше вообще негде, поэтому все равно приходится.

Низкая туча совсем осела. Из нее вдруг пролился на папу крупный рассеянный дождь. Капли падали так далеко друг от друга, что казалось – если встать боком, можно остаться сухим. Папа даже попробовал. Но ему узкости не хватило! Наверху вдруг что-то лопнуло, в туче, капли сразу слились, измельчали, и вокруг вдруг стала сплошная слоистая пелена.

Папа побежал по ступенькам вниз.

Дождь был еще по-летнему теплый. Звонко бился в зонты. У папы зонтика, разумеется, не было. Но кругом сразу раскрылись веселые, цветастые зонтики, которые на своих тонких ручках весело и бесстрашно тащили людей к остановкам, поближе к домам, где карниз, под деревья.

– Ася! Вадик! – кричал папа на бегу. – Спасайся!

Терпко запахла трава, растревоженная дождем. В траве катался мокрый Фингал, взрывая ее блаженным носом, задирая ноги и даже всхрапывая от избытка счастья.

Папа, Ася, Богданов, все вместе, влетели под дерево и ухватились, все сразу, за теплый шершавый ствол.

– Ух, – выдохнул папа. – Красотища!

Кругом ничего не было уже видно. Только дождь. И папа, наверное, не совсем выбрал подходящий момент, чтобы сказать:

– Чувствуете, в каком городе вы живете?

Ася, например, чувствовала, как у нее под курткой, прямо по животу, ползут холодные капли. И как волосы завиваются колечками на дожде, она прямо чувствовала.

А Богданов отжал мокрую шапку и ответил все-таки:

– В Ленинграде живем...

Папа, наверно, ждал каких-то других слов. Но ведь у него самого их тоже не было. Он просто ощущал где-то внутри какой-то холодящий восторг, когда видел вокруг себя этот город. И горделивую распирающую душу радость, что завтра снова увидит. И послезавтра. И всегда будет видеть. Вечно. Потому что это – его город.

Но таких слов, чтоб рассказать это Асе с Богдановым, папа тоже, увы, не знал...

Дождь обрушился вдруг живой стеной и сразу прекратился, как только летом бывает. Уже дождя нет! Солнце. Капли блестят на траве. Люди на автобусной остановке с веселым щелчком складывают, как парашюты, цветные зонтики. И стоят уже черными черточками.

Прибежал Фингал и стряхнул все с себя на папины брюки. Сразу стал сухой! Папа поглядел, какие теперь брюки, и решил:

– Нагулялись. Можно двигаться к дому.

Фингал культурно шел рядом без поводка. Встречные смотрели на него с уважением. Идти тут недалеко. Но, как мама любит говорить: «Район у нас прекрасный, у этого рай-

она только один недостаток – здесь наш папа вырос». Этот недостаток Асе с мамой давно известен, а Богданов, например, не знал.

– Обрати, Вадим, внимание на этот дом, – торжественно объявил папа.

Богданов обратил.

Дом серый, четырехэтажный, с большим балконом в центре. На балконе стоит девчонка с косичками, свесившись через перила, и корчит Богданову рожи.

– Я в этом доме родился, – гордо сообщил папа.

Удивительно, как он помнит. Ася совершенно не помнит, где она родилась. А мама всякий раз рассказывает по-другому. То Ася из гнезда вывалилась, как Борис Аркадьич Бельмондо. И они с папой в листьях ее нашли, Ася там пищала. То будто она сидела в кружевном одеяле на каком-то необитаемом острове, на теплых камнях, и махала им погремушкой, чтоб ее забрали. А мама с папой мимо на лодке плыли. Хорошо, заметили, как взблескивает погремушка! Или будто они получили новую квартиру, открыли своим ключом, вошли. Пусто. А посередине, на маминой пишущей машинке, сидит голая Аська и колотит голыми пятками прямо по клавишам. Одну букву – «Э» – она, кстати, тогда повредила. И эта буква у мамы до сих пор заедает, мама показывала...

Все, конечно, врет. Но это неважно. Ася давно поняла, что не столь уж важно, как человек родился, где, в каком доме. А важно, что этот человек – есть. Но папа никак не поймет.

– В этом самом доме, – умиляется папа. – На третьем этаже.

Ага, где девчонка как раз корчит рожи. Ася тоже ей скорчила.

– Давно? – спросил Богданов.

– Как тебе сказать? Довольно давно...

– Ничего, вы еще не очень старый, – утешил его Богданов.

Болтает, как обыватель! Папе тридцати семи лет еще нету. Что он, старый? Ему все на улице говорят: «Молодой человек!» И в магазине. А когда он в метро место старичку уступил, старичок вообще сказал: «Спасибо, юноша!» Может, у самого Богданова мама старая! Но Ася же ничего не говорит!

Ася втиснулась между своим папой и этим Богдановым.

Спихнула Богданова с тротуара, будто случайно, и пошла рядом с папой. Но папа опять ничего не понял.

– Ты зачем человека толкаешь? – говорит.

– А сюда ты ходил в детский сад, да? – сказала Ася, чтобы сделать своему папе приятное, пока бесчувственный Богданов бредет по мостовой и сопит.

– Запомнила? – умилился папа. – Именно в эти ворота мама меня водила. Шарфом закутает и ведет. А я все ревел. Не хотел ее отпускать на работу.

Фингал и то давно уж запомнил. Возле этих ворот всегда остановится и нюхает каменную тумбу. Особенно тщательно! У этих ворот дворник тогда сидел, папа рассказывал. Смотрел, кто идет во двор. Запирал на ночь свои ворота.

Нужно было звонить, как в квартиру, если поздно, например, вернулся. Этому дворнику делать, наверно, нечего было, раз он занимался такими пустяками. Ася не представляет, чтобы их дворничиха, которая всегда кричит на Фингала, зачем он шляется, запирала ворота на ночь. Она тогда бы никому не открыла. Чтобы не шлялись! Это счастье, что ворот давно нет. Ходишь в арку, когда захочешь, и никто не смотрит.

– А в эту булочную я бегал за хлебом, – сообщил папа радостно.

Вспомнил! Никакой давным-давно нету булочной. Асе иногда кажется, что и никогда не было. Один папа видит.

– Где? – не понял Богданов.

– Тут булочная была, – показал папа, – где «Химчистка».

Калачи такие еще пекли, теплые, с маком.

– Всегда «Химчистка» была, – хмуро сказал Богданов.

Ему, значит, тоже кажется.

– А на этом углу у меня два рубля отняли, – счастливо вспомнил папа. – Так жалко было, смех!

– Как – отняли? – удивился Богданов.

– Очень просто, – с удовольствием объяснил папа. – Бегу вечером в булочную, а они – вдруг из темной подворотни. Большие мальчишки! Самый верзила говорит: «Раскошеливайся!» И два рубля забрал. Как, думаю, домой возвращаться? Целых два рубля. По-теперешнему-то – двадцать копеек. Из дому хотел сбежать...

– Вас мама была? – заинтересовался Богданов.

Папа как-то быстро взглянул на него.

– Нет. А что?

– Ничего, – Богданов снова нахмурился. – Просто спросил. А вы с ними дрались?

– С кем? – папа уже забыл. Такой рассеянный, вроде мамы.

– Ну, с этими... которые отобрали...

– Не помню, – задумался папа. – Нет, вроде не дрался. Маленький еще был. Испугался.

– А я бы дрался, – твердо сказал Богданов.

Ася знала, что он говорит чистую правду, правду и ничего, кроме правды. Это она где-то читала. Когда Калюжный из третьего «Б» нарочно Асю толкнул в буфете и все деньги раскатились по полу, Богданов ему так дал! Калюжный потом на коленках ползал, пока все обратно собрал. До копейки! Теперь он Асю за километр обходит в коридоре, будет помнить.

– Знаешь, сейчас я бы тоже дрался, – вдруг додумался папа. Но сразу отвлекся, потому что они уже поравнялись с довольно-таки мрачным домом, похожим на корабль. Этот дом папа чтит особо. Сразу торжественно сообщил. – А вот в этом самом доме жила моя первая любовь!

Фингал круто свернул и ткнулся носом в подъезд. Но не смог открыть. Папа на него цыкнул. Это не Фингалова ума дело!

А Богданов предусмотрительно промолчал. Может, папа

его огорошил своей откровенностью? Богданов, наверное, не знал, как себя держать, когда зашел такой разговор. Удобно спрашивать или нет? Но скорее всего, он просто не верил папе – как с булочной.

Ася-то знала, что папа говорит чистую правду, ничего, кроме правды. Именно в этом подъезде, пятое окно с краю, она жила, папина первая любовь. Она была легкая, как одуванчик, и скакала через скакалку, не касаясь земли. Никогда, что ли, не касаясь? Папа не уточнял. Косы у нее были до пояса, даже ниже. Если ее вызывали к доске, она их накручивала на палец. Сразу две – на один палец? Такие громадные косы? Это какой же палец надо иметь? Папа не уточнял. Он даже взглянуть на нее боялся! Чтобы случайно не сдуть? Она же – легкая как одуванчик.

Это было в четвертом папином классе...

Довольно уже давно, но папа не может забыть. Разве первая любовь забывается? Если он хоть слово забудет, Ася с мамой сразу ему подсказут. Это же папина первая любовь! Тут каждое слово важно, чтоб все слова на месте. Он прошлый раз им не так рассказывал! Надо вот так!

Папа даже обижался.

А весной вышел с Фингалом пройтись и вдруг сразу вернулся. На всю квартиру кричит: «Таня! Ася! Смотрите, кого я привел!» Мама с Асей скорей прибежали. Их папа так и сияет. Держит за руку женщину. Незнакомую. Толстую. В резиновых сапожках. И с хозяйственной сумкой на молнии,

из которой торчит бледный зеленый лук и еще что-то. Женщина хочет отнять свою руку у папы. А папа не отдает! «Таня, Ася, знакомьтесь! Это Лиля! Я Лилю встретил! Она, оказывается, на Моховой живет!»

Так счастлив, что эта толстая женщина рядом живет, – просто странно.

Мама, конечно, улыбается, что она рада. Ася молчит, надулась. Вдруг папа заметил: «Ой, я же не объяснил. Это же Лилия, моя первая любовь!» Ася чуть не упала, честное слово. Такая толстая? С луком в хозяйственной сумке? У нее даже вырвалось, ненарочно, честное слово: «Легкая, как одуванчик!» Папа смутился. Мама дернула Асю за брюки. А женщина почему-то обрадовалась: «Он так говорил, да? Юрик, спасибо!» И сама схватила папу за руку.

«Говорил! Говорил!» – закричали хором Ася и мама. Такой гвалт поднялся. Дездемона свистит. Фингал скачет. Лариса висит на скатерти. Уж Константин сам вылез из раковины и даже не прячется. Любопытство победило в нем природную скромность. Прямо в ноги лезет! «Я мечтала с вами познакомиться», – кричит мама. «И косы до пояса, да?» – кричит Ася. «Ой, Юрик, – папина первая любовь тоже уже кричит, – ты помнишь? Спасибо!» – «Он все помнит», – кричат Ася с мамой. «Я уже давно не такая», – кричит папина первая любовь. Она вдруг помолодела у них на кухне. Уже нравится Асе. Веселая. Совсем Константина не боится. «Ты для меня навсегда такая!» – это папа кричит. «А больше – ни

для кого!» – ужасно расстраивается папина первая любовь. А сама все молодеет. «А для меня – навсегда», – клянется папа. «И для меня! И для меня!» – Ася вдруг слышит, что это она кричит. «Для нас, для всех», – подтверждает мама. «Спасибо!» – кричит папина первая любовь.

Едва они все успокоились. Это понятно. Как мама потом объясняла, не каждый день к человеку приходит в гости его первая любовь,

А когда она уходила, чуть не унесла Туську. Как-то не обратили внимания, что Марии-Антуанетты давно не видно. А она, пока все кричали, тихонько залезла в сумку под лук. И там затаилась. Папина первая любовь подняла свою сумку: «Какая тяжелая! Вроде – была легче». Папа сразу понял. «Лилечка, открой». Она смеется: «Что? У вас сумочки проверяют?» Папа сам открыл и выволок Марию-Антуанетту за шкурку. Туська ни за что бы не вылезла, обожает чужие вещи...

– Помнишь, как Мария-Антуанетта к ней в сумку залезла? – засмеялась Ася.

– А как же? Сразу почувствовала, что это моя первая любовь.

– Туся, что ли, тогда уже была? – удивился Богданов. Ася фыркнула.

– Туся? – не сразу сообразил папа. – Была, куда она делась. Это ж недавно было. Собственно, первая любовь была, конечно, давно. А это уже не та первая любовь...

Запутался. И Богданова запутал совсем. Бедный Богданов! Папа запутает хоть кого: где он, где его первая любовь, через какой проходной двор он бегал к своему лучшему другу и где их школа была.

Что поделаешь, папа в этом районе вырос! Еще Богданову повезло, что папа ему пока не рассказывал, почему так улицы называются, как назывались раньше, кто чего построил, с фамилиями, именами и отчеством, и что раньше в каждом подъезде было. Папа на историческом факультете два года учился, пока ушел. Вот тогда бы Богданов узнал!

Их дом, к примеру, сто восемьдесят семь лет на этом месте стоит. Интересно, Богданов знает?

– Сто восемьдесят четыре, – уточнил папа.

Вечно он уточняет!

– Капитальный ремонт уже был, – солидно вспомнил Богданов.

Папа сообразил вдруг, что ремонт был до их появления на свет, богдановского и Аси, значит, для них этот капитальный ремонт – тоже уже история. А что же тогда сто восемьдесят четыре года? Звенящая бездна! Куда он, папа, швыряет камушки...

– Тебе большие цифры что-нибудь говорят? – спросил Асю.

– Говорят, – сразу отозвалась. – Особенно – восемьдесят восемь!

– И что же? – спросил папа с надеждой, хотя насчет этой

цифры у него в памяти ничего вроде не всплывало.

– Кувырок через голову, – объяснила Ася.

И тут же хотела показать папе этот кувырок-восьмерку, которую она всегда видела. Но было слишком мокро на тротуаре после дождя. Скользко! Даже Фингал бы не кувыркнулся...

Тем более – папа не переспрашивал, значит, понял.

За каждой цифрой стояло для папы конкретное дело, событие, битва или пропорция, горе, радость. Все, что человечество накопило, он умел видеть в цифрах.

Но Асю он как раз не совсем чтобы понял. В ее кувырке была какая-то совсем другая конкретность, которой папа не чувствовал. И только зачем-то соображал сейчас для себя, что, к примеру, восемь тысяч восемьсот восемьдесят восемь – 8888 – это сколько же кувырков?...

– А мне цифра «пять» говорит, – пошутил Богданов. – У меня по физкультуре «пять». А больше ни по чему.

Была в его скромной шутке какая-то освежающая простота, дающая душе передых. Без кувырка через голову. Папа вдруг ощутил, что он устал мыслить образно. И гнаться все время за собственной дочерью. Лучше бы Аська была еще маленькая! Подхватить ее на руки,

подкинуть, чтоб взвизгнула и чтобы волосы встали на ней, как перья. Папе вдруг стало грустно, что дочь уже выросла...

Но он сразу же устыдился.

– До подъезда наперегонки! – бросил папа клич. Так, за-

пыхавшись и деля пальму первенства, они и влетели к себе в квартиру. Фингал первым влетел.

Мама поглядела на папины брюки, которые были до прогулки как новые, а теперь – сплошь в Фингаловых грязных лапах. Поглядела, как Фингал вольно скачет по чистому полу, оставляя повсюду мохнатые бездумные следы, и хватается Марию-Антуанетту прямо за голову веселой клыкастой пастью. Отметила вслух:

– Хорошо быть все-таки толстокожим...

– Почему? – забеспокоился папа.

Он как-то любит все принимать на свой счет. С этим папиным недостатком Асе с мамой надо все время мириться.

– Это я про Фингала, – объяснила мама. – Этот не пропадет! Нея снова звонила. Сенька так и не нашелся. Плакала в трубку.

– Я Веру предупредил, – сказал папа.

– Всех уж предупредили. А Сенатора нет.

Еще папа сказал, что надо читать объявления на заборах. Люди могут найти Сенатора и дать объявление. Ася всегда читает, если пишут разборчиво. «Помогите болонке Дине вернуться в родную семью! Она больна, ей нужна диета. Заплатим любую сумму!» Ася читала, например, такое объявление. Но нашлась ли Дина, она не знает, там телефон был оторван...

– На собачьем рынке надо бы подежурить, – еще сказал папа.

– Круглые сутки не будешь дежурить, – вздохнула мама. – Даша одна боится ехать, а Нелька работает в воскресенье, у нее запись.

Сели ужинать.

Вдруг папа взял книжку, облокотил ее на сахарницу и начал читать. Ася была уверена, что мама сейчас его остановит, скажет, что лучше бы он со всеми с ними поговорил, чем читать за едой, это вообще для глаз вредно и папа подает детям плохой пример. Она сама за столом не любит читать и папе всегда не дает.

А мама вдруг улыбнулась:

– Что – интересно читать за едой?

– Еще бы! – ответил папа с набитым ртом и громко перевернул страницу. – Будто сама не знаешь. Самое интересное, как известно, только за едой и прочтешь.

С таким увлечением вдруг читает! Будто раньше он никогда не читал. И, наконец, до этой книги дорвался.

– Знаю, – смеется мама. – Я сама люблю.

Тоже, значит, она полюбила? Ну Ася удивилась! Ей, например, запрещают. Иногда только Асе удается почитать за столом, если с ней утром никто не встал и она одна завтракает. Но тоже не очень-то считаешь! Зверье мешает. Пока смотришь в книжку, стащат что-нибудь со стола.

– Я тоже хочу, – сказала Ася.

– Давай, – вдруг разрешила мама. – Тебе что дать?

Еще сама и дает! Чудеса.

– «Пеппи», – сказала Ася. Тут выбрать некогда, пока дают. «Пеппи» можно хоть все время читать, никогда не надоест.

– А ты, Вадик, «Пеппи Длинный Чулок» читал? – между прочим спросила мама. Себе тоже взяла журнал. Тоже читает.

– «Пеппи»? – папа переспросил, не переставая читать. – Ааа, там лошадь смешная. Читал, как не читать.

Богданов дожевал бутерброд.

– Нет, – говорит. – Я с сыром еще возьму?

– Бери с чем хочешь, – сказала мама.

Снова читает. Страницы так и шелестят. Читальня какая-то, а не кухня.

– Я наелся, – сообщил Богданов.

– Что? – папа так своей книжкой увлекся, ничего не слышит. Поднял от книги глаза и на Богданова смотрит. – Да, Вадим, дружище! В нашем доме – только одно условие. Выполнять обещаешь?

– Ну? – неопределенно буркнул Богданов. – Какое еще условие?

– В туалете никогда не читать, – веско объяснил папа. – Сделал, что требуется, и сразу вышел. Понятно?

– Как это? – удивился Богданов.

– Очень просто, – объяснил папа. – Ни в туалете, ни в ванной у нас не читают.

– Я и не собираюсь, – сказал Богданов.

– Все вы так говорите! – засмеялся папа. – А потом книжки не успеваешь оттуда вытаскивать!

И мама тоже смеется, что не верит Богданову.

На Асю намекают, конечно. Но как-то весело, будто придумали между собой такую игру.

– Я нигде не читаю, – рассердился Богданов. – Я не люблю читать.

– Я вас знаю, – папа смеется и грозит Богданову пальцем. – Все вы так говорите. Чтобы усыпить нашу бдительность.

– Я правду говорю, – сердится Богданов.

– Он правду говорит, слышишь, Таня?! – хохочет папа. – Он читать не любит! Видала? Да такой человек еще не родился! За дурачка меня принимаешь, Вадим, дружище?

– Он всегда правду говорит, – заступилась Ася.

– Верим, верим, – кивает мама.

Но видно, что они и не думают верить. Какие все-таки!

– И еще забыл, – вдруг вспомнил папа. – Ночью под одеялом у нас тоже читать нельзя.

Богданов совсем ничего не понимает. Сопит. Асе тоже уже интересно. Что папа еще придумает?

– Под одеялом темно, – напомнила она папе.

– А если с фонариком? – придумал папа.

– Настольную лампу проще зажечь, – предложила мама.

Папа удивился ее наивности. От лампы будет под дверью полоска света! Сразу застукают! Нет, он всегда с фонариком читал. Дело верное! Одеяло со всех сторон подоткнешь ак-

куратно, фонарик пристроишь и залезешь с книжечкой. Красота!

– Можно лампу прикрыть, – мама настаивает. – Халатом.

Папе слушать смешно. Халатом! Хоть чем! Все равно увидят.

– Не увидят!

– Увидят!

– Застукают!

– Не застукают!

Так заспорили. Прямо ссорятся! Кто как в детстве из них читал. Что они читали. Ася некоторое не знает, надо бы спросить. Даже слова не вставишь! Как они читали. Как читать интереснее. Тайком – безусловно интереснее. Почему взрослым уже скучнее читать? Потому что не запрещает никто! Хоть ночь напролет читай. Хоть какую книжку...

Ася с Богдановым уже улеглись, а они все ссорятся. Смеются. Гремят тарелками в раковине. Или Мария-Антуанетта гремит? Нет, еще они. Все копаются. Никак не уйдут с кухни.

Богданов, наверно, уже заснул. Его и не слышно. А Фингала еще как слышно. Он беззвучно спать не умеет. Ворочается. Вздыхает. Иногда храпит. Ася тогда тапком в него швыряет, чтоб перестал. Лариса в ногах у Аси свернулась. Тоже спит. Маленькая, а от нее тепло. Мадам с Паскалем давно уснули. Рано ложатся! Ася клетку пледом закроет, и они, даже глупый Паскаль, сразу знают, что пора спать...

Одна Ася не спит...

Наконец мама с папой ушли к себе. Свет погас на кухне. И тихо. Интересно, где папин фонарик? Вроде, Ася его заметила на буфете.

Тихонько села на раскладушке, даже не скрипнула.

– Ты чего? – вдруг спросил Богданов.

Разве он не заснул? И не думал даже.

– Где фонарь? – говорит Богданов деловым тоном.

Уже поднялся. Он, оказывается, даже не раздевался. Прямо в тренировочном костюме под одеяло залез...

– Тоже будешь читать? – удивилась Ася.

Ничего он не будет. Еще не хватало – читать. Богданов просто хочет попробовать, как папин фонарик горит под его одеялом. Ярко или как?

– Сейчас принесу, – сказала Ася.

– Скорей, – торопит Богданов. – Пока не застучали.

Повезло, между прочим. И мамин фонарик, который вечно и днем-то найти не могут, тоже в кухне валяется. На окне. Ася сразу нашла.

– На! – отдала Богданову папин.

Он все же гость. Гостю надо лучшее отдавать, а у папы фонарик сильнее.

Богданов схватил и нырнул обратно под одеяло. Сопит оттуда, одеяло под себя подтыкает. Так долго возится!

– Ну, горит? – торопит Ася.

Ничего не горит. Он еще и не зажигал,

Темно. Даже страшно почему-то. Вдруг Ася видит – оде-

яло, под которым Богданов, вдруг изнутри засветилось каким-то таинственным светом и вокруг от него таинственное мерцание. И этот таинственный свет со своим мерцанием еще сам собою шевелится вместе с одеялом.

Фингал вскочил и насторожился.

– Привидение! – шепотом закричала Ася.

Все-таки она, значит, помнила, что надо шепотом. А то сразу застукают.

Богданов вынырнул из-под одеяла:

– Где привидение? Где?

– Вон! – Ася тычет. – Под одеялом! Светится!

– Я фонарь зажег, – смеется Богданов.

Ася совсем забыла. А ну еще! У нее же тоже фонарик. Она сама тоже сейчас попробует. Пусть Богданов смотрит.

– Ну?! – шепотом кричит Ася.

– Здоровски! – смеется Богданов. – Привидение!

– Теперь – с книжкой! – придумала Ася.

Со стола схватила, первую, что в руки попала. И скорее на раскладушку. Одеяло со всех сторон подоткнула, чтоб ни единой дырочки. Фонариком щелк!...

Вдруг такой свет. Ослепительный. Ася зажмурилась.

Люстра горит всюду. Папа, в халате, стоит около выключателя. Как он подкрался? Даже Фингал не слышал. Застукал все-таки!

– Так... – наклонился над Асей и шарит под одеялом. – Значит, почитываем? Я вас предупреждал. И чего мы почи-

тываем? Так. Учебник! Русский язык! Полное безобразие – учебник с фонариком среди ночи читать. Дня тебе не хватает! Страсть к образованию ее, видите ли, охватила!...

Ругается, а глаза смеются.

– Охватила! – хохочет Ася. – А если она меня вдруг охватила?!

– Еще и хохочет, – возмущается папа. Глаза все равно смеются. Что, Ася своего папу, что ли, не знает? – Я добром вас предупреждал. Теперь берегитесь. А у тебя, интересно, что?

...

– Ничего у меня, – объяснил Богданов.

– Так. Ну, фонарик, это во-первых. Подлежит конфискации, – папа и у Богданова фонарь отобрал. – А во-вторых...

Пошарил у Богданова под подушкой и вдруг вытащил книжку,

– А во-вторых, пожалуйста, – «Все о лошади»! Это как прикажете понимать? Я ведь тебя персонально предупреждал, Вадим, дружище?!

Богданов до того удивился, что сперва вообще онемел.

– Я эту книжку не брал, – потом говорит.

– Ясное дело, не брал, – кивает папа. – А как она к тебе под подушку попала? Или это Аськины штучки?

– Нет, – отказалась Ася. Она сама ничего не понимает.

– Не знаю, как она попала, – рассердился Богданов.

Он никогда ничего не читает. Разве Богданова-мама не говорила? Он читать не любит.

– Ясное дело, – кивает папа. – Эта книжка сама тебе запрыгнула под подушку. Бывает...

Так и не поверил Богданову.

Еще папа сказал, что это Исключительная! Потрясающая! Обалденная! книжка про лошадей. Там про лошадь – вся правда. Он за этой книжкой охотился. Специально! Сам будет сейчас читать. Он большой, ему можно.

Забрал. Погасил свет. И ушел.

Богданов ворочается в темноте на диване.

– Ты мне веришь? – вдруг говорит.

– Верю – сразу ответила Ася.

Все равно ворочается.

– А ты читала? – вдруг еще спрашивает.

– Что? – Ася не поняла. Совсем уж запуталась!

– Ну... эту книжку...

– Нет, – созналась Ася.

Она только картинки смотрела. Папа недавно принес. Ася не думала, что эта такая Исключительная! Потрясающая! и Обалденная! книжка. Откуда же она знала? Ася больше любит читать про собак. И еще сказки...

– Не отдаст теперь? – даже привстал Богданов.

Ася не знает. Можно, конечно, попросить,

– Попросишь?...

Богданов встретил лошадь на днях. Она за цирком одна стояла. В темноте. Со своей телегой. Никто к этой лошади не подходил.

Ася представила. Вечер. Цирк так и сверкает. Огни. Афиши. Музыка гремит изнутри. Со всех сторон через площадь бегут нарядные люди с билетами. Машут своими билетами, будто это флажки. А за цирком, где темно и служебный вход, стоит одинокая лошадь с печальной мордой. И так одиноко жует своими печальными губами.

Никому до нее дела нет! А она, может, привезла выступать дрессированных собачек. Собачки – в бантах – бегут по сверкающей арене на тонких ножках. Весь цирк им хлопает. А лошадь все стоит одна в темноте...

Это счастье, что Богданов к ней подошел. Лошадь вздохнула прямо ему в лицо. С таким облегчением!

– Я тоже бы подошла, – сказала Ася.

Богданов знает. Он потому и рассказывает. Обидно, что нечего было этой лошади дать. У Богданова сахар в кармане был. Но потерялся, там дырка. Лошадь сахарные крошки у него с ладони слизала.

– Надо ей завтра снести, – сразу решила Ася.

Если она только завтра будет. Богданов не знает, как эта лошадь работает. По каким дням? Когда у нее выходной?

Ася хотела сказать, что можно каждый вечер к цирку ходить. Это близко. Дома даже не хватятся. Но не успела уже сказать. Вдруг сразу заснула. И Богданов все равно не услышал бы. Он уже спал.

А как эта книга – «Все о лошади» – попала Богданову под подушку, до сих пор неясно. Это просто какая-то тайна.

Ласковый друг для души

Фингал, Богданов и Ася перебежали через дорогу и оказались в сквере. Ася взяла Фингала на поводок, мало ли что. И правильно сделала, потому что сразу им навстречу шагнул мужчина. У него были руки в карманах и большой подбородок.

– Твоя овчарка? – спросил мужчина.

– Моя, – подтвердила Ася.

– С родословной?

Ася и это подтвердила.

– А родители где же? – спросил мужчина. Его большой подбородок, на который Ася невольно почему-то все время смотрела, тяжело шевельнулся в шарфе.

– Дома, – сказала Ася.

По крайней мере, когда Фингал, Богданов и Ася уходили, они были дома. Они еще спали. Ася надеялась, что и сейчас еще спят.

– Интересно, – засмеялся мужчина с подбородком. – Тебя послали?

Ася ничего не ответила. Никто, конечно, не посылал. Фингал, Богданов и Ася сами ушли, пока они спят.

– И сколько за него хочешь? – спросил мужчина.

Ася даже не сообразила, о чем он.

– Она ничего не хочет, – хмуро сказал Богданов.

– А ты кто такой? – удивился мужчина, будто только сейчас заметил Богданова. – Это же не твоя овчарка.

– Я Фингала не продаю, – обиделась Ася.

А Фингал зарычал сквозь намордник. Он, конечно, даже представить себе не мог, что можно его продать. Что кто-то даже может такое подумать! И, наверное, решил, что этот мужчина с подбородком прицеляется к его Асе. И ужасно оскорбился за Асю.

Так и рванулся к мужчине. Хорошо, что Фингал был на поводке!

– О, злющий... – почему-то обрадовался мужчина.

Если бы. Ася Фингала сейчас спустила, он бы не радовался.

Но вообще-то напрасно Фингал так уж не мог представить, что кто-то кого-то вдруг может продать. Не Фингала, конечно! Но вообще. В этом сквере, под березами, мирно шелестящими остатками своих листьев, все как раз продавали кого-то...

Грустное, если подумать, место.

Сидит, например, сенбернар. Нервничает! Еще вчера хозяйка так его обнимала. А сегодня даже не смотрит в глаза. Рядом стоит, как чужая. И почему-то, вдруг чувствует сенбернар, – даже хочется на нее рыкнуть. На хозяйку-то?! Он прямо сходит с ума, – чувствует сенбернар. Или щенята играют в песке. Возятся. Хватают друг друга за лапы. Их рыжая мама, похожая на лисицу, лежит тут же и радуется, какие у

нее дети. Вдруг кто-то начинает щенят хватать, щупать, заглядывать в рот, есть ли зубы. А хозяин помогает заглядывать, кричит на рыжую маму, чтоб не мешала, толкает ее ногой, уговаривает кого-то. Щенята испугались, визжат...

Одна женщина – худенькая, в красном берете – даже продает своего ребенка. Около нее коляска стоит. Женщина наклоняется к ней и другой женщине что-то говорит. Наверное, сколько она хочет за своего ребенка. Ужас какой!

Ася заглянула в коляску.

Ой, там котята! Пищат. Она их в коляске привезла. Чтобы котяткам удобно. Не будет же эта женщина продавать своего ребенка! Он дома, с бабушкой. Что за чепуху эта девочка болтает? Где, кстати, ее родители? Куда они смотрят? Она продает котят. Пушистых. Сибирских. Почти что даром. А эта девочка ей мешает! С овчаркой! Или ей нужен котенок? С кем она пришла?

– Со мной, – объяснил Богданов.

Ася поскорей отошла. И Богданова увела.

А мужчина с большим подбородком все ходит за ними. Ему Фингал очень нравится. Он им любит.

– Мне такой нужен, – говорит. – Сторожить дачу. К такому никто не сунется. Может, все-таки продашь?

Фингал рычит сквозь намордник. Этот мужчина ему уже противен. Чего он к Асе пристал?

– Ничего она не продаст, – сердится Богданов;

– А ты кто такой? – удивляется мужчина, будто он Богда-

нова только сейчас заметил. Так Фингалом любит, никого не видит.

Крыса Нюра, которая сидела у Аси под курткой, влезла ей на плечо и теперь осматривается. Такая официальная обстановка кругом! В такой официальной обстановке ее уже «Ларисой» не назовешь, тут надо только по паспорту.

– Нюра, хочешь гулять?

Ася пустила ее на дорожку. И пошла с Фингалом вперед, не оглядываясь. Нюра сразу побежала за Асей, след в след. Догнала и у Аси на джинсах повисла. Уже лезет вверх по штанине. И опять вскарабкалась на плечо. Тут ее любимое место! Нюра-то никогда не потеряется.

– Прямо как собака, – смеется мужчина с подбородком.

– Мамочка, давай возьмем эту крыску, – просит какой-то мальчик у своей мамы.

В школу, наверное, еще не ходит. Ишь, какой приткий – возьмем!

– Она же страшная, – ужасается его мама.

– Нет возьмем, – просит мальчик. – Нет, красивая!

– Ну, хоть крысу продай, – все пристаёт мужчина с подбородком.

Сам Фингала хочет погладить. Фингал рычит и ставит шерсть дыбом. Ася, честное слово, его бы сейчас спустила.

– Никого она не продаст, – сердится Богданов.

– А зачем вы тогда пришли? – удивился мужчина.

– Мы Сенатора ищем, – говорит Богданов.

– Какого еще сенатора? Может – сразу президента?

Все ему объясни. У тети Нели пропал ее пес, Сенатор. Он обиделся! У него чувство собственного достоинства исключительно развито. А тетя Неля ему сказала: «Чтоб глаза мои на тебя не смотрели!» И Сеня сразу ушел. Из дому. Теперь они его ищут.

– Ой, не могу, – смеется мужчина. – Чувство собственного достоинства! И сам из дому ушел? Не могу!

Чего не может? Странный какой.

Может, Сенатора кто-нибудь поймал? И сейчас продает насильно на этом рынке? Ведь сегодня же воскресенье. Нужно тут дежурить! А у тети Нели запись на радио, она сегодня не может.

– И чего вы сделаете, если его продают?

– Отнимем, – сказал Богданов.

– Ой, не могу, – смеется мужчина. – Силой?

– Силой, – сказал Богданов.

Мужчина вдруг перестал смеяться и говорит:

– А какой он породы? Этот, ваш...

– У него мама эрдель, – объяснила Ася.

– Эрдель? – мужчина задумался. – А ну, пошли за мной!

И в сторону куда-то пошел, в кусты. Фингал, Богданов и Ася едва за ним поспевают.

В самом дальнем углу, у забора, тоже люди стоят. Таки-ми кучками. Вокруг женщины, которая держит щенка на руках. Щенок зевает. Уши ему падают на глаза. Хорошенький!

Женщина качает щенка на руках, как ребенка, и уговаривает кого-то: «Берите ласкового друга для души!» А тот еще сомневается...

Еще парень у самого забора стоит. Небрежно, будто он сюда без дела зашел, просто так. Около него тоже толпятся.

Мужчина раздвинул людей и обернулся к Асе:

– Гляди! Не ваш?

А около парня сидит эрдель. Ну вылитый Сенька! Коричневый, с сединой. Жесткая шерсть курчавится возле носа. Как курчавая щетка. В глазах такое достоинство! Грудь широкая и ноги прямые, мохнатые.

Богданов, который Сенатора один раз, может, только видел, не знает, что делать. Смотрит во все глаза: то на Асю, то на эрделя.

Фингал рычит и рвется сквозь намордник.

– Сеня! – крикнула Ася. – Сеня!

Эрдель вскочил и попятился. Парень едва его удержал.

Все обернулись к Асе. Мужчина с большим подбородком тоже уже кричит. Он на этого парня кричит:

– Где собаку взял? Отвечай!

– А вам какое дело? – огрызается парень. – С чего это я должен вам отвечать? Вы откуда свалились?

Схватил за ошейник эрделя и хочет с ним идти.

– Ответишь, – обещает мужчина с подбородком. – Не нам, так в милиции.

Парня с эрделем зажали со всех сторон. Он уже испугался.

– Да чего вы ко мне пристали? – говорит. – Чего я сделал?

– Чужой собакой торгуешь, вот чего!

– Моя собака! Хочу – и торгую.

– Там разберутся, какая она твоя, – кричат со всех сторон. – Если твоя – почему за кустиками? В сторонке?

– Где хочу, там и стою, – отбивается парень.

– Это не Сеня... – сказала наконец Ася.

Она все время хотела сказать. Так мечтала, чтоб это был Сенатор, сперва даже поверила. Крикнула! Но сразу поняла, что ошиблась. Этот эрдель чужой! Ася сразу хотела объяснить, но у нее голос вдруг пропал.

А сейчас – сказала. Кругом кричат, никто не услышал.

Вдруг Богданов как крикнет:

– Это не он!

Сразу все замолчали.

– Не он? – удивился мужчина с подбородком. И обернулся к Асе. – Не твой? А чего же молчишь?

Ася не знает, как объяснить.

Парень с эрделем сразу обиделся:

– Налетели! Орут! Еще сами за это ответите!...

– Поговори мне, – сказал мужчина. Но уже спокойно. И эрделя погладил. Эрдель понюхал его и вильнул хвостом.

– Я документы могу показать, что моя собака, – никак не успокоится парень. – Я ее сам купил.

Бумаги какие-то вынул. Перед мужчиной трясет.

А тот все эрделя гладит. Эрдель к нему уже жметяся.

– Эмма, чужой! – обозлился парень.

Но эрдель будто не слышит, все равно жметя.

– Не больно-то тебя твоя Эмма любит, – усмехнулся мужчина.

– Это не ваше дело, – сердится парень.

– А чего же ты ее продаешь?

– Деньги нужны, вот и продаю, – сердито объяснил парень. – Моя собака. Что хочу, то и делаю.

– Понятно, – задумчиво протянул мужчина. – Причина простая. А деньги тебе зачем?

Все эту Эмму гладит. А парень ее оттаскивает за поводок.

– Что, дать хотите? – съязвил. – Ну, джинсы куплю. Вам-то что за дело? Привязался!

– А джинсы из моды выйдут, их тоже продашь?

– Надо будет – продам, – грубо отрезал парень.

Ему этот мужчина вот так уже надоел! Сначала набросился ни за что. Теперь прицепился, с вопросами своими дурацкими. Еще ему объясняй! Покупателей только отпугивает от собаки. До вечера так проторчишь и простого дела не сделаешь.

– Нет, ты этой собаки определенно не стоишь... – занудно тянет мужчина. Вдруг на парня прищурился. – Сколько?

Ася даже вздрогнула.

Парень сказал.

Мужчина вынул бумажник, отсчитал деньги и небрежно швырнул их парню. И вырвал у него из рук поводок:

– Эмма, идем!

Парень растерялся. Думал, наверно, что его эрдель от него не уйдет. Выть будет. Рваться обратно. Рыдать. А Эмма внимательно на мужчину взглянула. Длинным таким взглядом. Будто она проверяла для себя, что он за человек. Который ее зовет. И вдруг поняла своим сердцем, что это надежный человек. Крепкий. Добрый. С добрым большим подбородком и внимательными глазами...

И сразу за мужчиной пошла.

Даже не оглянулась на парня!

– Документы возьмите, – растерянно крикнул парень.

– Оставь себе на память, – сказал мужчина, не обернувшись. – Нам бумажки не требуются. Верно, Эмма? Мы ласкового друга берем для души. Так или не так?

Это он уже Асе с Богдановым сказал, потому что они, конечно, бежали рядом с ним. И Ася с Богдановым. сразу кивнули, что так. А Фингал уже подружился с Эммой, и теперь они толкали друг друга носами. Скакали по кустам без намордников. Без поводков. Рыли лапами землю. Гонялись друг за другом. И им было весело.

Ася, Богданов и Николай Митрофанович – так его, оказывается, зовут – отдыхали пока на пеньках.

– Вот мои удивятся! – вздохнул Николай Митрофанович.

Он имел в виду – дома, его семья. Поехал за злой овчаркой, а привезет добрейшей души эрделя. Он, правда, злую хотел. Овчарку. У него овчарка недавно погибла. На Фингала

была похожа! Он не будет сейчас рассказывать, как она погибла. Это слишком трагично. И слишком еще свежо в памяти, чтобы рассказывать. Одно Николай Митрофанович может сказать. Его овчарка погибла по собственной доброте. Она не знала, что бывают плохие люди. Он ее этому не научил, сам виноват. Поэтому он и решил купить злого пса. Чтоб плохие люди его боялись. Но, видно, Николаю Митрофановичу не судьба иметь злую собаку. В добром доме, он просто уверен, злых собак не бывает.

– Фингал у нас не злой, – к месту вставила Ася.

– Я сразу понял, – засмеялся Николай Митрофанович. – Он не злой. Он просто – ответственный.

– Как это? – спросил дотошный Богданов.

– Ну, он чувствует свою ответственность за вас с Асей.

Правильно я угадал?

И Ася с Богдановым кивнули, что правильно.

– А вы рядом где-то живете? – спросил Николай Митрофанович.

Богданов только открыл рот, чтобы ответить. Но тут Ася вспомнила, что она отпустила гулять Ларису и теперь Ларису не видно. Ася ее выпустила на скамейку, а теперь скамейка пустая.

Все-таки Ася помнила, что они с Богдановым ушли из дому без спросу, пока папа и мама спали. И говорить об этом ей не хотелось.

Стали искать Ларису.

Ася, вообще-то, сначала не очень искала. Куда она денется? Так, пошла пройтись. Сколько раз тетя Неля, которая Ларису до сих пор боится, мечтала на даче, чтоб Лариса пропала. Все надеялась каждый день! Что Лариса без клетки, а вокруг столько кошек. Что Ася взяла Ларису в лес за малиной и где-то там, в малиннике, они с Ларисой потеряли друг друга. Вряд ли она дорогу найдет! Или Ася забыла Ларису на пляже, а до пляжа полтора километра. Крыса ведь не ищейка! Папа только посмеивался, слушая тетю Нелю. «Давай, надейся!» – посмеивался. И точно. Каждый вечер тетю Нелю, как она говорила, ждало на крыльце жестокое разочарование. На крыльце каждый вечер сидела довольная, сытая, нагулявшаяся Лариса и глядела на тетю Нелю со скрытой иронией. Это Лариска умеет.

Сперва искали поблизости, в траве и в кустах.

Потом стали беспорядочно бегать по всему скверу. Звать: «Лариса!», «Нюра!» Неизвестно, на что она захочет откликнуться. Фингал тоже искал. Ася ему приказала. Она уже волновалась. Эрдель Эмма, хоть она Ларису видела только мельком, тоже искала. Но поскольку она толком не поняла, что ищут, то принесла Николаю Митрофановичу чью-то синюю варенку. И он похвалил свою Эмму.

А Ларисы все не было.

Уже многие в сквере знали, что у Аси пропала ручная крыса. И тоже шарили глазами вокруг. А женщина, которая принесла продавать собственных белых крысят, даже вы-

тряхнула свою корзинку, чтоб все видели, что Ларисы там нет. Только маленькие крысята. И белая крыса, их родная мать. У этой матери было узкое худое лицо. И глаза какие-то сумрачные. Так что это была, во всяком случае, не Лариса, нечего и корзинку вытряхивать! Еще одна старушка продавала беленьких хомяков. Но среди этих хомяков, хоть они издали и похожи, никак не могло быть Ларисы. Если бы она туда влезла, хомяки бы подняли такой крик, что с другого конца сквера услышишь. Избави Боже даже подумать о Ларисе дурное, особенно – сейчас, когда она вдруг пропала, но этими хомячками она бы полакомилась. Это уж точно!

А Ларисы все не было.

Продавали двух белых болонок. И белую ангорскую кошку с голубыми глазами. Но при чем тут болонки и кошка?

Николай Митрофанович, который очень переживал, вдруг предложил Асе купить крысенка. Там, в корзинке, один такой симпатяга!

– Зачем? – Ася так на него взглянула. Сухими глазами.

Николай Митрофанович и сам смутился.

– Ну, просто. Понравился мне.

Ася даже ничего не ответила на это бестактное предложение, хоть и сделанное, безусловно, по доброте души. А Богданов серьезно объяснил:

– Разве крысенок заменит Лариску?

Николай Митрофанович поспешно сказал, что он и думать такое не мог подумать.

А Ларисы все не было.

Ася шла напролом сквозь колючий кустарник и глотала сухие слезы. Неизвестно, что это такое, но такое бывает.

– Аська! Ну, наконец-то! – вдруг крикнул кто-то.

И выхватил ее из кустарника. И поднял высоко. И прижал к себе. Ася близко увидела папины глаза и как у него дрожат губы. Но тут же он поставил ее обратно на землю и сказал:

– Никогда тебе не прощу!

Он давно уже по этому скверу бегает. Знает, что они с Богдановым здесь. Фингала уже нашел, он в такси. А их с Богдановым никак не может поймать.

Он только не понимает, как можно уйти из дому без спросу, уехать на другой конец города и даже не оставить записки. Это у папы не укладывается в голове!

– Мы же Сеню искать...

Хорошо, что папа сообразил.

Вспомнил, как Ася к нему вчера подговаривалась, что он утром делает, нет ли у него в воскресенье съемки. А то бы они поехали, например, на собачий рынок и вдруг бы нашли Сенатора. Но папа сказал, что ночью долго будет печатать и должен завтра выспаться. Когда выспится, тогда поглядим. А маме пусть Ася даже не заикается, чтобы маме куда-то ехать. Нечего маму дергать! Поэтому Ася и записку не написала, чтоб никого не дергать и они спокойно бы выспались.

– Ну, спасибо за такую заботу! – закричал гневно папа.

Пока сообразили, куда они с Богдановым делись, папа с

мамой все улицы в округе обегали. Все дворы! Все квартиры поставили на ноги! Богданова-мама все глаза себе выплакала! Ей же поневоле пришлось сказать. Вдруг они у Богдановых? Папа прежде всего туда побежал. Их нет. И никто не видел. Вдруг Фингал попал под машину? Или бы Ася сломала ногу? Или Богданов бы неудачно упал с дерева? Папа видел, как они лазают. Лазайте на здоровье! Но чтобы вот так без спросу уехать...

Папа все говорил, но Ася уже не слышала.

Она вдруг обомлела. Из-за отворота папиной куртки вдруг показался нос. Потом показались усы. И вдруг вылезла вся голова.

– Лара! – крикнула Ася как ненормальная. – Нюрочка!

– А-а-а, – папа небрежно затолкал ее обратно под куртку. И даже по носу шелкнул, чтоб сидела и не высовывалась. – Спасибо, Ларису тут встретил. Трусит по дорожке. Ну, значит – вы здесь.

– Дай мне, – попросила Ася. – Мы же ее потеряли. Я уж думала, никогда ее не увижу. Дай мне Ларочку...

– Потом, – отмахнулся папа. – В такси. Не так-то просто ее потерять, никому еще не удавалось. Где, кстати, Вадим? Ехать надо! Там мамы с ума уже сходят. Каждого поодиночке еще лови!

Но Богданов и Николай Митрофанович сами уже подходили.

– Лариса нашлась! – закричала им Ася.

Они сразу подбежали.

Потом папа долго благодарил Николая Митрофановича. А Николай Митрофанович зачем-то долго благодарил папу. И еще они долго трясли друг другу руки. И записывали телефоны каким-то огрызком.

И хотя уже попрощались, Николай Митрофанович со своей Эммой проводил их до такси. И махал рукой, когда они поехали. Ася с Богдановым тоже махали. А Фингал тыкался носом в стекло и все норовил облизать Ларису. Тоже был рад, что она нашлась.

Папа дорогой весело говорил с шофером. А Асе с Богдановым, когда они спрашивали, отвечал очень кратко и даже сухо. Хотя Ася, например, спрашивала, как эта улица, по которой они сейчас едут, называлась раньше. И кому этот памятник, что сейчас мелькнул? Но даже такие вопросы его не смягчили.

Ася своего папу знает. Обиделся. Будет теперь молчать. Очень долго отходит! С этим. его недостатком – тут Ася вздохнула – приходится им с мамой все время мириться.

Наконец доехали.

Будто они ужасно долго не были дома. Богданова-мама так и кинулась навстречу Богданову, словно он возвратился откуда-нибудь из джунглей и привез ей в подарок бриллиантовое кольцо:

– Сынок! Сынок!

Почему-то сегодня она называла его «сынок», а не «ирод».

И сразу Богданова увела домой.

Мама сначала очень сердилась. Но она отходчивая. Быстро отошла и сказала, что благородные порывы многое искупают, хоть Ася с Богдановым Сенатора все равно не нашли, а всем вокруг основательно потрепали нервы.

А папа с Асей так до вечера и не разговаривал. Целое воскресенье. Даже не поцеловал потом на ночь.

Творческий кризис

Мама придумала что-то новое:

– Решено – я в школу пойду!

– Кому ты там нужна? – доброжелательно интересуется

Валентина Васильевна.

Маленькая, она утонула в кресле. Асе сбоку видно только блестящий глаз, тонкий нос, сигарету и круглые кольца дыма, которые плывут вверх. У Валентины Васильевны был знакомый жонглер. Он собирал эти кольца и жонглировал ими в цирке. Бросал, как обручи, вверх и потом ловил. Однажды жонглер промахнулся – одно кольцо упало прямо на арену и разорвалось с таким треском, что во всем цирке полопались лампочки. Воздушным гимнастам, которые выступали после этого жонглера, пришлось работать под куполом в абсолютной темноте.

Больше ни у кого Ася таких красивых колец не видела.

– Как это «кому нужна»? – удивляется мама. – Детей буду учить. Единственное благородное дело, остальное – фуфло.

Ася представила.

Мама стоит у доски, как Нина Максимовна. «Контрольный диктант», – объявила мама. Класс схватил ручки, ждет. «Щенок был изящен и кривоног, – мама уже диктует. Асе позавчера диктовала, Ася помнит. – На брюхе его хозяина торчала во всклокоченной шерсти улыбающаяся блоха. Но

блоха ли это была? Ха-ха! Собралось громоздкое жюри. Все сели на бюро коленками назад, открыли парашюты и стали читать брошюры. А над душистой крапивницей висел оранжевый балдахин из яичницы». Таких слов в классе, конечно, не проходили. Все хохочут, бросили ручки. Богданов вообще на парте лежит.

Вдруг вошла завуч. «Что тут происходит?» – «Диктант, что же еще? – удивилась мама. – На трубе сидит комарик, ковыряет ножкой в ухе, прокликает земной шарик, потому что пусто в брюхе». – «Значит, пора обедать», – догадалась завуч. И сразу объявила большую перемену. У нее на шее, оказывается, колокольчик. Так звенит! Мама несется по коридору в буфет на своей пишущей машинке. Занимать очередь! Все цепляются за эту машинку, чтобы тоже ехать, запрыгивают на клавиши, как на табуретки. И такая свалка! Никто не знает, на какую букву ему запрыгивать: с которой имя начинается или, может, фамилия? Буква «Э» вообще отказала, она заедает. «С этим классом нету сладу, дайте классу шоколаду, – весело кричит мама. – Шоколаду и какао! Мяу!» А завуч, похожая на таксу из двадцать шестой квартиры, весело бежит сзади и звонит в колокольчик...

Нет, мама не сможет. Она серьезно говорить не умеет, все – шуточки. Ребята не будут слушаться...

– И чему ты будешь учить? – доброжелательно интересуется Валентина Васильевна. Круглые кольца плывут над ней вверх.

– Самому благородному. Русской литературе!

– И кто тебя возьмет?

– В школу-то? Преподавателей не хватает. Почему – не возьмут?

– Возьми тебя, – смеется Валентина Васильевна. – А ты потом и напишешь! Мало ли что ты потом напишешь?!

– Ничего я не напишу, – обижается мама. – Я больше писать не буду. У меня, между прочим, диплом с правом преподавания.

– Ну, если с правом, – смеется Валентина Васильевна. – Тогда непременно возьмут. Через месяц выгонят. С треском!

– Почему? – обижается мама.

– Ты план урока не сможешь составить, – объясняет Валентина Васильевна. – Не владеешь методикой.

Мама сразу скисла. Ясно, что она не владеет. Надо бы поглядеть в словаре, что такое «методика», но сейчас не хочется.

– Ну, в издательство к вам пойду, – придумала мама.

– Кем? – доброжелательно интересуется Валентина Васильевна.

– Редактором, – решила мама.

– Ты? – удивилась Валентина Васильевна. Сама, между прочим, работает там редактором. – Ты все рукописи переписывать будешь. Переделывать под себя. А надо работать с авторами, чтобы они сами свои рукописи переделывали. Нет, это не для тебя.

– Для тебя только, – обиделась мама.

– Я-то все могу, – засмеялась Валентина Васильевна. – Я такая!

Она раньше работала наездницей в цирке. Скакала на белой лошади в золотом платье, и золотые волосы развевались. Теперь-то у нее волосы рыжие, она их хной красит. Но мама помнит, что были золотые. Валентина Васильевна летела на белой лошади по арене, словно по воздуху, и бросала в зрительный зал воздушные поцелуи и белые лилии, влажные от росы. Вообще-то, она бросала бутоны. Но в зрительном зале, от человеческого тепла, эти бутоны сразу же расцветали и высоко поднимались на своих длинных стеблях.

Но вдруг там попалась одна лилия с колючками. Одна! Такая нелепая случайность! И маленькая девочка вдруг об нее укололась. Вскрикнула! Никогда под руку артистам нельзя кричать. Она громко вскрикнула, лошадь сбилась, ритм потеряла, и Валентина Васильевна грохнулась головой об барьер. У нее золотые искры из глаз посыпались. Ну, это ничего. А главное, что она сломала ногу и эта нога неправильно потом срослась.

Пришлось Валентине Васильевне бросить цирк и пойти работать редактором в издательство. Она и сейчас хромот.

Сколько Ася помнит себя, она эту историю всегда знала. И всегда смотрела на Валентину Васильевну особенными глазами. Представляла, как она летит на своей белой лошади по арене, словно по воздуху. На даче тоже лилии есть. Ася ис-

кала, чтобы с колючками. Не нашла! Недавно спросила Валентину Васильевну: «Вам колючая лилия еще когда-нибудь попадалась?» – «Колючая? Лилия? – не поняла Валентина Васильевна. – Лилии колючие не бывают». – «Ну, как тогда». – «Когда?» Уже забыла. Пришлось ей про нее же рассказывать.

Валентина Васильевна так хохотала, у нее даже сигарета потухла. Она в цирке, оказывается, никогда не работала. Забыла уж, когда там была! В детстве! На лошади никогда ни сидела. Не знает, с какого бока на нее залезать! Она всегда сидела только в своем издательстве. Ничего, кроме рукописей, не видела. Причем – чужих! А нога у нее неправильно срослась, это верно. Валентину Васильевну велосипед сшиб на Садовой, когда она шла домой из Публичной библиотеки. В центре города! В наше время! И велосипед! Это, действительно, нелепый случай.

Значит, мама все выдумала.

Опять! Вечно эта мама выдумывает. Ася даже не удержалась: «Снова ты наврала. Никакая она не наездница». – «И ты поверила?» – удивилась мама. Интересно! Что же, ей никогда не верить? Все-таки – мама. «Да не мне, – засмеялась мама. – Валентине Васильевне ты поверила? А чертики? – «Какие чертики?» Запутала Асю. «Ну, у нее в глазах, – объяснила мама. – Ты разве не заметила, как у нее чертики скакали в глазах, когда она отказывалась?» Нет, Ася не заметила. А надо всегда человеку смотреть в глаза! Глаза-то уж не солгут.

«Зачем же она тогда отказывалась?» – «Тяжело, наверное, вспоминать», – объяснила мама. Больно вспоминать о своем славном прошлом и знать, что это уже только прошлое. Это же так понятно. Вот почему Валентина Васильевна отказалась. «Правда?» – спросила Ася. «Еще какая!» – серьезно сказала мама.

А у самой глаза темные. И что-то там скачет в хитрой их глубине. Не поймешь, чертики или нет...

– Что-что, а с авторами я умею работать, – говорит Валентина Васильевна. И дым над нею кругами. – Со всякими. Научилась.

– Ты все умеешь, – кивает мама. – Если бы тебя верблюд тогда в пустыне не сбросил, ты б далеко, конечно, пошла.

Здрасьте, теперь – верблюд!

– Высоко с верблюда лететь, – размечталась мама. – Особенно – если через голову. Когда он вдруг свои мохнатые коленки подломит. Вдруг потянется за колючкой. Хорошо, хоть камней нет в пустыне, один чистый песок на тысячи верст кругом...

– Ты мне зубы не заговаривай, – смеется Валентина Васильевна. – Я за рукописью пришла. Как вполне официальное лицо, хоть и по дружбе. Вот и давай мне рукопись, уже срок. Мама сама знает, что срок, но если ей нечего давать!

– А ты работай, не ленись, – говорит Валентина Васильевна.

Мама еще раз повторяет – нет рукописи. И, по-видимому,

не будет. У мамы такое ощущение, что больше она уже никогда ни строчки не напишет. Не знает – что, как, зачем. Так пусто внутри, даже страшно! И чем больше мама над своей пишущей машинкой сидит и на чистый лист смотрит, тем ей страшнее. Видимо, просто-напросто исписалась, это, как, известно, бывает, не она – первая...

– А ты без толку не сиди, – советует Валентина Васильевна. – Встань, разомнись. Сбегай в театр. Походи по улицам. В очереди постой. Посмотри, как люди живут.

Но мама уже никуда не может ходить. Ей стыдно людям смотреть в глаза. Потому что все эти люди честно делают свое дело, а мама делать свое не может. Ей даже на вещи уже стыдно смотреть! Вон хоть на этот стул. Какой он крепкий! Удобный! Основательный! Даже, может, красивый! Кто-то его, значит, отлично сработал. Мастерски! А мама свое дело делать не может. Видимо, это не ее дело. Надо правде смотреть в глаза. Мама уже самой себе опротивела. И всем она опротивела. Папе. Асе.

– За нас, пожалуйста, не расписывайся, – кричит папа из коридора. Он там возится со своими карточками, но все слышит.

– Не опротивела! – сердится Ася.

– Видишь, еще не всем, – смеется Валентина Васильевна.

Ей легко смеяться! Она свое дело умеет делать. Она в жизни – на месте. А посидела бы в маминой шкуре! Нет, мама больше не хочет себя обманывать. Она должна найти для се-

бя какой-то выход. Не будет же она вечно без дела сидеть? Возможно, она, например, завтра пойдет водить трамвай...

– Ага, до трамвая дошло, – обрадовалась Валентина Васильевна.

Она давно ждет, когда дойдет до трамвая. Жалко, что у Валентины Васильевны нету магнитофона. Все как-то не купить...

– Зачем он тебе? – удивилась мама.

– Чтобы тебя на этот магнитофон записать, – объяснила Валентина Васильевна. – И тебе же давать послушать. Тогда бы ты сама убедилась, чего ты болтаешь. И в тех самых, главное, выражениях!

– Как это? – мама не поняла.

Сколько Валентина Васильевна маму помнит, мама так всегда говорит. Перед каждой новой повестью. Что она исписалась. Что у нее в голове – ни одной мысли. А потом эти мысли прекрасным образом как-то все же к маме приходят и рукопись она сдает в срок. Каждый раз одно и то же! Как только маме не надоест!

– Выходит, я, по-твоему, притворяюсь? – обиделась мама.

– Что ты! Что ты! – замахала Валентина Васильевна... Даже дым над ней сбился. – Ни в коем случае!

Просто пора бы уже привыкнуть, что так всегда бывает. Это как с гриппом! Прыгаешь, поешь, веселишься. А на самом деле ты уже болен. Это скрытый период болезни! Так и у мамы. Когда маме так уж безумно кажется, что она ниче-

го не может, значит на самом деле – внутри, бессознательно, неизвестно как – она уже именно работает. Это скрытый период работы! Период психа, если так можно выразиться...

– Спасибо, – говорит мама. – Весьма лестное объяснение.

Уж чего лестного! И с гриппом сравнила. И с психом. Ася бы, может, обиделась.

– Я уж сколько раз объяснял! – кричит папа из коридора.

Увы, мама знает, что все не так. Она себя знает. Может, когда-нибудь она что-нибудь подобное и говорила, мама не помнит. Но раньше было другое дело! А так, как сейчас, у мамы никогда не было...

– Обычный творческий кризис, – смеется Валентина Васильевна. – После кризиса как раз будет небывалый подъем.

Но мама даже не улыбнулась. Нет, она себе отдает отчет. И не нужно ее переубеждать, это напрасный труд.

– Я и не собираюсь, – говорит Валентина Васильевна. Снова ей смешно! А вот посидела бы в маминой шкуре! – Просто интересуюсь, когда будет рукопись. Она в плане стоит.

– Толку-то, что она стоит. Ее никогда не будет.

– А надо, чтобы была!

Еще маме грозит! Кольца свои вверх пускает. Они все равно из дыма. Никакой жонглер ими все равно не смог бы жонглировать, чтоб подкидывать и ловить. Дунь посильней, они и рассыплются.

– Садись и пиши!

Еще маме, главное, приказывает! Мама про себя лучше знает.

– Она же сказала, что она не будет, – вдруг вмешалась Ася
– Мама же вам сказала! Если она не может!

Она не хотела вмешиваться, честное слово. А сама вдруг слышит, что уже кричит:

– Никакого кризиса у нее нет! Никакого подъема у нее не будет!

– Аська! – кинулись к Асе мама и Валентина Васильевна. – Ты что, Аська?

Папа ворвался в комнату, подхватил Асю на руки. Вытащил ее в коридор и теперь с ней бегаёт по коридору, прижимая к себе, как маленькую:

– Тише, тише. Чего это ты влезаешь? Нехорошо.

Слышно, как Валентина Васильевна вздыхает за дверью:

– Ну, довела ребенка?!

Как будто это не она довела...

– Хочешь, поедem со мной в театр? – предлагает папа.

– Не поеду, – сердится Ася. – Почему она маме не верит?
Мама же про себя лучше знает!

– Не дури, – папа тоже сердится, – Это не твоего ума дело.

И все-таки Асю в театр утащил.

Этот спектакль Ася уже три раза видала. Лес на сцене, избушка на курьих ножках. Злая старуха-волшебница варит в огромном чане волшебный суп, чтобы всех вокруг превращать, и этот суп злобно дымится. Она всех превращает!

Тронет клюкой – ты жаба. Сидишь в бородавках, таращишься, сказать ничего не можешь. Или тронет – змея. Шипишь, бьешь хвостом. Одну маленькую девочку, которая случайно к ней забрела, вообще превратила в рукомойник. Он так жалобно тренькает, когда злая волшебница моет руки. Но все равно, как всегда в театре, сразу видно, что этот рукомойник – девочка и что она плачет...

Вообще-то сказка для маленьких. Рядом с Асей в служебной ложе сидит Маринка Булавина и ужасно переживает за свою маму, заслуженную артистку Булавину, которая играет сейчас злую волшебницу. Маринке шесть лет. Она ужасно переживает, что ее мама такая хорошая, а весь зал ее ненавидит. За что? Это просто такая роль! А зал сейчас прямо разорвал бы ее маму на части! Кричит, топает и свистит. У Маринки слезы в глазах.

Скорей бы уж антракт.

Папы не видно. Зато всюду мелькает тетя Неля Чукреева. Она сегодня этот спектакль записывает для радио.

Дальше – известно, что будет. Пионер Вася случайно зайдет в избушку напиться. И услышит голос своей сестренки, которую он ищет, а она стоит рядом как рукомойник. Вася сразу решил тут остаться. Злая волшебница даже обрадовалась. Пусть Вася солит ей суп, метет пол. Она эти дела не любит. Обещает в награду, что поможет найти сестренку. Сама, между прочим, мечтает превратить Васю в жабу. Зачем-то ей столько жаб! Коллекция, что ли? Но Вася вдруг поглядел на

эту злую волшебницу и увидел, что она похожа на его добрую бабушку, которая в прошлом году как раз исчезла при весьма странных обстоятельствах.

И как только он это подумал, злая сила вдруг у старухи пропала! Хочет кого-нибудь превратить, а не может. С помелом скачет по сцене! Рвет на себе зеленые волосы! Даже жалко ее, честное слово! Вдруг такое бессилие. Больше не может свое дело делать. А водить трамвай ее все равно не примут. Больно стара! Просит теперь волшебную птицу, чтоб та ей вернула силу. Птица тоже не может, Она вообще сидит в клетке. Что она может?

А Вася вдруг эту злую старуху обнял и поцеловал...

И сразу все чары спали. Она действительно Васина пропавшая бабушка! Теперь плачет. Девочка-рукомойник к ней бежит. Все зайцы, медведи, волки тоже расколдовались. Выскочили на авансцену, взялись за лапы, танцуют от счастья и поют: «Нас пленила злая сила, но любовь ее сразила, потому и говорят – для любви нет преград». А бывшая злая волшебница уже гладко причесана, кланяется и держит за руку своего Васю с девочкой.

Ну, это все потом. Просто Ася знает.

А в антракте она с Маринкой Булавиной сидела в гримборной у ее мамы, заслуженной артистки Булавиной. Маринка все трогала свою маму: «Ты ведь хорошая, правда?» Будто она все-таки сомневается. Глупая еще, даже в школу не ходит. «А то нет?» – басом засмеялась Булавина. И сделала в

зеркало страшное лицо. Это она репетировала. «Просто такая роль, да?» – все приставала Маринка. Будто она не знает! «Прекрасная роль», – страшным басом подтвердила Булавина и подмигнула Асе. Вдруг закричала кому-то в коридор: «Леша, твой попугай, случаем, не муляж? Молчит, как чурка! С ним общаться скучно!» И в гримуборную заглянул артист Стурис. Он, значит, Васю сегодня играет? Ася и не узнала. Стурис слегка смутился, ее увидев. Выходит, это попугай Гарик сидел на сцене в клетке? Ася только теперь поняла. «А вдруг бы вам не понравилось, что он скажет?» – отшутился Стурис. И уже исчез.

«Признайся, что твой красавец просто бездарен!» – крикнула ему вслед Булавина. И сделала в зеркало свирепое лицо. Все репетирует! Она не поверила Стурису. Напрасно, Ася-то знает. «Просто говорить не умеет», – басом пожалела Булавина попугая Гарика. Ася все равно промолчала, хоть, честно говоря, так за язык и тянуло – рассказать. Но ведь артист Стурис им доверился, с папой, а в театре никто знать не должен...

Тут вошла тетя Неля и стала охать, что один микрофон не работает. Она плохо запишет этот спектакль, и с нее потом снимут голову. Ко всем ее неприятностям только этого не хватает! Хоть бы Асин папа скорее освободился и посмотрел микрофон. Она в него только верит! Асин папа разбирается в микрофонах! Он целый год в институте связи учился, пока ушел.

– Сейчас мы его добудем, – сказала артистка. Булавина. И как страшным голосом рявкнет. – Юрий Георгич!

На такой голос папа сразу нашелся:

– Вот он я...

– Сейчас мы превратим его в жабу, – страшным шепотом вдруг сказала артистка Булавина. И потянулась к папе своей клюкой.

Маринка пискнула.

Папа вдруг отшатнулся.

Сердце у Аси вдруг покатилося куда-то...

Но она не успела до папы дотронуться. Репродуктор, молчавший до этого в гримуборной, вдруг закашлялся, громко выдохнул воздух и сказал насмешливым голосом:

– Господа артисты! У служебного входа кого-то собака спрашивает...

Никто еще не успел сообразить.

– Сеня нашелся! – закричала Ася.

Она тоже еще ничего не успела сообразить. Просто вдруг увидела.

Прямо к театру, наискосок через улицу, шествует на задних лапах Сенатор. На нем пестрая кепка с пупочкой, красный вязаный галстук, трость с набалдашником и желтый портфель под мышкой. Усастая морда надменно поднята, будто Сенатор неизмеримо выше всего, что делается кругом. Машины сами собой перед ним тормозят, и колеса, натужно шурша, прокручиваются на одном месте. Прохожие застыли

в самых нелепых позах перед таким чувством собственного достоинства. Кто-то поднял ногу, но поставить уже не смог. Так и застыл! А вахтер уже распахивает перед Сенатором тяжелую дверь, на которой написано: «Посторонним вход воспрещен»...

Репродуктор снова закашлялся и сообщил громко:

– Серьезно говорю. Собака пришла к служебному входу. Одна. Сидит. Явно кого-то ждет. Вроде бы – эрдель.

Тут уж все сразу побежали.

Впереди бежал папа, за ним – тетя Неля с недокрашенными ресницами, потом – заслуженная артистка Булавина в гриме злой волшебницы с зелеными волосами, ее дочь Маринка, лохматый медведь со сдвинутой на лоб пастью, два зайца, артист Стурис в пионерских шортах, режиссер, который громко кричал, чтобы все оставались на своих местах, бутафор с волшебным помелом, хохочущий волк в одних носках, девочка, которая была рукомойник, осветитель с бутербродом во рту, чей-то толстый друг, который случайно забрел за кулисы и еще не нашел того, к кому шел, главный администратор театра в сиреновом бархатном пиджаке и еще кто-то, кто присоединился по дороге.

Ася тоже бежала, но она не помнит – где.

Все это несло узкими театральными коридорами, внезапно сворачивало за угол, стучало каблуками по лестницам, вываливалось во внутренний двор, к дикому удивлению старого кота, который там как раз отдыхал от мирской суеты, и

уже через двор врвалось прямо в дежурку к вахтеру.

Ворвалось и замерло.

Вахтер стоял, как памятник, и указывал куда-то рукой.

Всё повернулось по направлению этой руки.

Там, возле стенки, в спокойной и безмятежной позе сидел Сенатор и наблюдал, как всё это к нему летит.

– Сеня, прости меня! – крикнула тетя Неля и упала ему на шею.

С великолепным чувством собственного достоинства Сенатор ждал, когда она успокоится. И только потом он вздохнул, отряхнулся, будто сбросил с себя все эти бесприютные дни, которые навсегда останутся его тайной, и слегка вильнул тете Неле хвостом. Простил все-таки! Если бы Сенатор был даже лучшим драматическим актером нашего времени – это все потом говорили, – он и тогда не смог бы найти более эффектного момента для своего возвращения.

Спектакль кое-как доиграли, но никто уже им особенно не интересовался. За кулисами, по крайней мере...

А потом Ася с папой на такси завезли тетю Нелю с Сенатором туда, где они живут, и скорее поехали домой. Не терпелось рассказать маме, как Сеня вернулся!

Дверь в квартиру почему-то была приоткрыта...

– Мама! – крикнула Ася. И осеклась.

Мама сидела, сгорбившись, в коридоре на тумбе для обуви, уставившись в одну точку куда-то на голой стене. Ноги ее лежали поперек коридора, как неживые. Лицо у мамы было

пустое и белое. А над ее головой мерно, как вечный двигатель, раскачивалась на вешалке старая Асина куртка. И от этого ее качания почему-то сделалось страшно.

– Таня, что? – страшным шепотом крикнул папа.

– Мария-Антуанетта съела Паскаля, – пустым голосом сообщила мама, глядя все так же перед собой на голую стенку.

У Аси перехватило горло.

– Как – совсем? – спросил папа.

– Не совсем, но насмерть, – вяло объяснила мама. – Я уже убрала. Ася клетку забыла закрыть...

Ася вбежала в свою комнату. В клетке сидела Мадам и старательно чистила себе перья. Она была одна! Еще не знала! Еще думала, что ее Паскаль где-нибудь в коридоре. Заблудился и не может найти дорогу назад.

Если бы она знала!

Ася с ревом кинулась на диван.

Только сейчас она поняла, что за прекрасное безответное существо еще так недавно было с ней рядом. Как доверчиво он трогал Асю за палец. Как трогательно наивен был в своей тугодумности и с какой безропотностью сносил все насмешки. Как чисто звучал в рассветной предутренней тишине его слабый голос. Как счастлив он бывал, когда ему удавалось, наконец, добраться до люстры и покачаться там на звенящих подвесках рядом с Мадам...

И вот его больше нет.

Мама с папой вошли к Асе в комнату и стояли печально.

– Ну, хватит, – нерешительно сказал папа. – Чего теперь реветь? Он к Марии-Антуанетте зашел под буфет. И она, естественно, не удержалась.

– Ничего, пусть ревет, – мама была безжалостна. – Пусть чувствует, что живая душа – не игрушки. Бросить!. Уйти! Не закрыть клетку! Нет, пускай запомнит, что эта гибель на ее совести.

– Нет! – заревела Ася. – Мама, нет! Я же не хотела!

– Кто говорит, что хотела, – сказала мама жестко. – А вина все-таки твоя.

– Туськина вина! – вдруг закричала Ася. Если бы мама не была такая безжалостная,

Ася бы так никогда не крикнула. – Дрянь! Дрянная кошка!

Ася вдруг ощутила, что она эту Марию-Антуанетту прямо своими руками сейчас...

– Что за «дрянь»? – рассердился папа. – Выбирай выражения!

– Туся, конечно, тоже штука, – неожиданно поддержала мама.

Ася вскочила. Если бы она сейчас заглянула в зеркало, то, наверное, сама бы себя испугалась. Такой у нее был ужасный вид!

Но Асе было уже не до зеркала. Она побежала в кухню. Обшарила всю! Побежала в мамину комнату. Опрокинула стул. Стул полетел с грохотом. Ася даже не остановилась!

– Где же? Где? – даже себя она уже не слышала.

Залезла шваброй под ванну.

Залезла под папин стол, где узко, пыль и старые пленки.

Ася сама не знала, что она сейчас сделает с Марией-Антуанеттой, когда ее найдет. Но чувствовала – что-то ужасное.

– Напрасно ищешь, – вдруг сказала мама. – Ее больше нет.

– Как? – даже папа вздрогнул.

Неужели мама...

Туська же не виновата, что она хищник! Это же Ася виновата! Она не закрыла клетку, глупый Паскаль зашел под буфет...

– Туся! – отчаянно зарыдала Ася. – Тусенька!

Мама с папой перепугались. Папа подхватил Асю на руки.

Мама трясет ее за плечо:

– Ты что подумала, Чингисхан? Фу, какая дурища! Это ты на меня подумала? Ну,

спасибо! Я ее выгнала, поняла?!

Ася уже поняла и обвисла у папы в руках. Ей вдруг сразу сделалось так спокойно, будто Паскаль все еще сидит в своей клетке рядом с Мадам...

– Куда выгнала?

– Просто открыла дверь и выставила, – объясняет мама. – На лестницу, куда же еще. Это ж почти на моих глазах случилось. Не могла ее видеть.

– А она придет? – спросила Ася.

Она еще всхлипывала, не могла так сразу остановиться.

– Куда она денется, – объясняет мама. – Залезла небось

на чердак и отсиживается теперь. Тоже ведь понимает, что сделала! Она же сообразительная...

– А вдруг на улицу выскочит?

Ася спросила и сама испугалась. На улице Мария-Антуанетта сразу может пропасть! Ее каждый возьмет. Она ж чистокровно-сиамская, не какая-нибудь.

– Придется искать, – согласился папа.

На лестнице Марии-Антуанетты уже не было.

Во все квартиры звонили – нет, никто не видел.

Тогда папа взял фонарик, и они с Асей полезли на чердак.

Туда, в самый дальний угол, и забилась Мария-Антуанетта. Под паутину. И молчала, как её ни кричали. Ася едва к ней подлезла. Поймала все-таки наконец! И вдруг услышала, как у Марии-Антуанетты часто и больно колотится сердце. Вдруг именно ощутила – как больно! И тут, прижимая к себе Марию-Антуанетту, Ася вдруг почувствовала, что именно Туська, со своим этим дрожащим сердцем, ей сейчас ближе всех на свете. Наверное потому, что она тоже виновата. Хоть она и хищник! И Ася навсегда виновата, больше никто. Остальные тут ни при чем, даже папа с мамой...

Папа уже их звал, призывно мигая фонариком.

А Ася все сидела, скорчившись в самом дальнем углу пыльного чердака, гладила Марию-Антуанетту и, глотая слезы, как-то особенно скорбно и сиротливо чувствовала общую их с Туськой вину...

Потом уж папа их все же оттуда вытащил.

А Мадам назавтра подарили знакомым тети Веры по ветеринарной поликлинике, у которых был чечетка Жоржик. Но Мадам не обрадовалась этому Жоржику. Она была печальна, когда ее дарили, и, наверное, все думала о своем Паскале. Хотя не знала, к счастью, какая страшная участь его постигла. И кто в этом виноват. Асю она, по крайней мере, на прощанье дружелюбно клюнула в щеку. Ася так ее и запомнила на всю жизнь – печальной, но дружелюбной...

Родство душ

Ася проснулась оттого, что где-то рядом поют: Проспала? Нет, будильник еще не звенел. Это рядом, за стенкой.

Босиком побежала в большую комнату.

Уж Константин шарахнулся из-под двери и скрылся в ванной. Наверняка подслушивал. Он, вообще-то, музыкальный.

В большой комнате за пианино сидел папа, и руки его лихо бежали по клавишам. Пианино гремело. Папино лицо горделиво приподнято, будто он Сенатор. Редкие волосы, где еще не лысина, разлохматились вольно и встали надо лбом дыбом. Во всей папиной фигуре за пианино была сейчас такая молодецкая удаль и широкий степной размах, что Ася обмерла на пороге.

Про «широкий степной размах» Ася недавно где-то читала...

Папа музыке никогда не учился. Он даже нот не знает. Просто садится за пианино и играет, что хочет. Когда-то в студенческом оркестре играл. Но никто не верит, что он не учился.

Близко за папиным плечом стоит тетя Кира из Мурманска. Вот это кто приехал! Тетей Кирой ее все равно никто не зовет. Все – и Ася тоже – называют просто «Кирилл». «Высшая ступень родства душ», – как объясняет мама. Кирилл вроде сейчас стоит, но кажется, что она уже пустилась впри-

сядку. Или подпрыгнула до потолка. «Существует только в неустанном и неостановимом движении», – как мама объясняет. Как мячик! Ее невозможно удержать. Только мячик круглый, а Кирилл – наоборот – тоненькая. У нее сейчас такой свежее-приподнятый вид, какой у Кирилла всегда бывает после бессонной ночи в поезде. На Кирилле блестящая юбка-колокольчик и кофточка, вся из кружев. Сама все, конечно, сделала – юбку, кофточку, кружева и плетеный браслет на тонком запястье.

Кирилл толкает папу сзади рукой и требует:

– Юрка, голос!

Фингал сразу поднял голову. Но это же не ему!

Папа молодецки ударил по клавишам, и они с Кириллом запели:

Чего разлегся, как паштет

На свежем бутерброде?...

– Стоп! – крикнул папа. – Таня, так?

– Все равно, – мама машет рукой. – Пусть так...

Мама машет с усталым видом творца, которому все теперь безразлично. Его творение все равно уже оторвалось от его души и живет теперь в большом мире по чужим и неуправляемым законам. А творцу остались только усталость и пустота.

– Может, лучше – «на теплом»? – сомневается папа. – На теплом бутерброде паштет как раз растекается. Простая логика!

Вечно этот папа в поэзии ищет логику.

– Ладно, – машет мама рукой. – Пускай...

От творца ничего уже не зависит.

– Голос! – требует Кирилл. – Юрка, голос!

Папа ударил по клавишам, и они с Кириллом запели:

Чего разлегся, как паштет
На теплом бутерброде?!
Уж новый гость берет билет,
Уже он едет вроде...
Уже летит! Уже плывет!
Сейчас он в дом к тебе войдет!
Беги скорее в Гастроном!
Гость входит в дом,
Гость входит в дом...

– Дон... Дон... Дон... – задыхается пианино.

Мама громких звуков в доме не любит. Звуки ей мешают сосредоточиться. Когда папа громко играет, маме кажется, что где-то под окнами тупым перочинным ножом перепиливают водосточную трубу. Честно говоря, если папа играет тихо, маме то же самое кажется. Слуха нет совершенно! И с этим ужасным маминым недостатком Асе с папой приходится все время мириться.

Но сейчас маме нравится.

Она даже ногой отбивает смутный какой-то ритм. Этот ритм, если разобраться, наверняка абсолютно не музыкаль-

ный. Может даже этот ритм – аритмичный. Но маме нравится.

Именно этих слов, что папа с Кириллом сейчас поют, Ася не знает, но вообще – это обычная гостевая песня. Слова меняются с каждым гостем. Как песенки у Винни Пуха – на разные случаи жизни. А гостевая песня нужна, чтобы сохранялась праздничность души. Даже если каждый день гости!

Ведь именно гости – это повседневность настоящего дома...

На прошлый Новый год Ася, мама и папа уехали в Москву. Тоже, нашли время! А к ним в Ленинград в этот же вечер вдруг прилетели дядя Олег из Саратова, Ищенко из Ашхабада, Геннадий Васильич из Вильнюса, он был с сыном, и Тамара Замойская с Сахалина. Они все столкнулись на лестничной площадке у закрытой двери. А, между прочим, друг друга никто не знал. По крайней мере – в лицо. Так-то они друг о друге от мамы слышали, что они есть. Но встречаться не приходилось. Когда они вдруг сошлись на площадке, то сперва подозрительно друг на друга глядели. Мол, чего это он тоже сюда звонит, этот тип? Чего ему нужно? Может, у него ключ?

А ключа ни у кого не было. Никаких не хватит ключей – рассылать по всему Союзу.

Ключ был только у соседки снизу. Не успели Ася, мама и папа в Москве раздеться с дороги, соседка уже звонит. Она так встревожена! Ей почему-то кажется, что ее сейчас огра-

бят! Там на лестнице какие-то люди. Смеются. Маму ругают. Колотятся в дверь. У нее уже спрашивали про ключ. Она не дала! Теперь звонит, что ей делать? Спать она не ляжет, будет всю ночь за ними следить, но прямо чувствует, что эта новогодняя ночь ей дорого обойдется. Она паспорта у них поглядела, записала фамилии. Вот они, эти фамилии. Может, мама кого-нибудь опознает?

«Всех опознаю! – закричала в телефон мама. – Скорее отдайте ключ. Это друзья!» – «Все сразу?» – удивилась соседка. Ключ она отдала, раз мама приказывает.

Но у нее в эту новогоднюю ночь был сердечный приступ, «на почве ключа». Так соседка снизу потом рассказывала, когда Ася, мама и папа наконец вернулись. Больше она их ключа никогда не возьмет! Мама расстроилась. Почему же она не возьмет? Вдруг кто-нибудь придет, когда никого нет в квартире? Именно поэтому соседка снизу и не возьмет! Но все же над мамой сжалась и велела, чтобы мама ей написала список, кому давать ключ. С фамилиями. С полными именами. И из какого города. «А если это поселок?» Из поселка – тоже.

Мама сперва легкомысленно пообещала такой список составить. Неделю мучилась! Откуда же она знает, кто вдруг может приехать? Как их всех перечислить? Некоторые фамилии мама забыла. Или вообще – никогда не знала. Забыла, может, спросить. А если она с этими друзьями, например, на Дальнем Востоке тонула? Или ходила за женьшенем

в тайгу? Или лезла в горы в Киргизии? Может, они мамин адрес помнят. Вдруг они приедут, а их в списке нету? Мама неделю промучилась и побежала опять к соседке снизу. «Не нужно никакого списка. Просто, если кто-нибудь наш ключ спросит, вы сразу давайте». -»Любому давать?» – удивилась соседка. «Не любому, – объясняет мама, – а только тому, кто спросит». -»Любому, кто спросит?» Непонятливая какая! «Ну да, – подтвердила мама. – Если человеку не нужно, он же не спросит». Соседка снизу почувствовала, что у нее опять начинается сердечный приступ. «А если это плохой человек?» – говорит. «Плохой не спросит, – объяснила мама. – Зачем ему наш ключ?» Нет, так соседка снизу не может.

Не взяла больше ключ!

Теперь, если Ася, мама и папа уезжают, приходится относить ключ к соседу сверху. А у него ноги больные! Сосед сверху берет с удовольствием. Он старый, ему даже приятно, что он еще на что-то годится. Людей он перевидал на своем веку: ему список не нужен, чтобы хорошего отличить от дурного. Он всех видит насквозь! Не даст никому ключа, вот и весь сказ.

Но у соседа сверху, хоть он и правда очень старый, еще чертики в глазах скачут. Он даст, мама уверена...

Папа теперь просто так на пианино играет.

Незнакомое. Ася во всяком случае раньше не слыхала. Только сейчас, наверное, выдумал. Любит выдумывать за пи-

анино!

Тянет, тянет. Вдруг блики какие-то. Солнце? Блестит. Звуки переливаются. Будто утекают куда-то. Далеко, уже не видать. Река? И над нею что-то туго звенит. Под ветром. Ага, это река. Берега крутые. Скалы, наверное. Блики падают вниз. И сердце у Аси вдруг падает. Глубина какая! И над этой глубиной, между берегами, что-то туго натянуто. И звенит, звенит. Это проволока, как в цирке. Легонькая фигурка танцует над блестящей водой. Раскачивается. Снова ступает. Ветер надул юбку-колокольчик, и кофточка, вся из кружев. И на этих кружевах блики, блики от солнца...

Даже голова закружилась от этих бликов!

– Кирилл идет над рекой, – закричала Ася. – Да, папа? Да?

Папа медленно обернулся. Опустил руки. Последний блик блеснул и медленно угас в медленной воде...

– Думаешь? – не сразу откликнулся папа – Может быть...

Сам не знает, что он играл. Всегда он так!

– Нет, пустыня, – размечталась мама. – Барханы. Жара. Ящерица пробежала по горячему песку на длинных ногах и скрылась в тени, под куст...

У мамы всегда пустыня. Никакого воображения!

А Кирилл уже подхватила Асю и кружит ее по комнате.

– Она босиком, – заметила все-таки мама.

– Ну и что? Здоровее будет. Юрка, теперь про меня! Я гость.

Папа очнулся, расправил плечи, как добрый молодец из

былины, которую они с Асей на днях читали, и вдруг с молодецкой удалью грянул на пианино «В лесу родилась елочка». Папина удаль прямо рвалась на простор из простенького мотива и вся уходила в голос, который звенел и ширился степной ширью:

Живет на свете девочка
По имени – Кирилл,
Веселая, как белочка
В пийсят четыре кил...

Это мама когда-то, давно еще, Кириллу выдумала на день рождения.

– Неточность! – объявила Кирилл. И плюхнула Асю в кресло. Она инженер, технический человек, любит точность. – Уже пятьдесят два четыреста.

– Теряешь в общественном весе, – засмеялся папа.

– Наоборот, Юрочка. Приближаюсь к собственной юности.

– Пятьдесят в тебе тогда не было... – сказала мама мечтательно.

Они с Кириллом в юности встретились. Мама приехала после университета на Север. И Кирилла на Север по распределению распределили, после Горного института. Повезло! Сразу встретились. Их на Севере в одну комнату поселили. Еще не знали, как они уживутся! Но других комнат все равно не было – кругом Север. Сопки, рудники, газета

висит на заборе, и ветер ее срывает. Мама в газете работала. Необозримые пространства кругом.

Один молодой специалист случайно за сопку зашел и девять дней не мог выбраться. Заблудился! Сопки же все одинаковые. Когда его через девять дней вертолетом нашли, этот молодой специалист был совершенно дикий. Волосами оброс. Где живет – не знает. Не хочет никого узнавать. Около него в больнице ночами дежурили, пока он всех узнал. Теперь, говорят, он начальник рудника. Так вырос на Севере! Никуда уезжать не хочет.

Но мама с Кириллом прекрасно там ужились.

Ночью они, например, в волейбол играли. В три часа ночи! Даже – в четыре! Светло. Солнце круглые сутки висит на небе. И не думает даже закатываться. Такой полярный день Круглосуточный. Мама с Кириллом брусники там на всю жизнь наелись. Лягут на сопку и прямо ртом едят. Даже без рук! Сколько было этой брусники – красно от нее. Одежду всю перемажешь брусникой. Варенье тогда еще никто не варил. Это потом уже научились – варить, на зиму заготавливать. А все равно сейчас нету такой брусники даже на Севере! Перевелась почему-то.

Мама с Кириллом на Севере вообще не спали! Им некогда было. Не помнят, чтоб они спали. Мама иногда ночью вдруг заснет, по городской привычке. Но тут Кирилл с рудника прибежит: «Танька, вставай! Мы план уже дали! Пиши информацию в свою газету!» Мама скорее вскочит и пря-

мо на полу начинает писать. У них в комнате стола не было. Вместо матрацев они на газетных подшивках спали. Это удобно, не залежишься! Мама сразу напишет, а утром газета выйдет, пораньше, и все на Севере сразу узнают, что уже дали план. А без газеты как бы они узнали?

– Да, ты гласность всегда ценила, – смеется мама,

– А как же? – Кирилл удивилась. – Я и сейчас ценю. Я человек общественный. Обо мне недавно в нашей газете писали, что я вырастила ананас. Хочешь, вырезку покажу?

Мама не хочет, она Кириллу верит. Но Ася с папой вырезку посмотрели. Там даже фотография! Кириллу, по правде-то, не узнать. Ананаса вовсе не видно. Но все так подробно написано, что вот, в условиях Заполярья, дома, вызрел такой экзотический фрукт – ананас. Кирилл привезла ананас, вообще-то, с острова Цейлон. Вкусный был! Его сразу съели. А из остатков она себе дома вырастила другой. Он маленький получился. Но ничего, тоже вкусный...

– Как ты все успеваешь?! – смеется мама.

– А мне интересно, – объясняет Кирилл.

Ей всегда интересно, вот она и успевает. Не всё, это мамахватила! Но кое-что. Пока что Кирилл успела закончить два института, курсы гитаристов, иностранных языков, художественного вязанья, классических танцев, экскурсоводов и режиссеров-кукольников. Дети – Наташа и Веня – ей руки немножко связывают, но уже не очень. Они сами теперь в балетной студии занимаются, при Дворце пионеров. Кирилл

их редко видит. Вот недавно она с ними неожиданно на радио встретилась: их вместе записывали, как они все успевают. Дети уже большие, их можно брать с собой и куда хочешь ехать...

– А помнишь, ты Веню с Аськой на защиту диплома таскала? – сказала мама мечтательно. Папа затрясся от смеха.

– Я без них бы не защитилась, – объяснила Кирилл. – Боялась почему-то ужасно.

Чтоб не бояться, она их с собой и взяла. Идет с ними по институту. Ася – в одной руке, одеяло розовое, а Веня – в другой, голубое одеяло. И вдруг профессор навстречу. «Гм! Кто это у вас?» – «Дети. Разве не видно?» – объяснила Кирилл. «Ваши?» – удивился профессор. «Мои», – объяснила Кирилл. «И сколько же им?» – заинтересовался профессор. «Пять месяцев», – сообщила Кирилл гордо.

Профессор задумался. Наверное, ему показалось, что этим детям гораздо больше. Они такие крупные! Потом говорит: «А они, гм-гм, вам при защите как-нибудь не помешают?» – «Нисколько, – объяснила Кирилл. – Мне с ними, наоборот, спокойнее. Их отцы в коридоре пока подержат». – «Отцы?» – удивился профессор. – У них, что же, гм-гм, разные отцы?» – «Конечно, – Кирилл удивилась, что профессор не понимает. – Они же у меня разные: это – девочка, а вот это – мальчик». Профессор даже смутился. «Действительно, – смутился. – Я, простите, как-то сразу не разобрал...»

И Кирилл защитила свой второй диплом на «отлично».

Профессор даже сказал, что это по всем параметрам выдающаяся работа, он давно такой не читал...

– Мы с Павликом глупейшим образом себя чувствовали в коридоре, – засмеялся папа. – Все идут и на нас оглядываются.

– Ну, это они от зависти, – объяснила Кирилл.

– А Павлик, бедный, все дома? – сказала мама.

– Любит дом, – вздохнула Кирилл. – Его ж никуда не вытащишь! С другой стороны, должен кто-то и дома сидеть. Без этого – какой дом?

– Я вон сижу. А толку?

Мама опять на свое свернула. Это у нее такой органический недостаток, папа считает: сама отдыхать не умеет и другим ни за что не даст.

– У тебя стул не тот, – догадалась Кирилл.

– Этот стул у меня сто лет, – удивилась мама.

Вот Кирилл маме сделает кресло из вьетнамской соломки, и мама сразу свою новую повесть напишет. Кирилл теперь мебелью увлеклась, будет ее плести.

– А где соломку возьмешь? – придирается мама.

– Да во Вьетнам съезжу, – легко отмахнулась Кирилл. – У меня путевка заказана. Ой, я Аське еще подарок не отдала!

Бросилась свой подарок искать.

Может, Фингал уже съел? Не сильно, правда, съедобное. Но кто Фингала знает, его собачьи вкусы? Нет, вот он, подарок, в чемодане еще...

Никаких подарков не нужно! Что за моду Кирилл взяла? Мама запрещает Асю одаривать. Еще не хватало, чтобы Ася привыкла. В руки бы стала людям смотреть, что ей там опять привезли? Чувства свои подарками мерить. Чувства чистые должны быть!

– Ладно, – смеется Кирилл и Асе подмигивает. – Не нужно, значит, не нужно. Подарим кому-нибудь во дворе.

Мама никак не успокоится. Зачем это вообще? К друзьям нужно просто так приезжать. Без ничего! Чтоб друзья тебя просто так любили, какая ты есть. Раньше подарков не носили друг другу. Только – в праздник. А теперь пошла мода! Все что-то тащат. Зачем? Ах, без этого уже, видите ли, неловко. И самому, значит, надо уже обязательно тащить? Только с подарком?

– Не занудничай, Танька, – кричит на маму Кирилл. – Я же не в магазине купила. Сделала и дарю – мое дело!

– Все равно, – занудничает мама.

– И чего ты на этот раз сделала?

Папе, например, интересно.

Кирилл на этот раз сумку Асе сплела. Стиль такой, называется – макраме. Это сумка для торжественных выходов. Через плечо. Вон какая вязка! Кружевная вязь из простой бечевки. Ну, не из такой уж простой. Из специальной, которая для макраме...

– Достань мне такой бечевки, – просит папу Кирилл.

Она бы тогда и папе сплела. Папа бы положил свои аппа-

раты в такую сумку, и все бы модницы сразу умерли,

– Где я тебе достану, – отказывается папа. Пленку он бы мог еще, пожалуй, достать. Или фотобумагу.

– А ты постарайся, – смеется Кирилл.

Ася представила, как она с этой сумкой выйдет к Инженерному замку, где все собаки. На торжественный выход. Через плечо – сумка-макраме, а на другом плече, например, Лариса. Фингал рядом бежит. Марию-Антуанетту еще можно взять, у нее шлейка есть...

Ладно. Без макраме тоже здорово. Лариса все равно на плече. Говорит что-то Асе в ухо, и уху щекотно. Туська рвется на шлейке, хочет разорвать сенбернара. Зачем он на Асю лает? А Фингал их всех охраняет. Никаких даров! Чувства должны быть чистыми.

– Сумочка ничего... – задумчиво тянет мама.

– Не пропадет, – говорит Кирилл. – Кому-нибудь отдадим.

Мама примерила сумку-макраме себе на плечо. Погляделась в зеркало. Положила макраме обратно на стол. Снова взяла. Видно, что ей не очень хочется отдавать это прекрасное макраме кому-нибудь во дворе...

– Возьму себе, – вдруг решила.

Ей, конечно, можно. Уверена в чистоте своих чувств.

– Бери, – разрешила Кирилл. – Я Аське еще сплету.

– Мне не надо, – обиделась Ася.

– А ты для матери не жалеяй, – пихнула ее в бок Кирилл.

Смешно пихнула, будто боднула. Ася засмеялась неволь-

но.

А мама все любит свое макраме...

– Ты прямо у нас художник, – похвалила Кирилла.

– Я и есть художник. Я теперь народный художник!

Она же на выставку приехала, а не просто так в гости.

В Ленинграде открывается выставка народных художественных промыслов. Там будут ее работы. Сумочки, кошельки, галстуки. Даже один ковер. Весь мир сейчас увлекается макраме. Вот Кирилл и воспользовалась. Ее ковер в Мурманске уже занял первое место, а теперь займет в Ленинграде...

– Аська, пойдешь со мной на выставку?

– Нет, я в школу пойду, – сказала Ася.

Как все возмутились! В какую школу? Что там Ася забыла? Когда Кирилл к ним приехала. В кои-то веки! В школу она пойдет, смех. Неужели еще не надоело? Все равно уже опоздала!

– А мне сегодня ко второму уроку, – вставила Ася.

Лучше бы она промолчала!

Неужели Ася ко второму уроку потащится? И ей не стыдно? Вместо выставки художественных промыслов? Нельзя же, в самом деле, так эту школу любить! В школу надо ходить через силу! Чтоб тебя родители туда гнали!...

Едва-едва от них вырвалась.

Вслед еще кричали. Но Ася все равно ни одного урока не пропустила. Если ей интересно!? У нее, может, была контрольная по математике! Еще хорошо, что Ася вовремя из

этого дома вырвалась. Потом вовсе бы не уйти! Потому что вскоре после ее ухода неожиданно приехал Пронин из Кушки. Его все так зовут – просто «Пронин».

Пронин примчался прямо с аэродрома. Худой. Голодный. Длинный. И сразу же закричал, что это безобразие. В этом доме так тихо! Все почему-то спокойно сидят! В ус не дуют! Когда нужно бороться за права ядовитых змей! Чтобы, наконец, защитить ядовитых змей от этого бича природы! От человека!

Ядовитые змеи человеку все отдают. Свой целебный яд. Рискуют своей единственной жизнью при каждой встрече. И все человеку мало. Ядовитые змеи еще должны регулировать уровень грызунов в природе. Это важная миссия! Но змеи справляются. А человек создает им невыносимые условия. Ядовитым змеям просто деваться некуда от человека! Что, интересно, по этому поводу думают мама, Кирилл и папа?

Мама, Кирилл и папа даже растерялись.

Они последнее время как-то про ядовитых змей вообще не думали. Как-то вроде про них забыли, пока Пронина не было.

– Я вам забыть не дам, – пообещал Пронин.

Он только чуть-чуть должен восстановить силы с дороги. Чтобы восстановить свои силы, Пронин съел сковороду картошки, восемь домашних котлет, четыре сосиски, потому что больше не было, весь помидорный салат и бутерброд с колбасой.

Теперь Пронин готов для борьбы, которая ему предстоит. Он прилетел на конференцию.

Чтобы поставить вопрос о защите ядовитых змей на принципиальную высоту. Мама пусть об этом напишет! Хватит писать ерунду. Пора заняться настоящим делом. Папа пускай сделает снимки. Пронин кое-какие снимки с собой привез. Гюрза. Кобра. Эфа. Все, кто того заслуживает. Но они маленькие, эти снимки. И не очень четкие. У Пронина в Кушке нет подходящей аппаратуры. Пусть папа теперь займется! Надо все переснять и красиво отпечатать. Хорошим размером. Портрет, например. Метр на метр! Чтобы было сразу видно. Вот кобра. Вот ее капюшон. Эта кобра танцует. Какая в ней грация! Изящество! Совершенство форм! Чтобы даже профану стало ясно, что эту кобру наш долг – сохранить для потомства. И гюрзу. И щитомордника. Всех, кто того заслуживает...

– А я? – заволновалась Кирилл. – А я?

– Тебя тоже надо сохранить, – решил Пронин.

Нет, он не понял. Кирилл беспокоится, что для нее у Пронина нету дела.

Дело найдется. Пронин про нее не забыл. Кирилл, кажется, в Заполярье? Нужно там, на месте, подсчитать поголовье ядовитых змей. Если там их нету, значит надо ядовитых змей вывести. Срочно! Надо их акклиматизировать. Создать оптимальные условия змеям. Это для Кирилла работа на долгие годы. Хватит чепухой заниматься!...

– А сейчас что же? – пристаёт Кирилл.

Мама с папой уже приставать не могут. Папа валяется на диване и стонет. У мамы даже стонать больше нету сил.

Кирилл сейчас пойдет с Прониным на конференцию и будет там, в публике, создавать общественное мнение. Какая еще выставка? Это ерунда! Пронин выставку отмечает! Нужно сидеть в конференц-зале, бурно аплодировать, когда Пронин будет выступать, и злодейски свистеть, когда на трибуну полезут его противники. Кирилл умеет свистеть?

– Злодейски? – обрадовался Кирилл.

И как свистнет!

В коридоре отчаянно взвизгнула морская свинья Дездемона. Фингал вскочил и залаял. Лариса проснулась и поймала себя за хвост.

– Сойдет, – одобрил Пронин.

Значит, все в порядке. Можно бороться.

Тут Ася как раз вернулась из школы. Пронин обрадовался, что есть еще и Ася. Откуда она? Ах, из школы. Он так и думал. Напрасно Ася оттуда ушла. Нужно срочно вернуться в школу и развернуть просветительную работу среди учащихся, чтобы они осознали, наконец, роль ядовитых змей в своей жизни. Надо этих ребят воспитывать! Чтобы они росли в атмосфере любви к ядовитым змеям! Прививать им эту любовь! А то некоторые родители болтают черт знает что и засоряют своим прекрасным детям мозги.

Пронин знает, что Ася не такая. У нее есть уж Констан-

тин. Он, к сожалению, не ядовитый. Когда-нибудь Пронин привезет Асе кобру. Сейчас забыл захватить. В другой раз! Но все-таки Константин тоже змея. Это его извиняет. Если бы у Аси в доме не было Константина, Пронин бы себя тут чувствовал, как в глухом лесу. В Ленинграде буквально не на что посмотреть! Они с Асей пойдут в зоопарк. Но в зоопарке ядовитые змеи наверняка в отвратительных условиях. Пронин боится, что эти условия тяжело подействуют на неокрепшую Асину психику. Он-то уже ко всему привык!

– Да, могут угнетающе подействовать, – поддакнула мама.

– Вот я и боюсь, – кивнул Пронин.

Он рад, что его понимают. Все его в этом доме понимают, кроме Марии-Антуанетты. Нельзя ли на нее намордник надеть? Пронин боится, что Мария-Антуанетта в один прекрасный день его съест. Опять она на него рычит!

– Брысь, Туська! Фу! – хором кричат Ася, мама, Кирилл и папа.

Фингал испугался, что все кричат. Лезет под стол.

А Мария-Антуанетта все равно рычит и рвется к Пронину.

Это удивительно, но Пронин из Кушки – единственный в мире человек, на которого рычит кроткая Мария-Антуанетта. Она обычно всем лижет руки, дружелюбно обнюхивает новых людей, даже своих котят разрешает брать, чтобы ими полюбоваться. Фингал, например, каждое утро вылизывал котят. Как шаркнет своим языком, котенок сразу весь

мокрый, от ушей до хвоста. Но Мария-Антуанетта никогда не сердилась на Фингала, ценила добрые его чувства. Кошки вообще не рычат! А вот на Пронина Туська именно что рычит, иначе не скажешь. У нее шерсть дыбом, усы распушились и даже щеки подрагивают от гнева. Так бы и кинулась, если бы Ася ее не держала.

И всегда, главное, так. Пронин ведь редко приезжает! Ну, раз – в полгода. Но Мария-Антуанетта, однажды его увидев, уже не в силах забыть. Когда бы он ни вошел, она сразу выскакивает и рычит.

– Уберите куда-нибудь эту кошку, – требует Пронин, – на меня позорит!

Куда ее уберешь? Туська любую дверь открывает.

Пронину прямо жизни не стало. Он боится дать телеграмму, что он летит. Чтобы Мария-Антуанетта заранее не узнала! Пронин хочет ее застать врасплох. Может, Мария-Антуанетта тогда не сообразит, что это – он? Она же его позорит перед друзьями! Перед Асей. Перед мамой, папой и даже перед Кириллом. Они все будут думать, что Пронин – плохой человек, раз их кошке так кажется. Ведь животные чувствуют, что у человека внутри, против этого не попрешь.

Все Пронина уговаривают, что не будут думать.

Не верит.

– Будете думать, что у меня скрытые пороки!

Нет, никто не будет. Какие у Пронина пороки? Тем более – скрытые? Он скрыть ничего не умеет. Он весь на виду.

– Я не знаю какие, а она знает! – сердится Пронин.

– Может, Туся просто не любит ядовитых змей? – вдруг сообразила Кирилл.

Пронину это не приходило в голову. О, если так, то его отношение Марии-Антуанетты – начисто не волнует. Раз она примкнула к его идейным врагам! Горько, что его противники даже в этот дом пробрались. В лице Марии-Антуанетты. Если это так, хваленая Мария-Антуанетта просто глупа, как ящерица. Пронин сам ее знать не хочет!

Тут вошла Богданова-мама.

Она долго звонила в дверь. Никто почему-то не открывает. И Фингал молчит. А слышно, что кто-то есть, голоса. И дверь, вообще-то, приоткрыта. Богданова-мама, наконец, решилась войти. Может, она не вовремя? Тут, кажется, гости?...

– Где гости? – удивился Пронин. – Никаких гостей пока нету.

– Все свои, – успокоил Богданову-маму папа.

Она бы не стала мешать, но ее Богданов прислал. Сходи да сходи. Книжку какую-то просит про лошадей, она забыла название. Он думает, что папа ему не даст. Может, папа даст Богдановой-маме? Если эта книжка не очень дорогая и ее можно выносить из дому...

– Вполне можно, – почему-то обрадовался папа. – Сейчас достану.

И сразу вытащил, со стеллажа.

А когда Ася у него спрашивала «Все о лошади», папа не смог найти. Сказал, что абсолютно не помнит, куда засунул. На этом стеллаже, во всяком случае, ее не было, Ася смотрела.

– Вадик аккуратно будет пользоваться, – пообещала Богданова-мама. Она сама последит.

– Лишь бы пользовался, – улыбнулась мама.

– Зачем эту ерунду читать? – удивился Пронин. – Что-нибудь стоящее ему возьмите. «Змеи Средней Азии», например. Лучше всякого детектива...

Он даже фыркнул, до того ему странен выбор.

– Вот еще не хватало – змеи! – засмеялась Кирилл. – Вкус надо развивать. Читать про народные промыслы. Это настоящее чтение! Диву даешься, что за мастера были на Руси, что они делали...

Пронин и на Кирилла фыркнул.

Мария-Антуанетта, которая вроде заснула, услышала и опять на него зарычала.

– Да пусть хоть про тараканов читает, – сказала Богданова-мама. – Лишь бы читал! Вдруг просит эту книжку...

– А вы говорили, Вадик ничего не читает, – весело укорил ее папа. – Наговариваете на собственного сына.

Нет, Богданова-мама не наговаривает. Она сама не знает, что с ее Богдановым последнее время сделалось. Он читает! Температуры нету. И ведь какую взял моду – в уборной почему-то читает, в ванной. В самых неудобных местах! Ру-

ки помыть не допросишься. Изнутри на крючок замкнется и читает.

– Надо же! – удивился папа.

И под одеялом привадился почему-то читать. Богданова-мама с него одеяло скинет. А Богданов сердится. Опять накроется с головой и книжку к себе затащит. Это, наверное, все-таки болезнь...

– Болезнь роста, – засмеялась мама.

Не нужно сейчас Вадиму мешать, так маме кажется. Пусть войдет во вкус. Он сам скоро поймет, что в ванной не всякую книгу одолеешь. Или под одеялом. Главное, что он этим наслаждением заразился – читать, это главное.

– Я уж боюсь помешать, – счастливо вздохнула Богданова-мама. – Сколько силком-то заставляла!

Богданова-мама, тихонько от своего Богданова, даже лампочку посильнее ввернула в ванной. Сто ватт. Чтоб глаза не испортил. Теперь пусть читает.

Книжку аккуратно завернула в газету и ушла.

Стало тихо. Слышно, как зевает Фингал.

– Оголодал я от ваших интеллигентских разговоров, – закричал вдруг Пронин. – Может, в этом доме меня все-таки покормят?!

Котлет уже не было. Пронин – худой, длинный и вдохновенный – наворачивал борщ с докторской колбасой вприкуску и громко втолковывал Асе, маме, Кириллу и папе, что в

городе у него всегда исключительный аппетит, поскольку в городе больше нечем заняться, ничего нету стоящего внимания, можно только жевать, укреплять челюсти для предстоящей научной борьбы. И хорошо еще, что вокруг – на безынтересном городском горизонте – есть все-таки родственные души, которые могут удовлетворить его аппетит и даже в какой-то мере способны прочувствовать жгучую важность назревшей проблемы защиты ядовитых змей от этого бича природы, от человека...

Кстати, по сути-то дела, неистовый Пронин был прав. Так маме почему-то подумалось, когда она наливала Пронину третью тарелку борща. Всех пора защищать. И человека. И змей.

Точка «В»

Весь класс сидел и смотрел на доску.

Нина Максимовна нарисовала на доске жирную точку «А». Ей было очень одиноко на широкой доске. Чтобы ей было не так одиноко, Нина Максимовна немножко пониже нарисовала жирную точку «В». Получилось – будто глаза, но лицо тогда поперек. Нет, Нина Максимовна не собирается им физиономию рисовать. Это урок математики! И речь, наоборот, пойдет о параллельных прямых, Нина Максимовна уже объясняла. Параллельные прямые никогда не пересекутся. Как, например, рельсы. Хоть до Владивостока будут рядом бежать, и между ними всегда одинаковое расстояние. Если это расстояние вдруг станет меньше или все равно – больше, поезд сразу же сойдет с рельсов. Будет крушение!

Вот что такое параллельные прямые!

Даже ноги могут быть параллельны, если стоять по стойке «смирно». Но они, конечно, запросто пересекутся, если одной ногой, например, почесать другую. Это весьма относительный пример, просто – для наглядности, Ася понимает. И весь третий «А» тоже, ясное дело, понимает...

Потом через свою точку «А» Нина Максимовна провела жирную прямую линию и назвала ее, предположим, «СД». Буквы, между прочим, латинские. Ну, это они давно знают...

Нина Максимовна отошла и полюбовалась, как у нее вы-

шло. Ей понравилось. Тогда она попросила, чтобы весь класс перерисовал это в своих тетрадках.

Ну, это недолго.

Потом говорит:

– А теперь – полная вам свобода...

Нина Максимовна теперь просит, чтобы весь класс начертил ей какое угодно количество, кто сколько хочет, у кого сколько влезет прямых линий, проходящих через точку «В». У нее одно только маленькое условие – чтобы все эти прямые проходили через точку «В» и были обязательно параллельны линии «CD». Пусть эти линии будут любого цвета, кому какой больше нравится. Можно их карандашом проводить, можно фломастером, ручкой тоже можно.

– А красками? – сразу спросил Петя Гуревич. Он краски принес.

– Пожалуйста, – разрешила Нина Максимовна. Решительно чем угодно, лишь бы они проходили через точку «В» и были параллельны прямой «CD».

Ну, это всем понятно.

– А синим карандашом можно? – шепотом спросила Света Малинина.

И покраснела. Она всегда краснеет.

– И синим, пожалуйста...

– А если зеленым? – крикнул Стасик Иващенко.

Каким угодно можно, полная им свобода. Красным, черным, фиолетовым, сиреневым. И малиновым даже можно.

– А желтым? – спросила Ася.

Нина Максимовна на секунду задумалась.

Весь класс замер. И тут же сразу схватился за желтые карандаши и фломастеры. Может, желтым все же нельзя? Тогда свобода, значит, не полная.

– Можно и желтым, – тряхнула головой Нина Максимовна. – Я ж говорю – все можно, чтоб обязательно только через точку «В» и параллельно прямой «СД».

Весь класс сразу бросил желтые карандаши и фломастеры. Желтым не так ярко будет, нет, нет, лучше каким-нибудь другим.

А Богданов, как всегда, ничего не спрашивал. Сидит рядом с Асей, сопит. И смотрит в свою тетрадку.

Все уже давно чертят. Всем весело, что такая свобода!

– Вадик, а ты почему же не работаешь? – удивилась Нина Максимовна.

– Я думаю, – сказал Богданов хмуро.

– Это нужное дело, – уважительно сказала Нина Максимовна.

И больше Богданова не торопит. Он сам выбрал красный фломастер и теперь тоже работает.

Так весело было в классе! И вдруг что-то уже не так. Это прямо в воздухе чувствуется. Стасик Иващенко зачем-то грызет свой зеленый карандаш. Вздыхает Света Малинина. Петя Гуревич измазался красками, все равно чертит. Вдруг лист из своей тетрадки вырвал и снова все рисует с доски,

на чистом листе. А Нина Максимовна гуляет по классу. Веселая. И ко всем пристаёт.

– Что, Стасик? У тебя карандаш не пишет? – пристаёт Нина Максимовна. – Вон, возьми на столе.

– Пишет, – говорит Стасик. И на Нину Максимовну почему-то не смотрит.

– Света, и сколько же у тебя линий? – все пристаёт Нина Максимовна. – Можно взглянуть?

– Я еще не кончила... – шепотом отвечает Света. И свою тетрадку загораживает от Нины Максимовны локтем.

– Я не тороплю, – кивает Нина Максимовна. – Мне просто интересно, у кого больше линий окажется. Петя, у тебя краска на щеке! Может, тебе фломастеры дать?

– Не надо, – говорит Петя. Краску на щеке так и не стер и Нине Максимовне никак не смотрит в глаза.

Никто на нее не смотрит! Все уткнулись в свои тетрадки, будто ужасно заняты, они еще работают, еще чертят великое множество прямых линий, проходящих через точку «В» и, само собой, параллельных прямой «СД».

Ася тоже свою тетрадку прикрыла локтем. Водит фломастером просто так. И косится вправо, что там Богданов делает. Сколько у него этих линий? Но Богданов почти лег на свою тетрадку, ничего не видно.

– Что, Вадик, устал? – пристаёт Нина Максимовна. – Ася, закончила? И что же вышло?

– Нет... – сказала Ася.

А чего «нет», она и сама не знает. Но Нина Максимовна уточнять не стала. Прошла по проходу дальше. Гуляет!

Все молчат. Тихо. Богданов рядом сопит. Вдруг поднял голову и говорит громко:

– Одна...

– Что – одна? – Нина Максимовна так к нему и подбежала.

– У меня одна линия. Больше нету...

– Как? Только одна? – удивилась Нина Максимовна. – Почему же так мало?

Богданов молчит. Весь класс к нему обернулся.

Ну, этот Богданов! Лучше бы он молчал. Вылез зачем-то со своей линией. Все будут теперь смеяться.

– Ну? – пристала Нина Максимовна. – Объясни, я жду.

Будто Богданов ей может что-нибудь объяснить со своей одной-единственной линией!

– Больше нельзя... – вдруг сказал Богданов. И прямо на Нину Максимовну смотрит. – Если еще, тогда будут не через «В». Или они тогда не будут параллельны этой... прямой «СD»...

Кто-то уже хихикнул. Весь класс задвигался за своими столами. Нина Максимовна молчит почему-то и так на Богданова смотрит...

Вдруг говорит:

– Вадик Богданов, я тобой горжусь! Вот именно, что только одну такую линию можно провести. Многие уже, наверное, убедились, но сказать вслух никто не решился. А ты ре-

шился! Ты первым решился! Это всегда трудно, я знаю. Спасибо.

Вот как она сказала!

И весь класс, весь третий «А», застыл на своих местах и глядел теперь на Богданова с гордостью. Вот у них, значит, какой Богданов! А они и не знали.

Ася почувствовала, что она краснеет, как Светка Малинина, от гордости за своего друга Богданова. И еще немножко, может быть, оттого, что совсем недавно она – наоборот – за него стыдилась.

А Богданов засопел-засопел. И говорит:

– Ничего не трудно. Пожалуйста.

Тут Нина Максимовна засмеялась. И сразу весь класс, весь третий «А», начал так смеяться! Охать, стонать, хохотать, визжать и извиваться над своими столами. Но не очень, конечно, громко, потому что еще урок.

Но этот прекрасный урок неожиданно кончился.

Больше нет сегодня уроков, надо идти домой.

Ася выскочила из класса и вдруг увидела свою маму. Вот уж не ожидала, что мама в школу за ней зайдет!

– Ух, как я по тебе соскучилась, Чингисхан, – сказала мама и обняла Асю прямо в коридоре.

У мамы через плечо сумка-макраме, которую Кирилл подарила Асе. И вообще такой свежо-праздничный вид, будто мама только что после бессонной ночи в поезде.

– Ничего, что я за тобой зашла?

Не ничего, а просто прекрасно!

Ася сразу же хотела ей рассказать, как сейчас на уроке...

Но тут на ее маму налетел Богданов собственной персоной. И сообщил ей счастливо:

– А меня Нина Максимовна сегодня похвалила!

– Ой, как я за тебя рада, – обрадовалась мама.

– Я тоже за себя рад, – серьезно ответил Богданов.

Побежал дальше к лестнице, за мальчишками. Все-таки друзья и в счастье познаются. Ася где-то читала. Уже зазнался. Даже не спросил, идет Ася или нет?...

Но Ася все-таки плохо знала еще Богданова,

Он сразу вернулся и подошел:

– Ты домой, Ась?

– Нет, я с мамой, – сухо вато сказала Ася. Но ей было приятно, что он все-таки вернулся.

И тогда Богданов побежал за мальчишками с чистой совестью. А если бы кто-нибудь сейчас посмотрел на него со стороны, то ни за что бы не сказал, что это идет одинокий человек. Нет, Богданов – наоборот – лихо скатился вниз по перилам. И что-то лихое при этом орал. И ему тоже орали. А уже внизу его поймала дежурная и стала нудно отчитывать.

Это была здоровущая восьмиклассница, прямо – тетка. Но Богданов так бесхитростно смотрел на нее своими разными глазами, одним – коричневым, а другим – синим, что даже эта здоровущая восьмиклассница устыдилась вдруг своего занудства:

– Чего тебе говорить? Сам же знаешь! Нельзя по перилам ездить.

– А мне очень хотелось, – объяснил Богданов.

– Мало ли чего хочется, – вздохнула много уже чего повидавшая в своей жизни и даже в чем-то уже разочаровавшаяся восьмиклассница. – Тем более нельзя.

Богданову жалко стало ее, что она так вздыхает. И он поделился с ней своим счастьем:

– А меня Нина Максимовна сегодня похвалила!

– Да ну? – удивилась дежурная. Неизвестно, правда, знала ли она Нину Максимовну, потому что в восьмом классе уже совсем другие учителя. – Ну ты молоток!

И они расстались, вполне довольные друг другом. Дежурная осталась под лестницей, на своем посту. А Богданов побежал дальше, весело задевая портфелем всех, кто ему попадался.

Неизвестно, кому он еще рассказывал в этот день, что его похвалила Нина Максимовна. Но уж Богдановой-маме он наверняка рассказал. И, возможно, Богданова-мама будет теперь за него спокойна. Очень может быть. Ведь от доброго слова, вовремя сказанного, иногда вдруг поворачивается человеческая жизнь. Это бывает...

Ася с мамой, минуя дежурную, которая, конечно, им никаких замечаний не делала, тоже выбрались, наконец, на улицу.

– Мы ведь сразу домой не пойдем? – догадалась Ася.

– Ни за что, – подтвердила мама. – Давай просто так пройдемся. В никуда.

– Можно в никуда, – согласилась Ася.

И они пошли с мамой рядом, как подруги, которым просто приятно такое избранное общество и они другого не ищут.

В сквере было солнце. Бесшумно летели желтые листья. И приземлялись бесшумно на желтую траву. На скамейках сидели бабушки и кричали своим внукам, чтобы внуки не хватали черного терьера Гошу за хвост. Но внуки все равно хватали. А Гошина хозяйка смеялась, прикрыв лицо газетой, будто она не видит.

– Погляди, сколько у этой скамейки ног? – вдруг сказала мама.

Ася взглянула. Вообще-то было, без сомнения, четыре, но Ася видела сейчас две и казалось, что больше нету.

– Две, – сказала Ася.

– Вот именно, – чему-то обрадовалась мама. – Художник может увидеть у лошади две ноги. Или, например, восемнадцать. И все будет правда. Все зависит от точки зрения. От собственного глаза.

Ася поняла, что мама, вообще-то, не с ней сейчас разговаривает. Может, сама с собой? Но Асе все равно было приятно вот так равноправно и не спеша беседовать со своей мамой, поэтому она возразила солидно:

– А скажут, что у лошади четыре ноги!

– Могут сказать, – вздохнула мама, подумав. – Но худож-

ников, кстати, это никогда не останавливало...

Они пересекли сквер, пошли по улице, за углом свернули и снова оказались на улице, только теперь на другой. Это была уже скорее аллея. Тут стояли липы. И они пошли прямо под липами. И мама не спрашивала, как эта липовая аллея называлась раньше, когда построен высокий дом с башенкой и кто из великих людей в нем когда-то жил. Она, честно говоря, и сама не знала. У мамы был такой недостаток, но с этим ее недостатком Ася охотно мирилась. Может, она даже считала его достоинством?

Мама зато рассказывала Асе, как цветут маки в пустыне, такие вдруг внезапные после дождя на песке, мгновенные, как яркая вспышка, яростно одержимые быстротечностью своей жизни на один-единственный день. Надо учиться у этих маков полноте и щедрости самовыражения...

Какое еще самовыражение? Ну, неважно. Ася даже не переспросила. Важно только то, что они с мамой беседуют сейчас равноправно, будто подруги, и глаза у мамы веселые, с чертиками.

Потом мама рассказывала, как ее поразило северное сияние.

На всю жизнь оно ее поразило. Мама думала – это просто свет. Ну, ночь, например, а все равно светло. А северное сияние – это титанический пляс небес! Будто кто-то невидимый вертит в небесах яркой цыганской юбкой и неостановимо мечется по всей небесной шире, меняя цвета ее и грани-

цы. Вдруг ощущаешь, в этих мятущихся сполохах, неистовые прорывы вечности в нашу коротенькую, как воробьиный нос, человечью жизнь. Это словами передать трудно. Когда-нибудь они с Асей поедут на Север и Ася сама поймет...

– А мы поедем? – осторожно вставила Ася.

– Обязательно, – серьезно пообещала мама. – Я должна вам с папой все сама показать. Тундру. Пустыню. Горы. Все-все...

И когда этот их разговор достиг высшей ступени сродненности душ, Ася сказала:

– Можно я тебе стихотворение прочитаю?

– Давай, – кивнула мама.

Даже не спросила – чье, какой поэт написал. Это всегда надо помнить. Папа вряд ли ей проболтался. Он стихи все равно забывает. Хотя, возможно, это был как раз единственный случай, когда папа запомнил стихотворение с одного раза.

Они остановились на каком-то углу, и Ася прочитала:

В Зоологическом музее
Стояли песики царя,
Облезлее и некрасивей
Еще не видела земля,
Хоть Петр Первый был разборчив,
Наверно знал он, что имел, –
Бегут смотреть все-все другое,

На псов никто не поглядел...

– Это мы в Зоологическом музее с Прониным были, помнишь?

– Помню, – кивнула мама.

И они пошли дальше по тихой улочке, названия которой Ася с мамой, наверное, даже уже не знали, потому что забрели далеко.

– Мне понравилось, – сказала наконец мама.

– Правда? – вспыхнула Ася. Ей вдруг стало горячо. Всюду. Внутри.

Маме понравилось, что Ася не о себе сочинила. Ну, все равно о себе, конечно, – как она это чувствует. Но не только о себе. Значит, Ася способна почувствовать за другого. За этих песиков, например, которых давно уже нет на свете. А они тоже были. И мы кое-что о них знаем, что делает их в наших глазах почти историческими личностями. Знаем, что они жили при самом Петре, он их, по-видимому, любил, как Ася своего Фингала. Но жизнь тороплива! Ася и сама заметила – все бегут. Некогда задуматься. И не только даже о песиках. А вот Ася задумалась, как-то по-своему их увидела, пожалела, что ли...

Не зря сходила в музей. Открыла для себя новое. Главное ведь даже не в том, чтобы увидеть что-то новое. Это просто – еще одно новое. Это количество. А гораздо важнее что-то новое в себе почувствовать, чтоб душа шевельнулась болью

и пониманием. Это уже другое качество. От этого, кстати, в мире вся доброта. И еще маму радует, что Ася потом свои впечатления не выкинула из головы, как пустяк, а не поленилась записать...

– Я сначала как раз поленилась, – сказала Ася.

Она сперва про себя все придумала. Ночью. Вдруг проснулась. Придумала. А никакого листочка поблизости нету. Ася встать поленилась. Она уже утром записала, перед школой.

– Ночью, утром, какая разница?

Главное, Ася душу свою не поленилась тревожить...

И еще маме приятно, что у Аси, кажется, есть чувство языка. Рифмы у нее любопытные. Например, эти: «музее» – «некрасивей». Кому-то даже, возможно, покажется, что тут рифмы нет...

Ага, папа так и сказал. Но Ася, конечно, его не выдала.

А маме как раз импонирует смутная отдаленность созвучий, которую тут Ася, видимо, слышит. Это как, к примеру, костер в густом тумане. Ты идешь сквозь плотный туман и никакого костра еще не видишь. Но уже чувствуешь, что он есть. Рядом где-то. Ощущаешь какое-то его невидимое мерцание, как бы горячую близость. Значит, он есть. Там тепло, люди вокруг сидят, ветки трещат в огне, уха, может, уже кипит. И это заставляет тебя идти, несмотря на слепой туман и усталость...

– А мы долго будем идти? – спросила Ася.

Она вдруг почему-то устала. Может, мама ее заговорила?

Или просто они уж слишком далеко забрели? Папа даже не знает, что они с мамой гуляют. Будет Асю из школы ждать, глядеть на часы, в окно, потом на улицу выскочит...

– Пора домой, – спохватилась мама.

И для скорости обратно они доехали на автобусе. Не так уж долго и ехали вообще-то.

А папа в ванной проявлял пленки и даже не знал, сколько времени. Так увлекся! Думал, что еще рано...

Ася с мамой открыли своим ключом и вошли. Они сразу увидели, что никто их не ищет. Уж Константин нежится в раковине. Папа воды ему напустил. После отъезда Пронина все в дому старались создать ему оптимальные условия, чтобы уж Константин сохранился для потомства. Мария-Антуанетта лежит на горячей батарее и ни на кого не рычит. Увидела Асю с мамой, открыла глаза и сразу сказала «Мррр». Она всегда поздоровается! Фингал, вообще-то, грыз кость и с болью от нее оторвался. Но все-таки оторвался, подбежал к Асе и взгромоздил ей на плечи свои могучие лапы. Чуть Асю не уронил. И опять схватился за свою драгоценную кость.

В его миске сидела Лариса, которая по паспорту – Нюра, и нехотя, больше для порядка и от нечего делать, копалась носом в остатках Фингаловой каши. Вряд ли даже Лариса могла раскопать там что-нибудь вкусное, кроме каши. Мясо Фингал давно выудил. Но все-таки Лариса трудилась и отвлекаться от этих трудов ради такого рядового явления как приход Аси и мамы не стала. У нее тоже чувство собственно-

го достоинства! Ася к ней сама подошла и пощекотала между ушей. Лариса фыркнула и снова уткнулась в миску. А морская свинья Дездемона мирно спала у себя в клетке. Ведь папа, ее любимчик, был дома и Дездемоне нечего было волноваться...

Тут папе вдруг показалось, что кто-то ходит в квартире, и он выскочил из ванной. Увидел – кто ходит, обрадовался и сразу, быстрый какой, набросился на Асю:

– А ты почему это с мамой? Опять ты маме мешаешь? Маме нужно побыть одной! Я же тебе объяснял!...

Прямо раскричался, не разобравшись. Всегда он так!

– Вовсе мне не нужно, – сказала мама.

– Как это – не нужно? – растерялся папа.

– А вот так, – засмеялась мама. – Я сама за Аськой в школу зашла.

– Что она, дороги одна не найдет?

– А мне просто с ней захотелось побыть, – объяснила мама.

Папа опять ничего не понял. Непонятливый все-таки!

– Могу я побыть с собственной дочерью?

– Можешь, – поспешно согласился пап – Я же только из-за тебя. Чтобы ты не теряла время. Ася уже большая. Мы с ней великолепно справляемся, верно, Аська? Я просто боюсь, что она тебя собьет...

– Не собьет, – беспечно сказала мама. – Вот работу закончу, и мы все вместе

куда-нибудь махнем, а?

– Как это – закончишь? – совсем запутался папа. – Ты же вчера еще говорила,

что абсолютно не знаешь, о чем писать...

– Так то вчера! – засмеялась мама.

Мама сама не понимает, как это вышло.

Она утром проснулась. И вдруг у нее на душе такая прозрачность! Прямо – тишь, сугробы и снежинки тихо летят. Мама ужасно удивилась. Сперва она в эту прозрачность и не поверила. Полежала еще. Нет, все равно прозрачно! Тогда мама вскочила. Вымыла в кухне раковину, подмела пол во всей квартире, пыль вытерла с пианино. А ей все равно прозрачно!

И вдруг мама поняла, что она всю свою повесть, которой еще нет, от первого до последнего слова – знает. Можно садиться и писать. Даже села, чтобы проверить. И начала! Все равно все знает. Тогда мама подумала – куда торопиться? Когда все она уже знает. Можно, к примеру, за Асей в школу сходить, посидеть всем вместе в кафе-мороженом или пойти в кино. Сто лет нигде уже не были! Хочет папа в кино?

Папа хочет, хочет. Если с мамой. И с Асей. Но он как-то еще не может привыкнуть. Мама его немножко ошеломила. А она уверена?...

– Уверена. Можешь сам взглянуть на машинке.

Нет, папа смотреть не будет. Это не его ума дело. Он суеверный. Ну, предположим, мама уже начала. Но сможет ли

она продолжить? Вдруг этот кризис завтра опять вернется?

– А мы дверь изнутри запрем, – смеется мама.

– Дверь? – Папа опять не понял.

– Чтобы не впускать этот кризис, – хохочет Ася. – Да, мама, да?

– Подождите, – сердится папа. – Дайте сообразить! Значит, ты начала работать?...

Уф, как длинно до папы доходит.

– Все не веришь? – смеется мама.

Она именно – начала. А если уж она начала, то она обязательно закончит. Рано или поздно. Она не умеет дело на полпути бросать. Для нее главное – написать первую фразу и все знать до последнего слова. Остальное мама уж как-нибудь осилит...

– Ура!!! – закричал вдруг папа.

Подхватил маму, поднял высоко и как швырнет ее на диван. Потом Асю как схватит. И как на маму швырнет! Так мягко! Потом Марию-Антуанетту с батареи стащил и как на Асю бросит! Оторвал Фингала от кости и хочет тоже его втащить на диван. Фингал упирается. Ему эту кость жалко оставлять. Вдруг, пока он валяется на диване, кто-нибудь ее стащит? Но папа Фингала все-таки заволок. И сам сверху как плюхнется!

– Ура! – кричит папа. – Куча-мала!

Нахохотались и пошли в кино...

А потом мама, как обещала, написала эту повесть. И в

конце поставила точку «А». Или «В» – все равно. Можно любого цвета. И желтую тоже можно.